

Алексей Русанов

Skugin.

Темнейший путь

Перед вами история, которая происходит в мире культовой игры The Elder Scrolls V: Skyrim. Но это не ЛитРПГ, не похождения очередного попаданца в виртуальном пространстве. Это фантазия о том, какие приключения могут ждать обитателя величественной и загадочной земли Скайрим. Герой книги — подкидыш-изгой, который проходит очень непростой путь, чтобы в конце обрести пугающее могущество. Но как он им распорядится? Об этом вы узнаете, прочитав книгу.

Кроме того, вы побываете в шайке разбойников, отведаете настоящее эльсвейрское фондю в караване каджитов, тяжело потрудитесь с аргонианами в портовых доках, поучаствуете в зловещем мистическом ритуале, посетите один из иных планов бытия, управляемый бессмертным и грозным Принцем Даэдра...

Если вы играли в TES V: Skyrim, то вас ожидает возвращение в родные, до боли знакомые места. Если вы ничего не слышали об этой игре, но любите фэнтези, приключения и магию, то и вам книга может быть интересна (это доказано бесчеловечным опытом над живым человеком).

Глава 1. В тихом Фолкрите

Кое-что он любил: гулять в одиночку в глухой чащобе, удить форель в горном ручье, разбирать под руководством наставника древние свитки. Но больше всего нравилось Мордану ходить на фолкритское кладбище, большое и старинное, бродить там среди замшелых полуутонувших в земле надгробий и в своих мыслях общаться с давно забытыми героями, похороненными там. Другие фолкритцы из суеверного страха старались на кладбище не ходить лишней раз, и это позволяло Мордану успешно прятаться там от родителей.

Любой, кто попал бы в дом Мордана и недолго понаблюдал за его семьёй, очень быстро бы всё понял. Например, рано утром Стемора, наварив клейкой и пресной овсянки, кричала зычным неженским басом: «Тефар! Лемме! Гемме! Идите снестать!». Имя Мордана не упоминалось, хотя оно вообще редко звучало, всем было достаточно «эй ты» или простого подзатыльника. Тарелок на столе стояло четыре, и когда Мордан робко сел на край скамьи, он смотрел, как черпак сначала наполняет тарелку Тефара, главы семьи, затем тарелку Стеморы, хозяйки, потом пара наполненных тарелок одновременно придвигается Лемме и Гемме, близнецам, похожим друг на друга, как две рукавицы. Перед Морданом молча ставился горшок, и он, скребя по стенкам деревянной ложкой, доедал пригоревшие остатки. После трапезы именно Мордан должен был собрать посуду, отмыть её в лохани с холодной водой и вытереть досуха, а если он вдруг взбрыкивал и убегал, не исполнив обязанность, вечером его ждала неизбежная, как закат солнца, порка. Оборонительный подъём локтя был самым обычным его жестом. Лемме и Гемме ни разу в жизни посуду не мыли, и наказывали их чрезвычайно редко. Словом, Мордан был приемыш. Впрочем, это было понятно с первого взгляда, потому что в семье чистокровных нордов — светловолосых, голубоглазых, белокожих — не мог бы родиться мальчик с алыми, словно киноварь, глазами, с пепельно-серой кожей, с жёсткими чёрными волосами и бровями, изогнутыми резким углом, словно надломленная ветка. Всякий, кто хоть раз в жизни видел тёмных эльфов, безошибочно узнал бы в Мордане типичного данмера. И если бы он полюбопытствовал, откуда в скайримском захолустье взялся этот мальчик-данмер, то услышал бы целую историю.

Тефар и Стемора родились и выросли в тихом богами забытом Фолкрите, а когда пришла пора, родители их поженили. Жили они ладно, но одна беда — Стемора никак не могла понести. Она много молилась милосердной Маре, чтобы та послала ей ребёночка. Добрая богиня вняла её молитвам, и однажды туманным апрельским утром у двери своего дома Стемора обнаружила корзину, а в ней странный мяукающий свёрток. Развернув его, она увидела младенца, с серой кожей, красными глазами и острыми ушками. Тефар, отец которого участвовал в восстании Буревестника, эльфов недолго любил и поначалу совсем не хотел оставлять подкидыша. Но разве может мужчина устоять перед женщиной, в которой вскипело материнское чувство? Разумеется, Стемора его переубедила, и он скрепя сердце согласился, хотя и проворчал: «Смотри, как бы потом пожалеть не пришлось». И как в воду глядел. Ровно через год Стемора забрюхатела и в положенное время явила на свет двух мальчишек. Роды были тяжкими, она чуть не померла, и, наверное, поэтому так трудно давшиеся родные дети стали Стеморе особенно дороги, а к чужому красноглазому подкидышу сердце совсем охладело.

Мордан рос, как чертополох у забора, никому не нужный, никем не любимый, всем чужой. Фолкритские дети не принимали в свои игры странного мальчика, не похожего ни на кого. Братья, видя отношение родителей, тоже его не любили, часто дрались с ним, и поскольку нападали двое на одного, всегда легко его побеждали. Единственным человеком во всём Фолкрите, кто относился к Мордану без неприязни, был старый жрец Аркея Улрин. Но он относился одинаково спокойно и снисходительно ко всем живым людям. Впрочем, к неживым он относился точно так же, поскольку его долгом было провожать их в последнюю дорогу. Кроме того, старик был единственным учителем в Фолкрите и задаром обучал местных детишек грамоте. Именно на занятиях в доме Улрина Мордан ненадолго мог почувствовать себя хоть в чём-то превосходящим других детей, потому что был он сообразительным, внимательным и раньше всех вскидывал руку, желая ответить, если учитель задавал вопрос. Так же быстроумие пригождалось и после занятий, когда дети пёстрой разновозрастной гурьбой вываливали на улицу и начинали развлекаться, обзывая и дразня Мордана.

— Эй, Морда! — окликал его Фир, толстый и тупой мальчишка, который постоянно громко портил воздух на занятиях.

— Чего тебе, пень с глазами? — моментально откликнулся Мордан.

— Ты — Морда! — повторял Фир, считавший это очень остроумным.

— А ты бочонок с протухшей капустой. Отойди подальше, воняешь!

— Морда-а-а! — присоединялась к дразнилкам рябая Берда, которая была ещё толще, чем Фир, и училась хуже всех.

— На свою морду посмотри, Берда! — отвечал ей Мордан. — На ней драугры горох молотили!

Среди детей слышалось хихиканье, но сразу обрывалось, как только разозлённая Берта оборачивалась в их сторону.

— Ты ублюдок красноглазый! А твоя эльфийская мать — шлюха! — кричал длинный золотушный Камерат, который на уроках Улрина ковырял в носу и втихаря поедал козьявки.

— А твоя — корова безрогая! — парировал Мордан. — А отец — лесной спригган, корявый да трухлявый, поэтому и ты получился тощий, как палка, которой помои в ведре перемешивают.

Теперь все смеялись над Камератом.

— Эй, ты, серая сволочь! — выходил из глубины толпы рослый Болли, сын трактирщика и главный заводила среди мальчишек. — Иди сюда и поцелуй мой кулак.

— Не буду я его целовать, он у тебя навозом воняет, — отвечал Мордан, предусмотрительно отступая на безопасное расстояние, — потому что ты с навозной кучей обнимался. Она же твоя невеста!

Громовым хохотом взрывалась вся компания детей, Болли вспыхивал от обиды и кидался с кулаками на Мордана, но тот, хотя и не умел хорошо драться, зато отлично бегал. Поначалу ему легко удавалось сбегать. Но потом, видно, Болли сговорился с Фиром и Камератом, так что все трое кидались на Мордана одновременно с разных сторон, и в итоге он оказывался лежащим на земле, а сверху на него всей тушей усаживался Фир. Не спеша вразвалочку подходил Болли, брал Мордана за волосы и подносил к самому носу невымытый кулак.

— Понюхай как следует, недоносок остроухий. Разве пахнет навозом? А? Пахнет? Пахнет?! Чего молчишь, красноглазый? Отвечай!

И с каждым вопросом кулак врезался в нос, из обеих ноздрей текла юшка. Но Мордан молчал, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы. Иногда, заслышав шум, выходил Улрин, похожий на тощего седого аиста в бесформенной бурой рясе, и разнимал дерущихся. Иногда не выходил, и тогда издевательства продолжались до тех пор, пока Болли и его подручным это не надоедало. И каждый раз вокруг стояли и смеялись другие дети, громче всех ржала рябая Берда, сводные братья Лемме и Гемме тоже скалили щербатые зубы. Только один человек не смеялся в такие моменты — Эйра, ровесница Мордана, дочь хозяина торговой лавки. Она плотно сжимала губы и, нахмутив брови, смотрела на Мордана. Из всех фолкритских детей только Эйру Мордан не презирал. Но не потому, что она не смеялась, когда его били, а потому что на уроках Улрина она была единственной, кто мог соперничать с ним в знаниях и сообразительности.

Через некоторое время дети поняли, что состязаться в обзывалках с Морданом бесполезно, и стали его просто сразу бить. Как-то раз Мордан украл у отца нож и, достав его, смог отпугнуть обидчиков. Они пожаловались на него своим родителям, те рассказали Тефару, и Мордан был избит дома так, что потом два дня отлёживался. Однажды ненавистная тройца мальчишек повалила его на спину, на одну руку уселся Фир, на другую — Камерат, а Болли одно колено поставил Мордану на грудь, а другим стал медленно и неотвратно давить на горло.

— Ну как тебе, грязная Морда? — с гнусной улыбочкой спрашивал Болли хрипящего Мордана. — А? Что? Не слышу?

Мордану не хватало воздуха, грудь не могла подняться, чтобы вдохнуть, горло сдавливалось, пока совсем не перестало пропускать воздух. Лицо Болли нависало над ним, приближалось, увеличиваясь и расплываясь, смешиваясь с алыми пятнами, плывшими перед глазами.

— Отпустите его! Вы его задушите! — вдруг услышал он рядом с собой тонкий голосок Эйры, которая не выдержала и бросилась на мучителей. Камерат приподнялся и оттолкнул её в сторону, но этого движения хватило, чтобы Мордан сумел высвободить правую руку, он упёр её в грудь Болли и уже угасающим путающимся умом представил, как всю свою злость, всю ненависть он направляет через эту руку в своего обидчика. Раздался душераздирающий визг, запахло палёным, и тяжесть моментально свалилась с груди и горла. Мордан глубоко вдохнул и мучительно закашлялся. У него звенело в ушах, и он не сразу сообразил, что звенит от воплей Болли.

— Что тут происходит, деточки? Кто кричал? — раздался спокойный голос Улрина.

Мордан приподнялся и увидел, что все дети с перепуганными лицами тычут пальцами в Болли, который, сидя рядом с ним на земле с разинутым ртом и зарёванными глазами, держится за грудь.

— Ну-ка, ну-ка, покажи, — сказал Улрин и осторожно убрал руку Болли в сторону. Под рукой оказалась здоровенная дыра в рубахе, с обугленными краями, а сквозь дыру багровел сильный ожог.

— Это Мордан! Это Мордан сделал! — загалдели голоса вокруг.

— Я ничего не делал! — попытался крикнуть Мордан, но из горла вырвались лишь невнятный сип и бульканье.

— Мы все видели: это он сделал. Мордан — колдун!

Улрин сдвинул седые брови.

— Мордан, Болли, пойдёмте со мной, — сказал он тоном, который не предусматривал

никаких возражений.

Мордан встал и пошёл за учителем. Он шёл справа от старика, а слева, слегка подвывая, плёлся Болли. Они пришли в знакомый дом Улрина, где он проводил занятия с детьми, но прошли не в привычную залу справа, с доской и стругаными лавками, а налево, в жильё Улрина.

Мордан был здесь впервые. Он с любопытством огляделся: простая сосновая кровать, застеленная медвежьей шкурой, сильно потёртый половик на дощатом полу, добротные дубовые шкафы вдоль стен. Всё простое, ясное, светлое, похожее на своего хозяина. Из примечательного только небольшой алтарь Аркея в самом дальнем от двери углу, выточенный из лилового камня, да столик у окна, заставленный всевозможными банками, склянками, бутылками, коробочками. Под высоким потолком на верёвках висело множество пучков разных трав, и от этого в комнате витал странно-приятный травяной дух.

Улрин подошёл к одному из шкафов, открыл скрипучую дверцу. Внутри на полках оказалось ещё больше многообразных склянок разной формы, цвета и размера с наклепанными на них подписанными бумажками. Жрец Аркея взял нужную ему склянку, затворил шкаф и, обернувшись, протянул её Болли.

— Держи, деточка. Будешь мазать ожог, и всё быстро заживёт. Не печалься, ступай домой. Да пребудет с тобой свет Аркея!

Болли схватил склянку и, бросив злобно-испуганный взгляд на Мордана, выскочил из комнаты. Стукнула входная дверь.

— А с тобой, Мордан, — сказал старик, усаживаясь на кровать, — нам нужно потолковать. Садись-ка рядом, деточка.

Сухая старческая рука похлопала по мохнатой шкуре справа от себя. Мордан осторожно сел. Он никогда ещё не разговаривал со жрецом один на один.

— Ты знаешь, что сегодня случилось, деточка? — ласковым спокойным голосом спросил старик.

Мордан молча помотал головой.

— В тебе проявилась магическая сила.

Мордан ошеломлённо уставился на старика. Тот пожевал губами и произнёс:

— Да-да. В тебе живёт магическая сила, как во многих детях твоего народа. Ты ведь знаешь, кто твой народ?

— Конечно! — ответил Мордан, презрительно скривив губы. Он не любил глупых вопросов.

— Существует великая сила, дарованная одним из создателей нашего мира древним Магнусом. Все племена эльфов особенно чувствительны к ней. В том числе и данмеры. У некоторых постижение магии занимает многие годы, а у тебя она проявилась сама собой. Да ещё и в таком малолетстве.

— Учитель, — с робкой надеждой обратился Мордан, — ты научишь меня с ней обращаться?

Лучистый взгляд Улрина вдруг погрустнел.

— Нет, детка. Не научу.

— Потому что сам не умеешь?

— Кое-что умею, — ответил старик, отводя глаза в сторону, — но учить тебя не стану. Сердце подсказывает мне, что магия не принесёт тебе добра.

Мордан понурил голову. Глупо, конечно, было надеяться.

— Не грусти, детка, — сказал Улрин и погладил Мордана по жёстким, как шерсть чёрного волка, волосам, мальчик лишь мотнул в ответ головой и отодвинулся. — Лучше я научу тебя благому искусству составления эликсиров и приготовления лечебных зелий. Лечить людей намного лучше, чем калечить или убивать. За это люди тебе всегда будут благодарны. Хочешь?

Мордан лишь молча кивнул.

После этого случая Болли и другие дети перестали задевать Мордана днём. Зато по ночам во сне ему часто стало видеться, как Болли садится к нему на грудь и давит, давит, давит на горло, воздуха не хватает, он задыхается, но руки-ноги обездвижены, он не может пошевелиться и понимает, что это всё, конец, сейчас он умрёт, и за секунду до смерти Мордан просыпался, тяжело дыша и слушая как кровь грохочет в ушах. Спал он на чердаке, заваленном ненужным старым хламом, на куче сена. Чердак был очень низкий, встав на колени, Мордан упирался головой в скаты крыши, но зато он был здесь один, и никто из семьи никогда сюда не заглядывал.

Улрин выполнил обещание и принялся заниматься с Морданом отдельно, посвящая его в тайны алхимии. Также к их занятиям присоединилась Эйра: её оборотистый отец решил, что было бы неплохо расширить семейную торговлю за счёт настоев, микстур и бальзамов. Мордану было скучновато зубрить рецепты снадобий, зато интересно было ходить с Улрином и Эйрой по окрестным лесам, собирая разнообразные грибы, травы, минералы и даже насекомых для зелий и эликсиров. Однако в глубине души он продолжал мечтать о магии. Однажды он видел, как проезжий меднокожий редгард на потеху зевакам сначала вскипятит дождевую воду в бочке рядом с таверной, а потом заморозил. В одно засушливое лето придворный маг ярла Фолкрита, редко показывавшийся на люди, вышел к делегации окрестных фермеров, выслушал их просьбу, сотворил заклятье, и за считанные минуты на небе собрались лиловые тучи и разразилась гроза с ливнем. Как-то раз на лесную поляну, где Улрин, Мордан и Эйра рвали горноцвет, вышел матёрый волчище, жрец Аркея сделал витиеватый пасс руками в воздухе, и волк, поджав хвост и заскулив, скрылся в чаще. Как ни умолял Мордан Улрина научить его этому заклинанию, старик остался непреклонен.

К шестнадцати годам у Мордана появился неожиданный друг. На лесной тропе он подобрал воронёнка, который, видно, ещё не умея летать, вывалился из гнезда и повредил крыло. Он выходил воронёнка, вырастил и дал ему имя «Фроди». Птица очень привязалась к хозяину, полюбила сидеть у него на плече и научилась хрипло выговаривать «Фррроди» и «Морррдан». Мордан по-прежнему часто ходил к Улрину, помогая ему как с зельеварением, так и со свершением погребальных ритуалов — главной обязанностью жреца. В отличие от суеверной Эйры, которая боялась даже перешагнуть порог Зала мёртвых, в котором проводились все заупокойные обряды, Мордан мертвецов совсем не боялся. «Бояться надо живых», — не раз назидательно повторял Улрин, укутывая в саван очередного покойника, а Мордан молча с ним соглашался.

— У тебя неплохо получается, детка, — как-то раз сказал ему Улрин, ставя толстую восковую свечу в головах у усопшего. — Ты не думал о том, чтобы посвятить свою жизнь служению Аркею? Ты бы стал моим отличным преемником.

— Думал. Возможно, я так и поступлю, — ответил Мордан, зажигая свечу в ногах. — Но я не уверен, что Тефар мне позволит. Он хочет, чтобы я горбатился на лесопилке, как и он.

— Почему ты говоришь «Тефар», а не «отец»? — с ласковым упрёком спросил Улрин.

— Он мне не отец! — резко ответил Мордан.

— Мордан, Мордан... — старик осуждающе покачал головой.

— Морррдан! — хрипло повторил Фроди, сидевший на плече. И учитель, и ученик улыбнулись.

Вдруг в дверь кто-то поскрёбся.

— Кто там? — крикнул Улрин.

— Это я, — слышался голос Эйры.

— Так заходи к нам! — с издёвкой в голосе откликнулся Мордан.

— Нет уж! — слышалось из-за двери.

Кряхтя и вздыхая, старик оторвался от своего занятия и пошёл на улицу. Мордан тоже вышел.

Быстро поздоровавшись, Эйра затараторила, рассказывая новость, которая, по её мнению, должна была заинтересовать жреца, по ходу рассказа постоянно поправляя непослушную белокурую прядку, упрямо спадавшую ей на глаза. Оказалось, что пару дней назад через Фолкрит проезжал какой-то бретонец, который всех уверял, что он выпускник Коллегии магов Винтерхолда. Однако каким-то образом у мага при себе оказалось совсем мало монет, и, чтобы собраться в дальнюю дорогу, он уболтал отца Эйры продать ему в долг всё необходимое, а в залог он оставил ни много ни мало — книгу, составленную им в Коллегии. Бретонец клятвенно пообещал на обратном пути из Сиродила, куда он направлялся по неотложным делам, выкупить книгу и с лихвой возместить все расходы торговца. Не иначе, как он применил какое-то волшебство, потому что прижимистый отец Эйры никогда никому в долг не давал, а тут поддался на уговоры. Эйра как самая грамотная в семье заглянула в книгу и обнаружила там много всего любопытного, в том числе разнообразные алхимические рецепты. Тут она вспомнила про Улрина и подумала, что ему было бы интересно на них взглянуть.

Старик поблагодарил девушку за это известие и пошёл вслед за ней в лавку посмотреть на такую диковинку. Мордан увязался за ним. Лавочник был рад визиту жреца, но «остроухому» заходить в дом не позволил, и Улрин попросил Мордана подождать его у крыльца. Эйра тоже осталась на улице. Мордан нечасто оставался с Эйрой с глазу на глаз, но всякий раз когда это случалось, у него что-то сжималось в животе, в голове становилось пусто и он совершенно не знал, о чём с ней разговаривать.

— Как у тебя дела? — первой заговорила Эйра.

— Как обычно, — буркнул Мордан.

Минута прошла в молчании.

— Как твой ворон? Говорят, что он разумный и умеет говорить, как человек. Это правда?

— Неправда. Он умеет повторять только два слова — «Фроди» и «Мордан». Фроди это его имя.

— А он может сейчас сказать?

— Не знаю. Он говорит, когда сам хочет.

— Ну попроси его! Пожалуйста! Ну пожалуйста!

— Ладно.

Мордан сунул руку в карман и нашарил несколько крошек от сухарей (своего сегодняшнего завтрака), вынул руку и поднёс ладонь с крошками к клюву ворона. Птица потянулась за крошками, но Мордан отодвинул руку.

— Скажи: «Фроди». Ну, давай, скажи! Фроди. Фррроди.

— Фррроди! — каркнул ворон, за что был сразу вознаграждён крошками.

— Как здорово! — Эйра счастливо засмеялась и даже захлопала в ладоши. — А можно ещё?

Но в этот момент из лавки вышел Улрин с увесистым свёртком в руках. Кряхтя, старик сошёл с крутого крыльца и кивком позвал Мордана за собой.

— До свидания, Улрин! — крикнула вслед Эйра.

— До свидания, детка, до свидания, — ответил старик.

— Пока, Мордан! Пока, Фроди!

Мордан ничего отвечать не стал и даже не оглянулся на Эйру. Они пришли в дом Улрина. Там старик водрузил свёрток на стол, бережно развернул, и Мордан увидел перед собой довольно толстую книгу в красивом коричневом переплёте из телячьей кожи.

— Там есть много интересных рецептов, — сказал Улрин. — Я договорился взять книгу на день, чтобы переписать из неё, что мне надо. Но вечером нужно будет её вернуть в лавку. Сам я не могу сейчас этим заняться. Меня ждёт старый Варди в Зале мёртвых. Ты не мог бы помочь мне, Мордан? Переписать для меня кое-что.

— Конечно, Улрин. Я помогу, — ответил Мордан, и в груди у него похолодело.

— Спасибо детка. Вот тебе бумага, — старик зашарил по шкафам, доставая письменные принадлежности, — вот чернила, перья. Я сейчас покажу, что именно нужно переписать.

Он открыл книгу, и сердце Мордана забилось так громко, что он побоялся, как бы Улрин это не услышал. Старик листал плотные пергаменные страницы, что-то пояснял, закладывая щепочками нужные места, а у Мордана звенело в ушах и всё плыло перед глазами.

— А? Что? — переспросил он, смутно поняв, что старик что-то спрашивает.

— Я говорю, успеешь за сегодня?

— Н-не знаю... Не уверен. Могу не успеть. Хорошо бы и завтра ещё раз её взять.

— Ты уж постарайся сегодня успеть, детка. Но если надо будет, я договорюсь. Пойду я, надобно обряд закончить.

Мордан только кивнул и, как только за стариком закрылась входная дверь, дрожащими руками схватился за книгу и стал жадно её листать. «Основы огненных чар»... «Магия отвода глаз»... «Заклинания ледяной стихии»... «... водной стихии»... «Отыскание сокрытого»... «Отворение замков и запоров»... «Подъятие и подчинение усопших»... В книге вперемешку с алхимическими рецептами были записаны разнообразные магические формулы! Заголовки на страницах мелькали перед глазами, и каждый вызывал вздох распирающего восхищения. Мордан отдал бы всё что угодно за эту книгу, но у него не было ничего, кроме Фроди, мирно дремавшего на плече. В отчаянии Мордан схватился за голову: он не знал, что ему делать? Как присвоить, как удержать это желанное и запретное знание, попавшее к нему в руки? Думай, голова, думай! Он чувствовал себя человеком, который

нашёл целую гору золота, но у него нет ни телеги, ни лошади, чтобы увезти всё. Что ж... Придётся унести столько, сколько уместится в руках и в карманах. Весь день он мелким убористым почерком переписывал для себя магические заклинания и прятал исписанные бумажки за пазуху, и только ближе к концу дня спохватился и принялся переписывать рецепты для Улрина, едва осилив половину к моменту возвращения жреца.

— Не успел, детка? — спросил старик. — Ну, ничего. Завтра допишешь. А пока, будь добр, отнеси книгу в лавку, раз уж так уговорились.

По дороге Мордан тайком достал бумажки из-за пазухи и припрятал в дупле старого корявого дуба. Отец Эйри недовольно наморщил нос, увидев Мордана в своей лавке. Ни слова не говоря на приветствия и объяснения Мордана, он выдернул свёрток у него из рук, развернул убедиться, что с книгой всё в порядке, завернул обратно и спрятал в большой окованный железом сундук в углу, закрыв замок каким-то хитрым ключом.

— Что стоишь? Ступай! — буркнул он Мордану и махнул рукой в сторону двери.

В сенях он чуть не столкнулся с входящей Эйрой.

— О, Мордан! Здравствуй!

— Здоровались сегодня уже.

— А ты зачем заходил? К отцу?

— Книгу вернул.

— А... Ну ладно. Пока!

— Пока, — буркнул Мордан и вышел на улицу.

Но не успел он пройти нескольких шагов, как вдруг перед ним оказался не кто иной, как Болли. Удивлённый Мордан остановился. За эти годы Болли вырос в широкоплечего молодца, высокого, выше Мордана на целую голову, и все незамужние девицы Фолкрита тайно о нём вздыхали. По бокам от Болли стояли неизменные Фир и Камерат. Фир стал похож на средних размеров рыжего медведя, вставшего на задние лапы и натянувшего человечесью одежду. Камерат стал ещё выше, ещё тощее, лицо его всё было усеяно прыщами.

— Привет, Морда, — опасно вкрадчивым голосом заговорил Болли. — Что это ты тут трёшься возле лавки?

— А тебе какое дело, огузок недожаренный? — ответил Мордан, задирая подбородок и следя боковым зрением за Фиром и Камератом, выдвинувшимися вперёд и вставшими по бокам от него.

— Да, в общем-то, никакого... — с нехорошей улыбочкой ответил Болли и вдруг резко ударил Мордана в лицо. Тот пошатнулся, невольно сделал шаг назад и, споткнувшись о подставленную ногу Камерата, опрокинулся навзничь. Все трое кинулись с остервенением бить его ногами. Вспорхнувший Фроди кружил над местом избиения и взволнованно каркал. Мордан попытался было встать, но под градом сыплющихся ударов это было невозможно, и он просто прикрыл локтями голову, чтобы каменно-твёрдые каблуки не проломили её. Мучители сочно хакали, втыкая носок сапога ему в живот или впечатывая всю подошву в хрустящие рёбра. Они даже не обзывали Мордана: берегли дыхание. Наверное, они забили бы его насмерть, если бы из лавки не выскочила Эйра и, вскрикнув, не кинулась бы к ним.

— Не надо! Мальчики, не надо! Перестаньте! — безуспешно зывала она, а потом бросилась к Болли и обхватила его сзади за плечи. — Болли, пожалуйста, оставь его! Я тебя прошу! Пожалуйста! Ради меня!

— Ладно! — сказал Болли, прекращая бить лежащего. — Всё, парни, оставьте этого недоноска.

Фир и Камерат тоже остановились и отошли на пару шагов от Мордана. Камерат, словно не в силах сразу отказаться от удовольствия, снова шагнул и от души со всей силы пнул Мордана в живот — напоследок. А потом ещё и плюнул на него.

— Хватит, я сказал! — скомандовал Болли, и Камерат отошёл с плохо скрываемым сожалением.

— Запомни, красноглазый, — сказал Болли, обращаясь к Мордану, осторожно убравшему одну руку от лица, — ещё раз тебя увидят возле Эйры, мы тебя убьём. И нам весь город только спасибо скажет. А ты, Эйра, больше чтобы слова с ним не говорила. Иди в дом!

Мордан остался лежать один посреди улицы, медленно затопляемой серой пеленой сумерек. Несколько минут он лежал плашмя и тяжело дышал. Потом, морщась и шипя от боли, поднялся на четвереньки. Откуда-то сверху слетел ворон, приземлился перед его лицом и нервно запрыгал, то недалеко отбегая вперёд, то возвращаясь к Мордану.

— Иду я, Фроди, иду, — сказал Мордан и сплюнул в сторону кровавый сгусток.

— Фррроди, — каркнула птица, и Мордану показалось, что в этом крике прозвучала жалость и сочувствие.

Дома его встретили, как всегда, неласково. Тефар ворчливо поинтересовался, где он весь день бездельничал, вместо того, чтобы по хозяйству помогать, а Стемора накинулась с упрёками, как это его угораздило так изгваздать в грязи и крови новую рубаху, которая она на него, дармоеда, недавно сшила. На разбитое лицо Мордана они даже внимания не обратили. Мордан вдруг встал посреди комнаты и, исподлобья глядя на приёмных родителей, неожиданно для самого себя громко заявил:

— Я хочу уйти из Фолкрита. Пойду учиться на жреца Аркея, как Улрин.

— Что? — возмутился Тефар и шагнул к Мордану. — Что ты сказал?!

— Я хочу уйти, — упрямо повторил тот.

— Ах ты щенок неблагодарный! — заорал Тефар. — Мы тебя столько лет поили-кормили, ты на нашей шее сидел-бездельничал, а сейчас, когда самое время за работу тебе приниматься, ты решил удрать? Ты у меня завтра же пойдёшь на лесопилку брёвна таскать.

— Не пойду, — мрачно глядя в пол сказал Мордан, впервые в жизни открыто возражая Тефару.

— Что-о-о?! — бешеным медведем взревел Тефар.

От его крика Фроди, как всегда, сидевший на плече хозяина, испугался и взволнованно каркнул.

— А ну заткни свою проклятую птицу! — заорал Тефар, и Фроди каркнул в ответ ещё громче. Тефар одним взмахом своей лапищи сорвал ворона с плеча и шмякнул об стену.

— Не трогай Фроди! — закричал Мордан, но Тефар одним толчком в грудь опрокинул его, а потом, к ужасу Мордана, шагнул к Фроди, который, топорща крылья, сидел на полу и ошалело крутил головой, приходя в себя от удара об стену, припечатал несчастную птицу к полу тяжёлым грязным сапогом.

— НЕТ! — не своим голосом заорал, срывая горло, Мордан, вскочил и с кулаками кинулся на Тефара. От неожиданности тот даже попятился на пару шагов, но потом заревел ещё громче:

— На отца? Руку посмел поднять на отца?!

— Ты мне не отец! — выкрикнул, словно плюнул в лицо, Мордан. В нём как будто пробудилась ярость берсерка: он бил, неумело, но бешено, стараясь сделать как можно больнее. Но сзади на него накинулись Лемме и Гемме, завернули за спину руки,

обездвижили, и тогда Тефар стал его бить, смачно, с отяжкой, то левой рукой, то правой — и по лицу, и под дых, и в пах.

— Так его, отец, так его, — приговаривала наблюдавшая за этим Стемора. — Чтоб знал!

Потом ночью Мордан лежал на чердаке и прислушивался к своему телу, на котором, наверное, не осталось ни одного живого места. Сознание его странным образом раздвоилось: тело с его болью было само по себе, а разум — сам по себе. Сначала он как будто со стороны наблюдал за ней, а потом она ему наскучила, и он стал обдумывать совсем другие вещи, никак с этой болью не связанные, и в процессе обдумывания как-то сам собой сложился план того, что делать и как дальше жить.

Когда за маленьким слуховым окошком ночная тьма начала набухать серым, Мордан, скрипя зубами от боли, приподнялся со своей кучи сена. Вдоль несущей балки у него были развешаны пучки трав, которые он насобирав вместе с Улрином. Он выбрал два — паслён и сине-лиловый колокольчик, сорвал и сунул за пазуху. Потом высунул голову в дыру в полу чердака, недолго послушал залиvistый разноголосый храп, бесшумно спустился по лестнице и на цыпочках прокрался на кухню. Там он взял пестик и ступку, в которой Стемора обычно толкла мак для сладкого рулета, положил туда травы и растолок в мелкий однородный порошок. «Лучшее средство, коли в подполе злокрысы завелись», — прозвучал в голове как всегда спокойный голос Улрина. В очаге висел котелок, наполовину наполненный недоеденным вчерашним рагу из кролика. Мордан высыпал порошок в рагу, тщательно размешал всё поварёшкой, а поварёшку вытер полотенцем и положил, как лежала — на крышку котелка. Затем всё так же бесшумно он прошёл в кладовую и набрал там немало вещей: охотничий нож Тефара, его тёплый шерстяной плащ, заплечную котомку. В котомку легли копчёный козий окорок, добрый мешок сухарей, круг эйдарского сыра, пара бутылок эля. Всё так же тихо он обулся в новые сапоги одного из братьев и вышел, в последний раз затворив за собой дверь.

Начинало светать, но на улицах ещё не было ни души. Проснувшиеся птицы пересвистывались в кронах деревьев, совсем недавно одевшихся в новенькие зелёные листочки. Мордан направился к одинокому старому дубу, росшему на окраине возле городской стены. Его корявые ветви оставались угрюмо-голыми. Там он сунул руку в дупло, пошарил и извлёк на свет скрученные в свиток бумажки. Свиток он бережно спрятал за пазухой. Глухими проулками он дошёл до торговой лавки, взошёл на крыльцо и остановился у запертой дубовой двери. Сердце гулко бухало в груди. Мордан достал заветные записи, развернул и нашёл нужную — «Отворение замков и запоров», а дальше следовало заклинание. Прочистив горло, он приложил ладонь к двери, как того требовала запись, и, слегка запинаясь, громким шёпотом прочитал заклинание. Ничего не произошло. Страх неприятным холодком прозмеился между лопаток. Неужели не работает? Она надавил ладонью на дверь сильнее и прочитал заклинание ещё раз. Всё осталось по-прежнему. В отчаянии он представил, как с той стороны двери тяжёлый внутренний засов медленно отъезжает в сторону, словно отодвигаемый невидимой рукой, и медленно и максимально чётко прочитал заклинание в третий раз. За дверью раздался гладкий шорох и глухой стук. Мордан надавил, дверь поддалась и открылась совершенно бесшумно на хорошо смазанных петлях. Затаив дыхание, он шагнул внутрь лавки.

Окованный сундук угрюмо смотрел из угла на незваного гостя. Мордан на цыпочках подошёл к нему и опустился на колени. Замок сундука поддался заклинанию только с пятого раза. Свёрток с бесценной книгой лежал на самом верху. Благоговейно, двумя руками

Мордан взял его и нежно, как живого переложил в свою котомку. Плавно и беззвучно опустил крышку сундука. Он уже почти дошёл до входной двери, когда за спиной у него вдруг послышался скрип.

Мордан резко обернулся. На лестнице в одной рубаше стояла Эйра — простоволосая, босая, с заспанным удивлённым лицом.

— Мордан? А ты что здесь?...

Мордан сначала приложил палец к губам, а потом махнул, как бы подзывая Эйру к себе.

Эйра подошла поближе, присмотрелась к его одежде и опять спросила:

— Ты куда-то собрался? Далеко?

— Да, — отрывистым шёпотом ответил Мордан. — Я уйду из Фолкрита. Навсегда.

— Куда? — удивилась Эйра.

— Куда-нибудь. Куда угодно, — сказал Мордан. Потом вдруг схватил Эйру за кисть и выдохнул:

— Пойдём со мной! Хочешь?

Эйра, пристально глядя ему в глаза, медленно помотала головой и медленно высвободила кисть из его пальцев.

— Тогда прощай! — отрывисто бросил Мордан, развернулся и бросился прочь.

Он почти бежал и думал, что вот сейчас Эйра сообразит что к чему, поднимет крик, проснётся и выскочит её папаша, кинется проверять сундук, всё увидит и поймёт, выбежит на улицу и рванёт, громко вопя, за стражниками... Так рано городские ворота, конечно, были ещё заперты. Но для Мордана, знавшего каждый закуток и закоулок, это не было проблемой. Он легко выскользнул тайной тропинкой из города и зашагал почти бегом, но не по дороге, а через лес на восток. Новоиспечённый вор и убийца оставлял у себя за спиной ещё спящий, только собирающийся проснуться Фолкрит.

Глава 2. Висельник

Верёвка скользнула по лбу, глазам, носу, задела подбородок и, упав на плечи, замерла.

— Проверь... кхе-кхе... чтобы петля... кхе... хорошо скользила, — подсказала слева рыжая эльфийка.

— Поучи ещё меня, Белка! — проворчал орк, надевший Мордану петлю на шею. — Чай, не первого вешаю-то.

— Я могу вам замки открывать, — быстро проговорил Мордан. — На дверях, на сундуках. Незаметно, без звука.

— Нам это без надобностей, — отмахнулся орк. — Мы, паря, замки топором ломаем.

Зелёная лапища с корявыми когтями всё же проверила на всякий случай, легко ли затягивается петля.

— Я готовить могу, кашеварить на всех! — умоляюще крикнул Мордан, видя, что орк уже спрыгнул со скамеечки, на которую привстал, чтобы надеть на него петлю.

— Стряпней... кхе... у нас я... кхе-кхе... занимаюсь, — возмущённо сказала эльфийка. — Этим-то олухам... кхе... без разницы, что телятину нежную жевать, что... кхе-кхе... старый сапог.

— Я могу тебя вылечить от кашль...

Но Мордан не успел закончить фразу, потому что орк одним мощным пинком выбил бочонок у него из под ног, петля моментально затянулась, и Мордан захрипел и задёргался, повешенный на воротах Хелгена.

Путь, который привёл его к такому печальному завершению, в своём начале был совсем иным — азартно-радостным и полным надежд. Покинув Фолкрит, которому в этот день предстояло удивиться и ужаснуться, Мордан сначала шёл без дороги и цели, просто увеличивая расстояние между собой и возможными преследователями. Но постепенно желание достать и раскрыть книгу, которую он сегодня украл, росло, распухало, как тесто в квашне, и наконец стало уже совершенно нестерпимым. Выйдя на поляну с большим плоским валуном посередине, Мордан остановился, огляделся вокруг, будто ожидая, что сейчас из-за кустов или деревьев выскочат дружинники ярла и кинутся на него. Но в лесу было тихо и спокойно тем особым покоем, который бывает, когда знаешь, что вокруг тебя на большое расстояние нет ни одного человека. Плащ, сложенный пополам и ещё раз пополам, лёг на плоский валун и стал мягким сидением, защищающим от каменного холода. Колени обрадовались тяжести, которую ощутили, когда на них легла заветная книга. Не спеша её открывать, оттягивая удовольствие, смакуя предвкушение, Мордан съел несколько сухарей и запил элем. В голове слегка зашумело. Всё. Больше тянуть невозможно.

Он открыл книгу и стал листать, но не жадно, как вчера отмечая только то, что обязательно, непременно, любой ценой надо переписать, а спокойно, вдумчиво, не вчитываясь пока в подробности, но оценивая, что в книге есть, обдумывая, когда и как это сможет пригодиться. Время словно замерло, весь мир для Мордана сжался до размеров фолианта, больше ничего не существовало, кроме желтоватых страниц и вьющихся по ним тёмно-коричневых строчек, дышавших жизнью, силой, магией. Он добрался до середины, до заманчиво-пугающего раздела о подъятии мёртвых, когда в сознание проник какой-то новый звук. Мордан вздрогнул и огляделся. Первые пару секунд он никак не мог сообразить, где он и что его отвлекло, и лишь погодя понял, что это просто сосновый дрозд насвистывает свою

песенку. От долгого неподвижного сидения затекла шея, и Мордан пошевелился, чтобы поменять положение тела, и сдавленно простонал: сразу в нескольких местах движение отозвалось болью. Вчерашние избиения давали о себе знать. Так! А ведь в книге же недавно, только что буквально попадалось... Он стал лихорадочно листать страницы в обратном порядке, пока не открыл нужное. Страница была озаглавлена: «Исцеление малых повреждений тела самого мага». Сначала Мордан, знакомясь, прочитал заклинание глазами, а затем громко и чётко произнёс вслух. И — ничего не произошло. Внутри стало разгораться раздражение: что с этими заклинаниями не так? Почему они не работают? Неужели всё зря?

Мордан закрыл глаза, глубоко вдохнул (вдох отдался тупой болью в отбитых рёбрах), медленно выдохнул. Открыл самую первую страницу и стал вдумчиво и внимательно читать «Основы магического искусства для малоопытных чародеев, лишь начинающих свой путь магического совершенствования». Текст, записанный старательным школярским почерком, был мудрёным и витиеватым, но при достаточном упорстве и вдумчивом чтении можно было постичь его смысл.

«Бесплотная и неосязаемая сила магии, — говорилось в книге, — может быть заключена в треугольник из Разума, Чувств и Тела. Но лишь прибавление Воли позволяет этой силе вырваться из плоскости и обрести новое измерение, превратив треугольник в пирамиду». Так-так-так... В пирамиду, значит. И как сие понимать? Разум, Чувства и Тело... Может быть, магия проявляет себя не просто через произнесение какого-то набора звуков, а когда человек всей своей троичной природой проводит её в этот мир, позволяет ей воплотиться... А значит? Значит, разум — это... это... вероятно, сосредоточенность мысли и внимания на заклинании... Тогда, чувства — это... Так, какие у нас бывают чувства? Страх, гнев, грусть, радость, желание... Желание! Наверное, нужно сильно желать, чтобы заклинание сработало. Тело... Какой-то жест? Указание рукой или пальцем на что-то, что заклинаешь... Ага, разум, чувства и тело есть. Что там ещё осталось? Воля... Что такое воля? Хм... Ну, воля... воля, это, например... например, когда я решаю что-то сделать и не останавливаюсь, пока это не сделаю, пока не закончу, я как бы весь направлен на свою цель... Цель! Воля — это цель, на которую направлено заклинание! Так-так-так... Попробуем ещё раз, но уже задействуем всю эту «пирамиду».

Мордан закатал рукав на левой руке, положил кисть правой на предплечье, всё испятнанное синяками, и, стараясь представить, как рука становится здоровой, прочитал вслух заклинание, пытаясь вложить в него всю возможную внутреннюю силу. И у него получилось! На глазах синяки стали бледнеть и растворяться. Получилось!

Мордан поскорее задрал рубаху и оглядел свои многострадальные бока. Они выглядели ещё хуже, чем рука. Он обнял сам себя, закрыл глаза и на этот раз мысленно повторил заклинание, благо память его всегда была очень цепкой. Открыл глаза и оглядел себя. Да! Ссадины и кровоподтёки таяли на глазах. Правда, неожиданно на него навалилась тяжкая усталость, всё поплыло перед глазами, на миг показалось, что он сейчас потеряет сознание. Мордан поспешил заглянуть в книгу и узнал, что для магов, которые лишь начинают свой путь, объём доступной волшебной силы весьма ограничен, и довольно опасно переусердствовать в её использовании. Необходимо делать перерывы, чтобы укрепить тело и восстановить запас. Также этому способствуют отдых, сон, особая диета, а также вытяжки из многих растений.

Мордан вздохнул и закрыл книгу. Не будем спешить, не надо взваливать на себя слишком много, чтобы не надорваться. Кроме того, магия магией, но нужно решить, куда

идти и что делать. Когда лавочник обнаружит пропажу и, тем более, когда найдут тела отравленных, очень быстро поймут, чьих это рук дело. Скорее всего, ярл прикажет разыскать Мордана, по деревням поскачут вестники с указом о награде за его голову. Значит, нужно как можно быстрее покинуть пределы владения Фолкрит и держаться подальше от дорог, от любого человеческого жилья. Питаться придётся лишь тем, что есть и что удастся добыть. Значит, сухари, сыр, копченые нужно беречь и позаботиться о новых припасах. Где в лесах и горах человеку с одним лишь охотничьим ножом можно пожить? Ответ очевиден: рыбалка!

Мордан снял с головы шапку и вывернул наизнанку. Слава богам, всё на месте! Там были припрятаны несколько крючков, собственноручно вырезанных им из кости, и длинная тонкая нить, сплетённая из сухожилий. Значит, половина необходимого у него есть. В путь!

Мордан спрятал книгу в котомку, надел её на плечи и пошёл в направлении, в котором чутьё подсказывало ему ближайший ручей. Довольно скоро он нашёл, что искал, при этом по дороге ещё и срезал прямую и тонкую молоденькую вербу — для удилица. Дойдя до ручья, Мордан пошёл вниз по течению, пока не обнаружил достаточно глубокое место с прозрачной водой, сквозь которую просвечивало пёстрое галечное дно и виднелись несколько пятнастых форелей, неподвижно висящих между дном и поверхностью. Всего несколько минут понадобилось, чтобы соорудить удочку. Для наживки Мордан отщипнул кусочек козьего окорока, насадил на крючок и поплевал на удачу. Вдруг он вспомнил, как его — ещё совсем маленького — учил ловить рыбу Тэфар. На миг что-то шевельнулось у него в сердце, какая-то тень раскаяния попыталась сгуститься, но непривычная пустота на правом плече напомнила про Фроди, и всё сразу исчезло.

Форель он поймал всего с третьего заброса, и только когда она ещё трепыхалась на берегу в мокрой от росы траве, Мордан вдруг понял, что забыл прихватить из дома две важнейшие вещи — кресало и соль. Особенно жалко было соль! У него буквально стоял перед глазами пузатый полотняный мешочек в углу на полке у Стеморы, но теперь он был, разумеется, абсолютно недоступен. Соль нигде не добыть, ничем не заменить, а без неё любая еда в сто раз хуже. Соль можно лишь купить где-то, но, во-первых, у него не было ни гроша, а во-вторых, выходить к людям было слишком опасно. Оставалось лишь вздохнуть и бранить себя за непредусмотрительность.

Что же касается кресала, то... Мордан решил кое-что попробовать. Он быстро насобирал немного хвороста, сложил горкой, а потом достал книгу и нашёл огненное заклинание. Постарался собрать Разум, Чувства, Тело, направить Волю на хворост, прочитал заклинание вслух и — ничего не получилось, как обычно. Мордан вздохнул, несколько раз пробежал глазами довольно короткое и простое заклинание, зажмурился и стал читать про себя, представляя, что огонь он направляет не на кучку сухих веток, а в лицо гнусно ухмыляющемуся Болли. И вдруг из ладони, словно из пасти дракона, вырвалась мощная струя огня и обдала хворост так, что он моментально вспыхнул. От неожиданности Мордан шарахнулся от взметнувшегося костра и еле устоял на ногах. Вот это да! Это действительно полезное заклинание.

Запечённая форель без соли оказалась не такой противной, как Мордан ожидал, даже вполне съедобной. Пока он готовил и ел, он продумал, что делать дальше и куда пойти. Быстрее всего покинуть Фолкрит можно было, направившись на восток во владение Вайтран. Такой переход займёт несколько дней, но по дорогам идти опасно, лучше пробираться лесами. Однако на сегодня после всех событий Мордан чувствовал себя

совершенно вымотанным и не способным к длинному переходу. А надо бы где-то устроиться на ночлег. И вдруг в голове само собой возникло простое решение: Хелген! Старая приграничная крепость, разрушенная явившимся в Скайрим Пожирателем Мира. Её развалины уже много лет оставались заброшенными, но туда вела, хоть и заросшая, но вполне удобная дорога, там наверняка найдётся укромный уголок, где можно переночевать, и Мордан был абсолютно уверен, что там его никто не будет искать, да и вряд ли он встретит там хоть одну живую душу. Поэтому он был несказанно удивлён, когда, добравшись до хелгенских руин и обходя полуразрушенную башню, он столкнулся нос к носу со здоровенным орком, одетым в сыромятный боевой доспех. Морда у него была совершенно разбойничья, хотя, наверное, других у них и не бывает.

— Р-р-разрази меня Малакат! На ловца и зверь бежит! — пророкотал хриплым басом орк.

Мордан предупреждающе выставил вперёд руки с растопыренными пальцами.

— Лучше проваливай, орк! Предупреждаю: я владею магией, — сказал Мордан, пытаясь придать голосу угрожающий тон.

Но орк лишь ухмыльнулся и потянул из-за спины окованную железом дубинку. Заклинание само-собой всплыло в услужливой памяти, воображение поместило на место орка Болли, и из обеих ладоней хлынули огненные струи и обрушились на врага. Орк прикрыл локтем лицо, сделал пару шагов назад. Огонь лился несколько секунд, а потом иссяк, последние его струи стекли, исчезая, с тела орка. Никаких видимых повреждений на нём не было видно.

— Ах ты так! — с какой-то почти детской обидой взревел орк, обрушил дубинку на голову Мордана, и мир исчез.

Когда Мордан пришёл в себя, он обнаружил, что лежит на земле, а неподалёку два орка копаются в его котомке. Мордан попытался подняться, но ни руки, ни ноги его не послушались, он дёрнулся и не смог удержаться от стога: верёвка, которой он был связан, больно впиалась ему в кожу. Орки услышали стон и повернулись к нему.

— Очухался твой колдунчик, — сказал орк, который был поменьше и пощуплее. — И чего ты его сразу не пришиб?

— Нет уж! — загорячился более крупный орк, тот самый, который огрел Мордана дубинкой. — Я ж с ним честь по чести хотел, чтоб он карманы, значит, вывернул и шёл бы дальше куды надо. Пальцем его тронуть не успел, а он, значит, огнём в меня. Все брови мне пожёг с ресницами. Чуть без глаз не оставил!

— Без глаз... кхе-кхе... Правильно говорить... кхе... без глаз, Малог, — услышал Мордан откуда-то из-за спины высокий женский голос. Он вывернул шею и увидел, что к ним подходит девушка — невысокая, веснушчатая, с медно-рыжими волосами, заплетёнными в длинную толстую косу, перекинутую на одно плечо. Кончики ушей у девушки, так же как и у Мордана, были заострёнными и вытянутыми. Одета она была в узкие кожаные штаны и грубую куртку из козьей шкуры. Из-за плеча выглядывали лук и тул со стрелами: надо полагать, босмерка.

— Да по мне, что без глаз, что без глаз — один хрен, — возразил орк Малог.

— Один хрен в голове у тебя, Малог, — заявила ему эльфийка и сильно закашлялась.

— Так что ты с этим-то делать собрался, с колдунчиком? — спросил второй орк, имени которого Мордан ещё не слышал. Он наострил уши: этот вопрос интересовал и его до чрезвычайности.

— А то! — с обидой сказал Малог. — Я его пальцем не тронул, а он меня изжарить пытался. Значит — что? Значит — он на меня первым напал. Значит — он тут разбойник, а не я.

— Конечно, Малог, — с насмешкой сказала эльфийка. — Ты у нас — невинная жертва. Бедная... кхе-кхе... овечка.

Её речь постоянно прерывал мучительный лающий кашель.

— Сама ты, Белка, овечка. Я говорю: по закону выходит, что он тут разбойник. А что по закону с нашим братом разбойником делают, коли споймают?

— Известно что, — ответил второй орк. — В петлю да на осину.

— Вот! — назидательно поднял указательный палец с длинным когтем Малог. — Вот и я с ним по закону поступлю. Повешу, значит.

— Охота тебе возиться, — проворчала эльфийка.

— А что там у него в мешке? — раздался ещё один незнакомый голос.

Мордан повернул голову вправо и увидел, что приближается мужчина хорошо за сорок, судя по вытянутому лицу и певучему акценту — уроженец Сиродила.

— Да ничего ценного, — ответил Малог. — Немного харчей, да книжка какая-то. Белка, ты ж у нас грамотная, кажися, на, посмотри: много ли такая стоит?

Орк швырнул книгу, и эльфийка ловко поймала её. Она раскрыла книгу на середине, полистала, пощурилась и сказала:

— Не знаю. Не по-нашему писано, не по-эльфийски.

Мордану показалось, что читать она не умеет и лишь притворяется.

— А ну мне дай, — сказал сиродилец, и Белка кинула книгу ему, но он оказался не таким ловким, поймать её не сумел, и книга шлёпнулась на грязные каменные плиты крепостного двора. Оба орка громко рассмеялись от его неловкости. Сиродилец с кряхтением наклонился, поднял книгу, полистал.

— Про магию чего-то, — сказал он. — Дрянь какая-то. Не люблю я энтих ведунов: все беды от них. Я — за честную сталь.

— Или честную верёвку, — сказал Малог.

— А где ты его вешать собрался? — поинтересовалась Белка. — Деревьев-то здесь нет.

Малог огляделся по сторонам, почёсывая в затылке.

— Да вона: на воротах! — нашёл он решение.

Дубовые ворота Хелгена за эти годы остались вполне крепкими, лишь провалилась крыша на надстроенной над ними площадке, предназначенной для лучников. Несмотря на скептическое отношение своих поделщиков, орк упрямо занялся обустройством казни. Соорудил и прикрепил к перекладине ворот петлю, прикатил откуда-то из глубины развалин старый бочонок для Мордана и даже предусмотрительно притащил скамеечку для себя. С нарастающим отчаянием Мордан следил за всеми этими приготовлениями, лихорадочно пытаясь придумать, как спастись от этой неизбежной смерти. Где-то на краю сознания промелькнула мысль про то, как он забыл соль и так глупо переживал из-за неё. Когда орк одним рывком поднял его с земли и поставил на ноги, Мордан дрожащим голосом сказал:

— Я знаю, где спрятан богатый клад. Я могу вас туда отвести.

Малог задумчиво почесал в затылке.

— Ишь ты! Кла-ад...

— Да бухвостит он всё, — сказала эльфийка, которая в этот момент копалась в котомке Мордана. — Какой клад? Ты его одёжу видал? У него в кармане блоха с голоду удавилась...

О! Сыр! Сыра мы давно не ели. Сегодня на ужин эльсвейрское рагу сделаю — пальчики оближете.

Орки опять загоготали над глупой шуткой про блоху. Мордан на минуту смутился, мысленно осматривая свою одежду. Ничего постыдного: безрукавная рубаха поверх исподней сорочки, штаны да ремень — пол Фолкрита так ходит. Ум вернулся к прежней головоломке и мучительно пытался придумать, чем ещё Мордан может быть полезен этим головорезам.

— Я могу вам замки открывать. На дверях, на сундуках. Незаметно, без звука.

Мимо. Жить остаётся всё меньше.

— Я готовить могу, кашеварить на всех!

Тоже не то. Проклятая кашлюнья толкает его в могилу. Кашель? Кашель!

— Я могу тебя вылечить от кашль...

Поздно. Опора ушла из-под ног, петля сдавила горло. Он стал мучительно задыхаться, прямо как тогда, словно опять Болли давит коленом на горло, в глазах темнеет... Что-то свистнуло, мелькнуло в воздухе, верёвка вдруг оборвалась, и Мордан упал, больно ударившись спиной о камни, но продолжал задыхаться, потому что руки оставались связанными, а петля затянутой, он мучительно хрипел, умирая, но вдруг петля лопнула, и он вдохнул полной грудью и задышал, задышал, наслаждаясь сладостью воздуха, понимая, какое это счастье — просто дышать! И лишь отдышавшись, он как-то будто с опозданием увидел и осознал, что эльфийка в один миг вскинула лук, пустила стрелу и перебила верёвку, а потом подошла к нему и разрешила петлю кривым скорняжным ножом.

— Ты что творишь, Белка?! — взревел Малог. — Ты ж мне всю казнь опрокудила!

— Успокойся, Малог. Повесить... кхе-кхе... ты его завсегда успеешь. А я от кашля... кхе-кхе-кхе... уже вторую... кхе... вторую седмицу маюсь. Пусть вылечит, а потом уж кхе-кхе-кхе...

— Верёвку, опять же, испортила, — продолжил ворчать орк, но уже успокаиваясь. — А веревки, знамо дело, на деревьях не растут!

— Это у вас тут на севере не растут. А у нас в Валенвуде — очень даже. Лианы называются, — возразила эльфийка и рывком подняла Мордана и поставила на ноги.

Она развязала узел на верёвке, связывавшей Мордану руки.

— Ну что, давай... кхе-кхе... лечи, висельник!

Мордан стал лихорадочно вспоминать, что и как делал Улрин, когда к нему приходил кто-то с жалобами на недуг. Он сосредоточенно сдвинул брови и сказал:

— Надо послушать твоё дыхание.

— Это как? — не поняла Белка.

— Ухо приложить к груди.

— Ну, прикладывай... кхе...

Она распахнула свою козью куртку, и Мордан прижался ухом к тонкой льняной рубахе, бессознательно приложил рядом руку и, ощутив нечто выпуклое и мягкое, резко отшатнулся, мучительно покраснел, как варёный грязекраб.

— Ты глян! А висельник-то знает, куды руки пристроить! — загоготали орки, и Мордан вспыхнул ещё сильнее.

— Ты не бойся, паренёк, — низким певучим голосом сказала эльфийка. — Если вылечишь... кхе-кхе... я, может, и разрешу тебе... кхе... подержаться.

— Я нечаянно, — в полном смущении промямлил Мордан, вздохнул и решительно

прижался ухом к верхней части груди эльфийки, внимательно послушал её дыхание и, отстранившись, сказал:

— Я думаю, у тебя хрипунец.

— А то я без тебя этого не знала! — возмутилась Белка.

— Нужно сделать для тебя отвар голубого горноцвета. Здесь в окрестностях он должен расти, мы быстро собираем и...

— Какой отвар? Ты же колдун! Кхе-кхе-кхе... Волшебством лечи!

— Я не колдун, — Мордан стыдливо опустил голову. — Я эту книгу украл. Сегодня первый раз в жизни попробовал колдовать...

Белка резко пихнула его в грудь.

— Толку тогда от тебя, как с козла молока! — и зашла в приступе мучительно захлёбывающегося кашля.

— Но я правда умею делать лечебные отвары! — почти с отчаянием воскликнул Мордан. — Я много этим занимался с моим наставником, я в этом разбираюсь, хорошо умею. Если ты вечером выпьешь мой отвар, то уже утром никакого кашля не будет.

— Н-н-да? — недоверчиво протянула Белка. — Ну, ладно. Давай... кхе... попробуем.

Поиск поляны, густо поросшей голубыми цветами горноцвета, не занял много времени. Пока они вдвоём бродили по окрестностям Хелгена, Белка держалась чуть сбоку и сзади от Мордана. И как раз, когда он подумал, что можно было бы рвануть вперёд и, скрывшись в густых зарослях папоротника, сбежать, она словно бы прочитала его мысли и сказала:

— Не пытайся удрать. Моя стрела... кхе... тебя всегда догонит.

И Мордан отказался от этой идеи.

Всё получилось, как он и говорил. К вечеру отвар был готов, Белка, кривясь и морща веснушчатый носик, выпила его, а на утро кашля словно не бывало, и все стали поглядывать на Мордана с уважением. Но окончательно помог ему завоевать доверие разбойников пещерный медведь.

В тот же день сразу после завтрака орки отправились на охоту, но довольно скоро один из них прибежал весь залитый кровью и громко завопил:

— Медведь! Медведь Болога порвал! Эй, знахарь, беги помогай!

Мордан, прихватив книгу, побежал вслед за орком, эльфийка с сиродильцем направились следом. Вскоре перед ними предстала жуткая картина: на поляне лежал заколотый рогатиной огромный медведь, а рядом с ним в луже крови сильно израненный орк. Глаза его были закрыты, изо рта вырывались короткие хриплые стоны.

— Давай, знахарь, лечи! — накинулся Малог на Мордана.

— Да как я?.. Чем? У меня же ничего... — залепетал тот, совершенно не понимая, что он может тут сделать.

— Вылечи брата мне! — заревел орк, схватил Мордана за плечи и затряс так, что голова заколыхалась у него, словно колокольчик на ветру.

Эх, семь бед — один ответ! Мордан, высвободившись из орочьих лапищ, открыл книгу и быстро нашёл заклинание для исцеления ран. Зачем-то энергично потёр ладони друг об друга, наложил их на грудь, глубоко пропоротую медвежьими когтями (кровь неприятно увлажнила пальцы) и, подглядывая в книгу, стал шептать заклинание. Раз, другой, третий, четвёртый...

— Не выходит ничего, — проворчал над ухом сиродилец. — Никакой пользы от ведовства, токмо вред один.

Мордан закрыл глаза и стал мысленно повторять заклинание, представляя, как его жизненная сила переливается в тело орка и наполняет его изнутри словно бы светом.

— Кровь... — раздался над другим ухом голос удивлённой эльфийки, — кровь сворачивается. Раны затягиваются.

Мордан, не прекращая читать заклинание, открыл глаза и увидел: жуткие борозды стягиваются, бледнеют, превращаются в шрамы, кровь словно бы всасывается в зеленоватую орочью кожу. Веки раненого задрожали, поднялись, закатившиеся глаза вернулись в обычное состояние.

— Ма... лог, — прошептал орк.

— Болог! Братишка! — другой орк упал на колени рядом, нежно подложил ему руку под голову. — Живой!

Вдруг оба орка плавным круговым движением сдвинулись куда-то из поля зрения Мордана, всё стало расплываться, перед глазами очутилось высокое серебристое небо, и откуда-то издалека донёсся тягучий голос Малога:

— Э, висельник! Ты чего? Сомлел?

И всё исчезло.

Очнувшись, Малог обнаружил себя уже опять в Хелгене, в полуразрушенной башне, где и обитала компания, в которую его угораздило затесаться. Он приподнялся с оленьей шкуры и огляделся.

— Очухался, разрази меня Малакат! — воскликнул Малог, подошёл и помог ему встать на ноги. — Это чегой-то тебя сморило?

— Волшба много сил отнимает, — сказал Мордан и облизнул пересохшие губы. — Есть попить что-нибудь?

Ему дали и попить, и подкрепиться, а затем все четверо завели серьёзный обстоятельный разговор. Мордан отвечал вежливо, но скупно.

— Откуда сам-то будешь?

— Из Фолкрита.

— Куда шёл?

— Никуда. Бежал оттуда.

— Почему?

— Ищут меня.

— За что?

— За кражу и за убийство четырёх человек.

Малог, тот самый, который пытался его повесить, расхохотался и дружески хлопнул Мордана по плечу, чуть его не сломав.

— А парень-то — наш! Такой же лихой! За что убил? Чего украл?

— За что надо, за то и убил, — угрюмо сказал Мордан. — А украл книгу. Хочу магии научиться.

Малог повернулся к своим приятелям:

— Я считаю, надо его к нам в шайку взять. Будет с него польза.

— А он сам-то хочет к нам? — ворчливо спросил сиродилец.

— Хочешь к нам? — обратился Малог к Мордану.

— А чем вы занимаетесь?

— Так знамо чем — разбоем!

Мордан помолчал несколько мгновений и сказал:

— Да, хочу.

Вот так он и стал членом шайки разбойников. Входили в неё лишь четверо, не считая самого Мордана: два брата орка, босмерка и сиродилец. Того орка, который был больше, звали Малог гро-Душник, того, что меньше — Болог гро-Душник. Они были уроженцами какой-то орочьей крепости в Пределе, но, достигнув совершеннолетия, покинули родное гнездо и отправились на восток на поиски удачи. Вопреки пугающему виду и грубым манерам братья оказались прекрасными товарищами. Мордану они казались большими детьми: наивными, смешливыми, любопытными, иногда жестокими. Точно так же смотрела на них босмерка Белка, которая ростом в лучшем случае доходила до середины груди Болога, но порой командовала орками, словно строгая мать, а они слушались её, лишь изредка робко огрызаясь. Она была родом из Валенвуда, но какие-то внутренние распри заставили её покинуть родину и податься на север. Однажды Мордан поинтересовался у Малога, дескать, неужели её действительно зовут Белка? Малог ответил, что у неё имя с элем. На непонимающий взгляд Мордана он пояснил: «Ну там в начале какая-то энта их эльфийская дребедень — тыр-пыр, восемь дыр — а в конце эль». Белка была резкая, насмешливая и быстрая, отличная охотница и стряпуха. Мордан её немного побаивался. Дочь валенвудских лесов отвечала за всю внутреннюю жизнь шайки. А вот всеми внешними делами ведал сиродилец по прозвищу Калдай. Как узнал Мордан, этим словом на юге, в коренных имперских землях называли кистень. По именам в шайке называли только орков (к Мордану, кстати, прилипла кличка Висельник). Калдай знал чуть ли не всех торговцев Скайрима и отвечал за сбыт награбленного. Был он замкнутый, сварливый и довольно долго относился с прохладцей к Мордану, особенно к его магическим упражнениям. Как пояснила однажды Белка, во время войны маги, ниспослав огненный дождь, сожгли дотла родную деревню Калдая где-то под Бравилом, и в пожаре погибла вся его семья. После этого он и ушёл куда подальше, в конце концов, добредя до Скайрима. Узнав об этом, Мордан старался не попадаться Калдаю на глаза во время своих занятий магией.

А занимался он усердно, отчаянно, самозабвенно, порой до глубокого бессилия и обмороков. Заклинания, записанные в книге, яростно сопротивляясь, отбиваясь, ускользая, постепенно уступали его упорству. С каждым днём Мордан всё больше знал, всё больше умел, всё увереннее чувствовал себя в колдовском деле. Обычно он просыпался на рассвете, когда рядом, завернувшись в шкуры, похрапывали разбойники, бесшумно вставал, выходил из башни во двор и, зачерпнув дождевой воды из бочки, освежал лицо, чистил берёзовым углём зубы. Потом он шёл в облюбованный им уголок развалин, где садился и с головой уходил в изучение книги. Прилетавший запах дыма сообщал, что Белка уже пробудилась и готовит на всех завтрак. Мордан шёл подкрепиться и поучаствовать в общих делах. Чаще всего это были охота либо рыбалка, выделка шкур, заготовка дров. Порою это были походы

на большую дорогу, где охота велась на проезжавших путников, точнее на содержимое их карманов, кошельков, сумок и сундуков. Ближе к вечеру Мордан опять уходил подальше от всех и пробовал на деле то, о чём читал утром. На закате всех ожидал ужин и беспечное вечернее общение, плавно перетекавшее в сон. Много дней спустя Мордан вспоминал эту пору своей жизни как, пожалуй, самую счастливую, и отдельные воспоминания разворачивались в его памяти уютными картинками.

Например, одним томным майским вечером, когда все до отвала наелись томлёной в пряных травах косулятины и напились эля из добытого сегодня на большой дороге бочонка, зашёл разговор об истории того самого места, где они обосновались. Началось всё с наивного вопроса Малога:

— А чего энтэ тут в Хелгене всё такое порушенное? Это в войну какую его так пожгли?

— Эх ты! — заворчал на него Калдай. — Медная орочья башка! Да в Скайриме самый распоследний дурак знает, что Хелген стал первым городом, на который напал Алдуин.

— А кто такой Алдуин? — спросил Болог, который был такой же неграмотный, как брат.

— Тьфу ты! — в сердцах Калдай аж плюнул на пол. — Да что же вы вообще знаете, бестолочи зелёнокожие?

— Я знаю, — обиженно ответил Малог, — что ежели я тебе в лоб дам, то ты ляжешь и больше не встанешь.

— Алдуин, — вмешался в разговор Мордан, гася в зародыше готовую разгореться ссору, — это величайший дракон, Пожиратель Мира. Тот самый, которого потом победил Довакин.

— Ты про Довакина хотя бы слыхал, дубина? — спросил Калдай.

— Конечно, слыхал! — с достоинством ответил Малог. — Энтэ даже маленькие орчата у нас знают. Довакин — величайший герой среди всех орков. Он крошил своим молотом черепа врагов, как глиняные горшки.

— Каких ещё орков? — возмутился Калдай. — Все знают, что Довакин был родом из Сиродила. Потому как был он Драконорождённый, а значит, какой-то неведомый потомок императорской династии.

— А я слыхала, — подала голос Белка, — что в жилах Довакина текла кровь босмеров, и был он на самом деле женщиной...

Оба орка заржали в голос, к их смеху присоединилось хихиканье Калдая.

— Ну ты сказанула: Довакин — баба!

— Да, женщиной! — горячилась Белка. — И ни одна её стрела не пролетала мимо цели. Висельник, скажи этим олухам!

— Н-ну... мне рассказывали, — сказал Мордан, припоминая рассказы Улрина, который сам Довакина не видел, но знал людей, которым довелось с ним встречаться, — что Довакин был величайшим магом всех времён. И что был он, вообще-то, тёмным эльфом.

Про эльфа это уже Мордан добавил от себя, даже сам не знал почему. Они довольно долго препирались о Довакине, каждый рассказывал известные ему истории о подвигах великого героя. Эти истории странным образом напомнили Мордану, как в детстве Стемора рассказывала сказки маленьким Лемме и Гемме, а он сидел рядом и тоже слушал, и это было одно из самых светлых воспоминаний о детстве. Потом спор сам собою затих, все разбрелись по углам и заснули. Мордану в ту ночь привиделся кошмар: будто он заходит в родительский дом в Фолкрите, а там за столом сидит вся его семья, и все они давно мёртвые,

лица посинели, мухи ползают по открытым глазам, и вдруг Стемора рывком встаёт со своего места, поворачивается к нему и говорит скрипучим голосом: «Зачем ты нас убил?». Мордан проснулся в ужасе и потом долго ворочался не в силах заснуть.

Ещё хорошо запомнился Мордану самый первый грабёж, в котором ему довелось поучаствовать. Вместе с орками и Калдаем они скучали в кустах у дорожной обочины, а Белка, оправдывая своё прозвище, отлично лазавшая по деревьям, сидела неподалёку на самой высокой сосне и наблюдала за дорогой. Вдруг она трижды свистнула, изображая оригму. Все трое встали и приготовились. Малог взял в руки свою любимую окованную железом дубинку, Болог — щит и боевой топор, Калдай — шипастый кистень на короткой цепи. Мордан приготовился применить замораживающее заклинание, которое он оттачивал последние несколько дней. Вскоре к ним присоединилась и Белка.

— Повозка едет, — шёпотом сказала она, — по южной дороге. В ней трое мужчин. По виду — двое с оружием.

— Ага, ага, — покивал Калдай. — Какой-нибудь купчишка возвращается из Сиродила. Там сбыл чегой-то, закупился тамошним товаром и в Скайрим везёт. С двоими охранниками.

Белка молча кивнула, вытащила из-за плеча лук, натянула на него тетиву.

Когда повозка приблизилась, наперерез ей на дорогу выскочили орки. Малог заорал жутким голосом:

— А ну стой! Отдавайте всё, ежели жить хочитя!

Лошадь испуганно заржала и остановилась. Калдай, Белка и Мордан вышли на дорогу позади повозки, отрезая путь к отступлению. В повозке сидели тощий норд с длинными седыми усами и два редгарда, замотанные в свои странные коричневые тряпки так, что на лицах видны были только глаза. Всё точно: купец и два наёмника. Один из редгардов вытащил сразу два меча и прыгнул вперёд, на орков. Другой попытался прыгнуть на нападавших с тыла, но сначала на него обрушилось заклинание Мордана и чуть не сбilo его с ног порывом ледяного ветра, а потом в руку, державшую кривой скимитар, впиалась стрела Белки. Редгард выронил оружие и припал на одно колено. Калдай стал грозно вращать над головой свою железяку, шагнул вперёд и крикнул:

— Будете рыпаться, всех перебьём!

Бледный купец поднял дрожащие руки, словно пытаясь прикрыться от готового обрушиться на голову удара, и простонал:

— Не надо! Мы сдаёмся! Сдаёмся!

Калдай принялся обшаривать купца и редгарда, за которыми зорко следила Белка, не снимавшая стрелу с тетивы. Мордан обошёл телегу и увидел, что там орки бьются с редгардом, очень ловко управляющимся с двумя мечами. Он поднял было руки, чтобы обрушить снег и лёд и на этого наёмника, как вдруг Болог принял один удар на щит, отбил его, а потом, пользуясь тем, что второй меч скрестился с дубинкой Малога, ударил противника лезвием топора точно в лоб. Редгард не сумел уклониться от удара и рухнул в дорожную пыль.

Мёртвый редгард с разрубленным лбом потом ещё часто преследовал Мордана во сне. Но не потому, что это было первое в жизни убийство, которое он увидел своими глазами. Просто той же ночью Мордан, дождавшись пока все крепко уснули, вернулся на место ограбления, нашёл неподалёку от дороги место, где закопали убитого наёмника, раскопал могилу и прочитал заклинание, которое уже очень давно мечтал попробовать: оживление мёртвых. Мордан очень сомневался, что у него хоть что-то получится. Тем удивительнее для

него было, когда мертвец открыл глаза и, странно дёргано двигаясь, поднялся и пошёл на него. Мордан перепугался: он понятия не имел, что делать дальше, как управлять ожившим трупом. Он просто пятился, отступая, а редгард механически шагал прямо на него, пока вдруг не зашатался и не рухнул ничком на землю. Мордана всего трясло. Он долго не решался приблизиться к мертвецу, а когда набрался храбрости, подошёл и перевернул, то увидел, что в редгарде не осталось ни следа жизни. Он вернул его обратно в могилу и никому в шайке не рассказывал об этом происшествии.

Они прожили в развалинах Хелгена несколько седмиц. Но дичи вокруг становилось всё меньше, охота отнимала всё больше времени, да и на дорогах всё реже попадалась достойная добыча.

— Уходить отседа пора, — сказал однажды Калдай. Шайка обсудила его предложение и согласилась. Они выбирали между несколькими возможными маршрутами и, в конце концов, решили податься в Вайтран. Это владение, расположенное в самом центре Скайрима, притягивало торговцев из всех других концов страны, а столица его уступала по богатству разве что Солитьюду, столице всего Скайрима, и, может быть, Виндхельму, но только потому, что оба города были портами и вели ещё и богатую морскую торговлю. В Вайтране можно было рассчитывать на хорошую добычу.

Разбойники шли глухими кривыми окольными тропами через леса и горы. На ночь останавливались на какой-нибудь укромной поляне, разводили костёр, строили шалаши, в которых спали. На одной из таких стоянок случилось ещё кое-что, запомнившееся Мордану на всю жизнь. Они едва успели поужинать и попрятаться по шалашам, как поднялся сильный ветер, в небе загремело, хлынул сильный ливень. Мордан ворочался под раскаты грома и вспышки молний, как вдруг к нему в шалаш нырнула Белка. Она прижалась к нему и тихо шепнула на ухо:

— Висельник, пустишь погреться?

Растерянный Мордан что-то промямлил в ответ.

— Руки совсем замёрзли, — продолжила шептать эльфийка, и вдруг её ладонь нырнула к Мордану под рубаху и плавно заскользила по груди, по животу, и пальцы совсем не были холодны, а напротив — были сухими и горячими. Он застыл в странном испуганном напряжении, а Белка, почти вжавшись ему в ухо, прошептала:

— У тебя ещё никого не было? Значит, я буду твоя первая...

И она действительно стала его первой в ту грозовую ночь. Для него всё было странным и удивительным. Чувства как-то оглупели под напором новых ощущений — прикосновений, запахов, вкусов. Чуть ли не единственное, что запало в душу Мордану из всего этого: когда в незнакомом и неловком барахтанье рук и ног Белка вдруг что-то сказала ему — то ли «нежнее», то ли «южнее» — и он постеснялся переспросить, а потом вдруг слова стали не нужны, и буря, бушевавшая вокруг, стала точным отражением бури, бушевавшей внутри него. Но потом гроза утихла, они лежали обнявшись под одним плащом, и он собирался уже признаться Белке, что любит её, как вдруг она заговорила первой:

— Только не подумай, что у нас может быть что-то серьёзное, — и в ответ на его недоумённый взгляд добавила. — Просто я живая, мне тоже хочется иногда. Но не буду же я со старым хрычом Калдаем или — смешно сказать даже — с орками. Мы, меры, должны держаться друг друга. И, знаешь, я не хочу, чтобы они про нас знали. Ладно?

— Ладно, — только и ответил Мордан.

Под утро она вернулась в свой шалаш и затем вела себя так, словно ничего и не было.

Только один раз подошла к Мордану, что-то сунула ему в руку украдкой и шепнула:

— На память тебе.

Мордан, отойдя в сторонку, раскрыл ладонь и увидел на ней красивую медную фибулу в виде орла, льва и дракона, кусающих друг друга. Эту фибулу как память о своей первой женщине он хранил потом очень бережно и трепетно.

Когда шайка спустилась с перевала, Мордан увидел непривычную после фолкритских лесистых гор и холмов просторную лесотундру центральной равнины Вайтрана. Там разбойничья удача улыбнулась им широкой белозубой улыбкой. Тёплым безветренным днём они остановили купеческий возок, который оказался нагружен дорогой посудой из серебра и золота тонкой эльсвейрской чеканки. Владелец посуды совершил крайне выгодную, на его взгляд, сделку, обменяв всю посуду на свою жизнь. Такую добычу глупо было бы выменивать на припасы у окрестных фермеров. Но и в город идти с мешками награбленного мимо привратной заставы тоже стало бы не самым умным решением. Поэтому Калдай, переодевшись в рясу бродячего жреца, которую три дня назад они сняли с незадачливого паломника, отправился в город один, чтобы, по его выражению, «поразнюхать как следовало», и пропал на весь день. Вернулся он только под вечер.

В этот момент Болаг и Белка возились у костра, жаря оленью ногу, а Мордан с помощью Малога тренировал защитное заклинание: Малога с расстояния в десяток шагов метал в него нож, а Мордан сотворял вокруг себя невидимый купол, от которого ножик отлетал, как от стены.

— Хватит дурью маяться, обалдуи! — услышал Мордан у себя за спиной ворчливый голос Калдая, обернулся, отвлекшись, и нож чуть не воткнулся ему в глаз. Он едва успел отклониться в последний момент, а вот Калдай, подходивший сзади, увернуться не сумел, и нож воткнулся ему прямо в бедро. Сиродилец разразился такой бранью, что даже орки засмутились.

— Извиняй, Калдай! — басил Малога. — Энто не я виноват, энто Висельник дёрнулся, заместо того, чтобы колдунством ножик отбить.

— Калдай, давай я тебе рану залечу. В три минуты всё затянется, — предложил Мордан.

— Не надо мне ведовства твоего проклятого! Чтоб вас всех даэдра забрали, хмыстений глуподырых! Чтоб вы все в Обливион провалились, шпыни королюбые! Мухоблуды!

Общими усилиями всей шайки еле-еле удалось Калдая утихомирить, вытащить нож, промыть и перевязать рану. От магического лечения он наотрез отказался, с трудом удалось уговорить его выпить лечебного эликсира, который Мордан заранее наварил и всегда таскал в сумке бутылочку на всякий случай. Уже через каких-то два часа Калдай немного успокоился и рассказал, что нашёл в городе одного жадного торговца, который готов купить краденую посуду за хорошие деньги и даже знает, как тайком пронести хабар за городскую стену Вайтрана. Они сговорились встретиться сегодня ночью, но Калдай с раненой ногой дойти не сможет. Эликсир, конечно, поможет, но нужно хотя бы ночь отлежаться, чтобы рана затянулась. Мордан ещё раз заикнулся было о магическом лечении, но Калдай опять принялся кипятиться, и Белка ткнула Мордана локтем в ребро: заткнись, мол, не зли старика.

— Придётся вам самим к нему идтить, без меня, — сказал Калдай. — Я обскажу куда.

Он объяснил, что из города по специальному подземному ходу вытекают сточные воды, но выход из стока перекрыт тяжёлой кованой решёткой. Однако с одного края решётки есть несколько расшатанных камней в кладке, которые можно вытащить и через дыру передать

мешки с хабаром.

— Тока идтить надо Белке с Висельником. Орки пушай тут сидят, — добавил Калдай.

— Чего это мы должны тут сидеть? — насупился Малог.

— Да потому как вы топаете, что твои мамонты! — проворчал Калдай. — А там тихенько надо по канаве шлёпать, чтобы стража ничего не учуяла.

Мордан с Белкой вышли в дорогу, когда солнце село, а обе луны взошли уже довольно высоко. Тащить на плече мешок было тяжело, посуда твёрдыми краями впивалась в спину, и когда Мордан попробовал переложить мешок поудобнее и груз звякнул, Белка, шедшая впереди, громко зашикала на него. Шли несколько часов, периодически останавливаясь, чтобы отдышаться и отдохнуть. Продвигались небыстро, потому что местность была сильно изрезана довольно крутыми оврагами, промытыми ручьями и речушками, которые каждую весну привередливо меняли своё русло.

— Кажется, про этот ручей Калдай говорил, — громким шёпотом сказала Белка. — Вверх по течению пойдём и доберёмся до самого места.

Она оказалась права. Через четверть часа в ночи развиднелось чёрное пятно городской стены, оно росло и поднималось над ними по мере приближения, пока Мордан и Белка не подошли к самому основанию стены, в котором был оставлен проём высотой в человеческий рост. От земли до сводчатого каменного потолка проём был перекрыт массивной железной решёткой, каждый прут которой был толщиной с ногу Мордана. Внизу по выделанному камнями руслу, тихо журча, бежал поток мутной воды, обтекая прутья. Пахло из-за решётки тухлыми яйцами.

Белка приблизилась к проёму и тихонько свистнула. За решёткой вдруг появилось пятно света: с припрятанного фонаря кто-то сдёрнул укрывавшую его тряпицу.

— Кто? — послышался нервный шёпот.

— Мы от Калдая, — тихо сказала Белка.

— А он сам где? — спросил человек за решёткой, приближаясь. Мордан разглядел при тусклом свете фонаря, что это пожилой мужчина с кривым, словно бы сломанным, а потом неправильно сросшимся, носом.

— Захворал он. Не смог придти, нас послал.

— Я с Калдаем договаривался, не с вами, — сказал кривоносый.

— А тебе не всё равно, от кого хабар брать?

Кривоносый что-то неразборчиво пробурчал, посопел недовольно и сказал:

— Товар покажите.

Белка достала из мешка, который она принесла, блюдо и кубок, просунула между прутьями. Торговец взял их и стал придирчиво осматривать при тусклом свете фонаря, обнюхивать кривым носом и чуть ли не облизывать.

— Много у вас такого? — наконец спросил он.

— Два мешка больших.

Кривоносый опять посопел, попыхтел.

— Двести септимов вам могу дать.

— Калдай сказал, вы на триста условились.

— Двести. Больше не могу.

Белка вдруг молниеносным движением просунула руку сквозь решётку, схватила торговца за грудки, притянула к себе так, что лицо его прижалась к прутьям. Вторая рука нырнула за голенище сапога, достала кривой эльфийский кинжал, и его лезвие прижалось к горлу кривоносого.

— Уговор дороже денег. Или ты нам даёшь триста септимов, или твою тушу в этой вонючей дыре будут злокрысы глодать.

— Я могу стражу кликнуть, — пролепетал перепуганный торговец.

— Зови, — спокойно сказала Белка. — Мы двадцать раз успеем и плотку тебе перерезать, и уйти, пока твои толстогузые стражники сюда дотопают.

— Хорошо. Триста, — прохрипел кривоносый.

Белка его отпустила, спрятала нож, но тут же достала лук, надела тетиву и достала стрелу.

— Попробуешь удрать — стрела догонит. Мы, лесные эльфы, не промахиваемся. Надеюсь, ты это знаешь.

Торговец ничего на это не ответил. Он достал из-за широкого пояса толстый кожаный кошелек, стал отсчитывать деньги, перекладывая в кошелек поменьше.

— Держите, — сказал он, закончив, и передал деньги Белке. — Пересчитывать будете?

— Будем! — сказала она. — Висельник, пересчитай.

Мордан взял кошелек, присел, высыпал золото кучкой на землю и стал пересчитывать, складывая монеты обратно. Чтобы покрасоваться и перед торговцем, и перед Белкой, он сотворил заклинание, и на свободной ладони у него засветился неяркий голубоватый огонёк. Монет было много, долго держать заклинание — утомительно, но Мордан, стиснув зубы, держал его до самого конца, пока не пересчитал треклятые монеты. Под конец он устал так, что чувствовал, как по спине бегут капли пота.

— Всё правильно, триста, — сказал он, закончив.

Пока он считал, торговец расшатал и вытащил в кладке несколько камней. В образовавшуюся щель легко пролезли оба мешка.

— Ну прощай, красавчик, — сказала кривоносому напоследок Белка. — Рада была знакомству!

Торгаш ничего не сказал, а лишь злобно зыркнул на неё, взвалил оба мешка на плечи и скрылся в темноте.

— Пойдём, Висельник, — задорным голосом сказала Белка, забирая у Мордана кошелёк с золотом. — Завозились мы тут. Через час светать уже будет. Как бы на разъезд ярловых дружинников не нарваться. Они тут постоянно вокруг города шастают.

Они пошли назад, разбогатевшие и повеселевшие. Мордан после показушного трюка с заклинанием чувствовал себя усталым, ноги у него заплетались. Вдруг краем глаза он заметил какое-то странное движение неподалёку, словно холодная искорка мелькнула в воздухе. Он остановился и всмотрелся.

— Ты чего застыл? — обернулась Белка.

— Смотри, — сказал Мордан, указывая пальцем. — Видишь? Знаешь что это?

— Мельтешит что-то.

— Это лунные мотыльки.

— И что?

— У меня в книге есть рецепт, как из них сварить зелье, которое сделает тебя совершенно невидимым.

— И что?

— Я хочу попробовать это сделать.

— Да некогда нам за бабочками гоняться!

— За мотыльками. Подожди здесь, я быстро.

Мордан сорвал с головы шапку и поспешил туда, где в завораживающем плавном танце кружили несколько мотыльков, крылья которых светились странным голубоватым сиянием. Мотыльки летали медленно, и не составило большого труда изловить их шапкой и завернуть в тряпицу — одного, второго, третьего, четвертого.

— Висельник! — окликнула его Белка.

— Сейчас-сейчас. Последнего только поймаю, — ответил Мордан, даже не оборачиваясь. Он заметил пятого и как раз нацеливался на него шапкой.

— Висельник, ты осторожней, там...

Мордан шагнул, чтобы одним махом поймать мотылька, но нога не встретила опоры и пошла куда-то вниз. Он утратил равновесие и полетел вперёд.

— ... там край! — услышал он, уже приземлившись на острые камни. От удара грудной клеткой у него аж дух из груди выбило. Мордан ошеломлённо помотал головой, попытался подняться и вскрикнул: правую ногу пронзила лютая боль.

— Эй, ты как там? — встревоженная Белка показалась над краем распадка, в который он свалился. — Живой? Целый?

— Живой, — ответил Мордан. — Но не целый.

Он закатал штанину и увидел, что на правой голени кожа прорвана изнутри торчащим острым осколком кости и из разрыва струится кровь.

— Даэдра меня побери! — воскликнула Белка, увидевшая ту же картину. — Ногу сломал!

— Ага, — жалобно простонал Мордан.

— Залечить себя сможешь?

— Попробую, — неуверенно сказал он.

Лечить раны всегда было утомительно, а тут не просто рана — кость сломана. Память услужливо подсказала лечебное заклинание. Мордан мысленно его произнёс и — ничего. Бесполезно: выдохся, нужно сначала отоспаться, или попить настоя из древесных грибов. Но все свои склянки он оставил в лагере, прихватил только котомку с книгой, с которой никогда не расставался.

— Не получается, — сказал он Белке.

— Почему?

— На свет всю силу потратил, когда золото считал, — со стыдом признался он.

— Ох, дурак!

— Вытащи меня. Как-нибудь до лагеря доковыляем, а там я уже отлежусь, эликсирами поправлюсь и всё вылечу.

— Ты видишь, какой тут распадок крутой? — сказала Белка.

— И что?

— То! Пока я тебя с поломанной ногой буду вытаскивать, пока до лагеря будем ковылять, точно на разъезд наткнёмся.

Мордан задумался.

— Ну даже если наткнёмся... У нас же на лбу не написано, что мы разбойники.

— Ага! А то по нам не видно, что мы по лесам-пещерам уже который месяц живём! Обыщут, найдут золото, спросят: откуда?

— Скажем, что фермеры. Урожай продали.

— Какой урожай, дурень? Лето только начинается!

— Ты вытащи меня, да пойдём. А то время лишь зря тратим. Может, боги уберегут.

— Может, уберегут, а может и нет... Не люблю зря рисковать.

— А что же тогда делать? — растерянно спросил Мордан, совершенно не зная, как им из этого выпутаться.

— Эх, Висельник... Не повезло тебе, мальчик.

— Да ерунда это! Завтра уже опять буду бегать. Помоги мне только выбраться.

— Не будешь... Вон и кровь у тебя не останавливается.

Голос Белки стал каким-то одновременно грустным и жестоким.

— И что?

— Ты прости меня, Висельник. Не держи зла.

Мордан сначала не понял.

— За что? — спросил он, а потом вдруг догадка поразила его. — Ты меня бросишь?

— Не могу я с тобой возиться. Не хочу в петлю попасть.

— Подожди. Подожди-подожди, постой!

Он увидел, что Белка медленно тянет из-за спины лук, надевает тетиву.

— Ты чего задумала, Белка?

— Ты же всё равно тут кровью истечёшь без помощи... — словно оправдываясь, сказала она и достала стрелу.

В уме Мордана само собой вспыхнуло отражающее заклинание, тренькнула тетива, стрела свистнула и отскочила от невидимого барьера. Мордану показалось, что он в рывке поднял валун размером с корову. Если она пустит вторую стрелу, отразить её сил уже нет.

— Ну и дурак! — сказал Белка. — Тебе же помочь хотела, чтобы не мучился. Прощай!

И она исчезла за краем распадка.

К полудню, когда солнце стояло в зените, Мордан окончательно охрип. Он звал на

помощь с самого рассвета. Всю свою волю, все силы он сосредоточил на том, чтобы не потерять сознание и дозваться хоть кого-нибудь. Но никто не шёл. В горле пересохло, язык прилипал к нёбу, в голове мутилось, но он продолжал хрипеть из последних сил: «Помогите! Помогите! Помогите!». Надежда давно покинула его. Он звал из одного лишь злого упрямства. Просто потому, что ещё мог. Назло всем — эльфам, оркам, людям и богам, аэдра и даэдра, живым и мёртвым!

— Помо... ги... те...

Над серым неровным краем распадка показалась крупная серая кошачья морда с умными зелёными глазами.

— Человек звал на помощь?

Глава 3. Каджит каджита не обманывает

Колёса поскрипывали, кибитку потряхивало на дорожных камнях, под пологом царил душный жёлтый полумрак, было тепло и пахло чем-то сладко-пьянящим. Слева от Мордана была полотняная стена кибитки, справа на подушках полулежал Отец. В ногах у него, скрестив ноги, сидела Мать, вокруг которой лазили, пища и хихикая, котята. Выход из кибитки перегораживала широкая спина Воина, прикрытая пластинчатым стальным доспехом. Отец дремал, Мать вяло отпихивалась от осаждавших её котят, а Мордан лежал на спине — ничего не говоря, не шевелясь. Если бы его глаза время от времени не мигали, Мордана можно было бы принять за труп.

— И всё же Бажар-до не понимает, — сказал Воин обернувшись и обращая свой вопрос в глубину кибитки, — зачем Дро'зарр-Дар подобрал человека? Какая от него польза каджитам?

Отец приоткрыл один глаз.

— Есть такая побаска, — заговорил он густым ленивым голосом. — Ехал как-то раз фермер-норд по дороге. Вдруг видит: на дороге лежит коровья лепёха. Он взял эту лепёху, положил себе на телегу и сказал: «В хозяйстве пригодится». А через год норд приехал на это же место, положил лепёху туда, где взял, и сказал: «Не пригодилась».

Воин пару мгновений думал над услышанным, а потом расхохотался. Засмеялась Мать, усмехнулся и сам Отец.

— Дро'зарр-Дар вернёт человека туда, где нашёл, если он не пригодится? — спросил Воин, отсмеявшись.

— Может быть, — ответил Отец, зажмуриваясь.

Плавное колыхание кибитки убаюкивало, веки сами собой опускались, но стоило Мордану соскользнуть в неясные видения первосоныя, как перед ним оказывалась Белка, которая медленно доставала из-за спины лук, надевала тетиву, брала стрелу, оттягивала её до своего заострённого уха, отпускала, и Мордан, вздрогнув, распахивал глаза.

Вечерами на стоянках Мордан так же безучастно лежал на земле, а Мать, приподняв ему голову, кормила его с ложки чем-нибудь жидким. Он покорно глотал, но сам никогда не просил ни еды, ни питья. Только нужду он справлял без посторонней помощи два раза в день — утром и вечером.

Мордану не хотелось жить. Он терзал себя вопросами: зачем он так отчаянно звал на помощь в том распадке, что его услышали в проезжавшем рядом караване каджитов, и разумные прямоходящие коты вытащили и спасли его? Почему он просто не истёк кровью? Для чего отразил ту самую стрелу?

Караван был невелик: пятеро взрослых каджитов и три котёнка. Они ехали на трёх кибитках, из которых одна была нагружена товаром. Мордан даже не поинтересовался куда они едут, и, заметив на одной из стоянок, что солнце садится где-то в том направлении, откуда они ехали, равнодушно подумал, что караван ползёт куда-то на восток. И сразу же забыл об этом. Что-то странное стало с его ранее такой цепкой памятью. Она отказывалась хоть что-то удерживать. Мордан, например, не смог бы сказать: едут они три дня или три седмицы. Так же не удерживались у него в голове заковыристые каджитские имена, и он про себя дал котам прозвища. Главой каравана был Отец — пожилой матёрый каджит тёмно-рыжего, почти бурого окраса, всегда говоривший спокойно, рассудительно и с оттенком

легкой лени в голосе. Его женой была Мать, почтенная матрона, мать семейства, кирпично-рыжая каджитка со множеством золотых колец в высоких ушах, увенчанных тёмными кисточками, множеством браслетов на лапах и бесчисленными монистами из монет, бус и самоцветов, накрученными на тонкую длинную шею. На ней постоянно висели, не слезая, трое маленьких котят, двое бурых и один рыжий. Ещё у них был Старший Сын, красивый молодой каджит с широкими белыми полосами на ореховой мордочке, который изо всех сил старался показать, что он уже взрослый. Главным охранником каравана был Воин — крупный мускулистый кот пепельно-серого окраса с частыми чёрными полосками. Воин никогда не снимал доспех и не расставался с мечом — ни во время движения, ни на стоянках. Воину помогала Красотка — стройная, гибкая, обманчиво медлительная каджитка с песочно-палевой шерстью. В первое время каджиты пытались разговорить Мордана, задавали ему вопросы, сами что-то рассказывали. Но он ни на что не отвечал, никак не откликался на их разговоры, и они быстро оставили его в покое. Одна лишь Мать заботливо ухаживала за ним, кормила, подкладывала лишнюю подушку под голову, чтобы ему было удобнее в поездке. Да ещё котята иногда пытались с ним играть, особенно неугомонный рыжий, иногда залезавший Мордану на грудь и с ворчанием прогоняемый Матерью. Но Мордан оставался ко всему безучастен.

Так же его совсем не заинтересовало, когда однажды посреди поездки кибитка вдруг резко остановилась, и Воин, правивший лошадьми, отрывисто кинул через плечо: «Ренриджад, зисс-во!» и стремительно покинул кибитку. Отец выдвинулся вперёд, насторожённо вглядываясь, Мать сгребла в охапку котят и прижала к себе. Снаружи послышались крики, лязг оружия. Отец прошипел какое-то каджитское ругательство и тоже выпрыгнул из кибитки. Мать тревожно прислушивалась. Судя по звукам, снаружи шёл нешуточный бой. Вдруг в кибитку заглянул, вероятно, один из нападавших. Это был орк, причём даже для Мордана, который провел немало времени рядом с Малогом и Бологом, он выглядел весьма отталкивающе. Один из нижних клыков, торчащих у него изо рта, был обломан, через всю морду извивался корявый шрам, один глаз был наполовину закрыт.

— Здесь у них товар, что ли? — прорычал орк, вглядываясь в глубину кибитки. Мать оскалила зубы и громко зашипела на сунувшегося налётчика. Но это его совершенно не впечатлило. Он полез внутрь кибитки, прямо на неё. В лапе Матери вдруг оказался длинный изогнутый нож, похожий на коготь, она попыталась ударить орка, но тот с неожиданной быстротой сначала отбил удар булавой, а на противоходе той же булавой ударил Мать в живот. От удара она глухо застонала и согнулась пополам, и тогда рыжий котёнок заверещал и, отчаянно прыгнув на орка, вцепился когтями прямо ему в морду. Орк заорал от боли, выронил булаву, и сдал отдирать от себя котёнка. Через мгновение рыжий оказался зажат в одной лапище орка, а вторая схватила его за шейку и принялась душить, так что боевое шипение быстро превратилось в предсмертный хрип. И тогда Мордан, до этого момента лежавший неподвижно и наблюдавший за происходящим с таким же безразличием, как смотрит человек на проплывающие по небу облака, вдруг резко сел, вскинул вперёд руки, и из его ладоней хлынули потоки огня, ударившие орку прямо в лицо. Пламя рвалось и ревело, под его напором кожа на лице орка мгновенно полопалась, мышечные ткани обуглились и скукожились, обнажая белые зубы и кости черепа. Орк заорал, выронил котёнка и схватился руками за остатки лица. Но Мордан, не переставая испепелять зеленокожего, надвигался на него, и не оставил в покое, даже когда орк выскочил из кабинки. Мордан высунулся тоже и увидел, как подскочивший к ним Воин одним ловким ударом меча сносит орку голову.

Мордан успел заметить, что неподалёку Отец бьётся с каким-то рослым противником, орудуя двумя кинжалами, а Красотка швыряет молнии ещё в двух разбойников, прежде чем сознание его покинуло.

Первый, кого увидел перед собой Мордан, когда очнулся, был Отец. Он сидел рядом с Морданом, скрестив ноги, одетый в свою неизменную серую бади, и внимательно смотрел на него. Как только он увидел, что Мордан открыл глаза, Отец встал рядом с ним на колени и глубоко наклонил голову.

— Дро'зарр-Дар благодарит человека. Человек защитил жену и сына Дро'зарр-Дара. Признательность Дро'зарр-Дара бессчётна, как песок в пустынях Эльсвейра.

Мордан приподнялся, сел и огляделся. Они расположились на обочине, неподалёку от стоящих кибиток. Совсем рядом с ними лежали тела убитых разбойников, выложенные в ряд. Мордан пробежался по ним глазами и насчитал семь тел. Над телами стояли Воин и Красотка — целые и невредимые.

— Ты зря... — начал, было, он, но горло осипло за несколько дней полного молчания. Мордан откашлялся, прочистил горло и продолжил:

— Ты зря меня благодаришь. Я такой же, как эти, — он махнул рукой в сторону мёртвых разбойников. — Ещё совсем недавно я так же грабил караваны.

— Человек не такой, — покачал головой Отец.

— Почему? — спросил Мордан.

— Человек ещё жив. Значит ему хватило ума не нападать на караваны каджитов. Человек не назовёт своё имя Дро'зарр-Дару?

Отец склонил голову набок, пристально глядя на Мордана.

— Мордан. Меня зовут Мордан.

— Дро'зарр-Дар всем своим сердцем благодарит Морд'Ана за спасение его родичей. Великая Кошка-Мать даровала Дро'зарр-Дару встречу с Морд'Аном. С этого дня Морд'Ан — лучший рук Дро'зарр-Дара, — очень серьёзно сказал каджит, а потом обратился к Воину, стоявшему на вытяжку. — Теперь Бажар-до понимает, зачем Дро'зарр-Дар подобрал человека?

— Бажар-до понимает, — ответил Воин, почтительно склоняя голову.

— А вот Дро'зарр-Дар не понимает, — заговорил Отец, повышая тон, — за что он должен платить Бажар-до такое большое жалование, если он, как последний ренридж, дерётся, не видя ничего вокруг, подвергая опасности семью своего нанимателя?

Воин нехорошо прищурился и положил лапу на рукоять меча.

— Дро'зарр-Дар отказывается платить Бажар-до за службу? — спросил он, и в его вопросе нельзя было не услышать угрожающее рычание.

Отец встал и выпрямился во весь рост. Смело глядя в глаза Воину, он подошёл к нему почти вплотную и сказал ровным спокойным голосом:

— Каджит каджита не обманывает. Дро'зарр-Дар заплатит Бажар-до, всё, что обещал. Но Дро'зарр-Дар сообщит до-сура Бажар-до и К'Хай-лы, что его джихатты дерутся хорошо но не настолько хорошо, как он обещал.

Воин опять вытянул лапы по швам, виновато опустил голову и сказал:

— Это право Дро'зарр-Дара.

В этот момент из кибитки вышла Мать с рыжим котёнком на руках, оба бурых шли по бокам, держась за многочисленные складки её длинной юбки.

— Ай, неговори гзалзи, Дро'зарр-Дар! — заговорила она. — Они отлично дрались

клянусь матерью Азуррой! Они вдвоём уложили семерых.

— Вдвоём?! — возмутился Отец. — Это женщина говорит гзалзи! Дро'зарр-Дар и Джи'ал уложили по меньшей мере троих!

— А! — только отмахнулась от него Мать и присела рядом с Морданом. — Как себя чувствует наш рук?

— Благодарю, уже лучше, — сказал Мордан.

— Ай, хвала Кошке-Матери! Он заговорил! — радостно воскликнула Мать и горячо обняла Мордана к его несказанному смущению. Он не мог припомнить, чтобы его хоть раз так обнимали за всю жизнь.

— До'Райя так рада! Так счастлива! — воскликнула Мать, нехотя выпуская Мордана из своих объятий. Она опустила на землю рыжего котенка, подтолкнула его к Мордану и воскликнула:

— Р'эд-ма, а ну поблагодари своего спасителя!

Котенок попросту прижался к боку Мордана, стал тереться об него и урчать.

— Человека зовут Морд'Ан, — сообщил Отец.

— Как-как? Мар'Дан, подарок Мары?! — удивлённо воскликнула Мать.

— Морд'Ан, — поправил её Отец.

— А, Мор... До'Райя хочет отблагодарить Морд'Ана за то, что он убил этого мерзкого ренриджа.

Воин громко хмыкнул и сказал:

— Это Бажар-до убил того йекошита.

— Пфф! Бажар-до ведёт себя как маленький джа'каджит. Может, он ещё будет мериться, у кого длиннее хвост? — ответила острая на язык Мать и опять обратилась к Мордану. — До'Райя приготовит сегодня на ужин настоящее эльсвейрское фондю. Морд'Ан когда-нибудь пробовал настоящее эльсвейрское фондю?

— Пробовал, — ответил Мордан. — Его готовила Б... б-босмерка одна, знакомая.

— Пфф! Разве босмеры умеют готовить? Эти лесные джики, которые едят одно вяленое мясо? Нет! Настоящее эльсвейрское фондю Морд'Ан сможет попробовать только у До'Райи. Каджиты устроят настоящий пир, чтобы возблагодарить богов за своё спасение!

И До'Райя с лихвой выполнила своё обещание. Первым делом она раздала задания всем кроме котят и Мордана: кому наносить дров, кому наловить свежей рыбы, кому какие продукты достать из кибитки с припасами. Мордан, чтобы не пугаться под ногами у занятых каджитов, потихоньку отошёл в сторону и присел в тени разлапистого вяза. Бредя к вязу, он обнаружил, что правая нога отзывается глухой болью на каждый шаг. Мордан присел, закатал штанину и увидел, что его сломанная голень плотно замотана тонкой лентой ткани. Он осторожно размотал её и увидел на месте раны бурую корку и уже заживающий жёлтый кровоподтёк. Но голень сильно опухла и приобрела заметную кривизну: очевидно, кость соединилась неправильно.

— Дро'зарр-Дару очень жаль, — сказал беззвучно подошедший Отец. — Каджиты — не лекари, а простые торговцы. Каджиты не умеют правильно лечить людей.

— Я понимаю, — кивнул Мордан. — Правда, я не человек. Я данмер.

— А! — отмахнулся Отец. — Каджиты плохо разбираются в породах людей. Как и люди в породах каджитов. Человек отличит Ом от Сутай, или Ом-рат от Сутай-рат?

— Нет.

— То-то и оно... Дро'зарр-Дар пойдёт ставить шатры.

Мордан молча кивнул, прислонился спиной к вязу, оперся затылком о ствол. С интересом он наблюдал, как ловко и быстро каджиты ставят свои шатры, как Мать хлопчет, суется между тремя кострами, на которых что-то варилось, жарилось и пеклось. Тёплый летний воздух был почти неподвижен, лишь иногда лицо Мордана ощущало легчайшие дуновения ветерка, которые доносили до него дым от костров и запахи кушаний, над которыми колдовала Мать. Запахи эти были настолько соблазнительными, что у Мордана, который ещё недавно даже не заметил бы, что не ел весь день, в животе громко урчало, а рот резко наполнялся слюной, которую приходилось сглатывать.

Наконец его позвали к каджитскому дастархану: широкой прямоугольной скатерти, расстеленной под открытым небом поверх ковров. Вокруг дастархана были разложены

лёгкие стёганные тюфяки, на которых комфортно расположились все участники каравана. Мордану отвели почётное место справа от Отца.

— Пусть человек попробует сначала босмерские закуски. Это единственное, что эти джики из Валенвуда делают неплохо, — сказала Мать и протянула Мордану тонкую палочку, на которую были нанизаны какие-то маленькие рыжие цилиндрики.

Мордан слегка растерялся, не зная, как это надо есть. Мать, показывая пример, аккуратно сняла зубами с палочки один цилиндрик и принялась жевать. Мордан поступил так же, сделал несколько движений челюстями и — замер, удивлённый странным сочетанием вкусов.

— Это сладкое красное яблоко с острым сыром, завёрнутое в то-о-оненький ломтик вяленой оленинки, — пояснила Мать. — Морд'Ану нравится?

Мордан поспешно закивал и принялся жевать в два раза быстрее. Раньше он ел и яблоки, и сыр, и вяленое мясо, но по отдельности. А когда все они разом оказались у него во рту, то солёность оленины, сладость яблока, терпкость сыра соединились во что-то совершенно новое и удивительное. Мордан быстро дожевал и проглотил один рулетик и тут же отправил в рот второй.

— А это фто такоэ? — спросил он, разглядывая третий, оставшийся на палочке. — К'кой-то мёд?

Рулетики были политы густой тёмно-коричневой жидкостью, придававшей им особую сладость.

— Нет. Это соус из дже'м'ат... э-э-э... из лунного сахара, по вашему.

— Офень фкуфно! — похвалил Мордан, дожёвывая третий рулетик. — Можно мне ещё таких?

— Пока хватит. Человек ещё не попробовал остальную еду.

Мордан смиренно вздохнул.

— Теперь пусть человек попробует лосося из Белой реки, запечённого с овощами. Лосось свежайший: Джи'ал поймал его час назад.

— Рыбу я люблю, — сказал Мордан, принимая тарелку с нежно-розовым сочным стейком из лосося, лежащим на подушке из печёной моркови и порея. Лосось таял на языке, как снег на печке, овощи мягко оттеняли его вкус.

— Человеку нравится? — спросила Мать.

Рот был переполнен, и Мордан лишь энергично покивал головой.

— Можно ещё лосося? — спросил Мордан, как только тарелка опустела.

— Лучше человеку попробовать другое блюдо, — ласково, но непреклонно сказала Мать.

Мордан опять вздохнул и с завистью посмотрел на каджитов, которые накладывали себе что хотели и сколько хотели. Далее последовал томатный суп — одновременно сладкий и острый, от которого словно жидкое пламя разливалось из желудка по всему телу, доходя до кончиков пальцев на руках и ногах. Мать опять поинтересовалась мнением Мордана о супе, и опять он, как мог, выразил свой восторг.

— А когда будет фондю? — поинтересовался Мордан.

— Настоящее эльсвейрское фондю! — со значением произнесла Мать. — Сейчас будет. Но сначала — вот.

Она протянула Мордану лепёшку, поджаристую, пористую, пухлую, пахнущую лучше, чем свежесвеженный хлеб только из печи. Он уже собрался выпиться в неё зубами, как

Мать остановила его:

— Пусть человек подождёт! Этот картофельный хлеб — для фондю.

С чугунного горшка, стоявшего в центре дастархана, сняли крышку, и густой пар вспорхнул маленьким облаком. Отец первым отломил кусок лепёшки, опустил его в горшок, подержал, потом достал и быстрым движением отправил в рот. Так же поступила мать и жестом предложила Мордану последовать их примеру. Кусок лепёшки погрузился в густой расплавленный сыр, который потянулся за лепёшкой, но не удержал добычу, когда Мордан извлёк свой кусок и отправил в рот. Мягкость и воздушность пресной лепёшки соединилась с густотой, плотностью и сладкой остротой сыра, и это, пожалуй, было самое вкусное, что он пробовал в своей жизни. О чём Мордан поспешил сообщить Матери, как только дожевал и проглотил. Все каджиты по очереди старшинства макали в горшок кусочки лепёшки и — не ели, а вкушали — Настоящее Эльсвейрское Фондю. Когда все попробовали по кусочку, снова Отец макнул кусок лепёшки в сыр, потом Мать, Мордан, все пошли по новому кругу. Неслух Рыжий попытался просунуться к горшку вне очереди, но получил от бдительной Матери деревянной ложкой по лбу и вернулся на своё место с пустыми лапами. Когда фондю закончилось, Мордан уже чувствовал себя объевшимся. Но Мать торжественно провозгласила:

— А теперь — сладкое!

И Мордану было передано целое блюдо с разнообразной выпечкой и чашка с чем-то янтарно-оранжевым.

— Это морковь в глазури из лунного сахара, — пояснила Мать. — А там — слойки с лавандой, с яблоком, с можжевельными и со снежными ягодами. Ну и, конечно, сладкий рулет.

Как ни протестовал уже изрядно наполненный живот, Мордан ел одно, другое, третье — и не мог остановиться. Такое всё было вкусное! Чтобы легче елось, Мать поставила перед ним кружку и целый кувшин какого-то удивительно ароматного напитка.

— Нордский мёд? — поинтересовался Мордан.

— Пфф! — презрительно фыркнула мать. — Пусть его пьют эти дикари норды! Это — горячий сидр с пряностями.

После Настоящего Эльсвейрского Фондю Мордан был уверен, что уже никакой вкус не сможет его удивить, но ароматный сидр просто влюбил его в себя, попутно ещё и уравновесив сладость слоев и рулета своей душистой кислинкой, нежно пощипывающей язык.

— Когда Дро'зарр-Дар нанимал Бажар-до, — заговорил вдруг Воин, державший в лапе надкушенную слойку, судя по лиловой начинке, с лавандой, — он обещал, кроме хорошего звонкого джа, ещё и еду от лучшей стряпухи Эльсвейра. Бажар-до подтверждает, что своё обещание про еду Дро'зарр-Дар сдержал.

Мать смущённо улыбнулась, Отец довольно хмыкнул и изрёк:

— Каджит каджита не обманывает.

А потом вдруг повернулся всем телом к Мордану и сказал:

— Дро'зарр-Дар не знал, что Морд'Ан — чародей. Он думал, что в караване только один боевой маг — К'Хай-ла. Морд'Ан учился в Коллегии Винтерхолда?

— Мордан... ну, то есть, я... не боевой маг, — помотал головой Мордан. — Про Коллегию я только слышал краем уха.

— Как же тогда Морд'Ан повелевал стихией огня? — заговорила Красотка. Голос у неё

был глубокий, грудной, заставляющий мужское сердце биться быстрее.

— Я... мне удалось... словом, в руки ко мне попала книга, — смущённо стал объяснять Мордан, — в которой довольно много разных заклинаний. Я её читал, кое-что пробовал... многое запомнил, и... огненное заклинание в том числе.

— Книга? — удивилась Красотка. — Никогда не думала, что магию можно постичь самому по книжке.

— Я сейчас покажу её, — засуетился почему-то смущённый Мордан и полез в неразлучную сумку, перекинутую через плечо. Доставая книгу, он задел какую-то лежавшую в сумке тряпицу, она выпал на землю, раскрылась, и из неё высыпались несколько уже засохших лунных мотыльков. Отец наклонился и осторожно тронул когтем одного из них.

— Что это?

— Это лунный мотылёк, — ещё более смущаясь, пояснил Мордан.

— Зачем он Морд'Ану? — удивился Отец.

— Тут записаны, — Мордан показал всем книгу в своих руках, — кроме заклинаний, много рецептов разных зелий. В том числе есть рецепт зелья из крыльев лунных мотыльков. Пишут, что оно может сделать человека невидимым.

— Человека — невидимым? — ещё больше удивился Отец. — А может ли оно сделать невидимым каджита?

— Да! Может ли оно сделать невидимым каджита? — заинтересовался Старший Сын.

— Ммм?... — наострила уши Красотка.

— Я не знаю, — признался Мордан. — Я никогда его не делал. Только хотел попробовать. Но из-за этих мотыльков, даэдра их побери, чуть не погиб. И если бы не помощь каджитов... В общем, я перед вами в долгу.

— О нет! — решительно заявил Отец. — Морд'Ан свой долг сегодня погасил с лихвой! А если он ещё и сварит зелье, способное сделать каджита невидимым...

Отец искательно и даже как-то просительно, снизу вверх посмотрел на Мордана.

— Я бы мог попробовать. Правда, у меня не в чем его готовить...

— У Морд'Ана всё будет! — воскликнул Отец и резво нырнул в одну из кибиток. Вернулся он, держа в лапах изящный ящичек из красного сандалового дерева. Отец открыл крышку на беззвучных петлях, и Мордан увидел внутри отличный набор алхимика: бронзовые весы, ступку с пестиком, колбы, реторты, перегонный куб.

— Подарок Морд'Ану от Дро'зарр-Дара.

Как ни отнекивался Мордан, от подарка ему уклониться не удалось. И это был не последний подарок за день. Когда все уже разошлись по шатрам и стали укладываться спать, в шатёр, отведённый Мордану, вдруг заглянул рыжий котёнок. Он протянул маленькую пушистую лапку и сунул что-то в ладонь своего спасителя. Мордан присмотрелся и увидел, что это маленький клык, подвешенный на тонкий кожаный шнур.

— Первый молочный клык Р'эд-ма, — пояснил котёнок. — Подарок человеку. На удачу! Мордан не успел сказать спасибо, как котёнок уже удрал из шатра.

На следующий день утром караван не тронулся с места, как обычно. Вместо этого Отец обратился к Мордану с просьбой попробовать сварить эликсир невидимости из крыльев лунных мотыльков. Пока Мордан ворожил над тиглем, колбами и алембиками, за его работой внимательно следили Отец, Старший Сын и Красотка. Как только варево остыло, Старший Сын попросил Отца:

— Можно Джи'ал первым это попробует?

Отец с недоверием посмотрел на склянку с белёсой, словно разбавленное молоко, жидкостью.

— Может, лучше, если человек?... — нерешительно сказал он.

— Конечно! — поддержал его Мордан.

Он поднёс склянку ко рту, выдохнул и сделал три больших глотка. Вкуса у зелья не было. Мордан поставил склянку на раскладной походный стол и прислушался к своим ощущениям. Ни во рту, ни в горле, ни в животе ничего не чувствовалось: он как будто сделал несколько глотков тёплой воды. Но только он перевёл взгляд на каджитов, как увидел, что коты смотрят на него с каким-то суеверным ужасом. Мордан опустил голову, чтобы осмотреть себя и — ничего не увидел! Туловище, ноги, руки — всё исчезло!

— Великий Раджин! Он исчез! — прошептал потрясённый Отец.

— Я не исчез, — возразил Мордан, и каджиты вздрогнули.

— Человек здесь? — заозирался по сторонам Отец. — Куда человек делся?

— Зелье сработало. Я здесь, но я невидим! — с восторгом воскликнул Мордан. — Вот смотри.

Он попытался взять со стола медные клещи, которыми снимал горячую колбу с тигля, но это оказалось не так просто, если не видишь собственных пальцев. Пришлось сначала положить ладонь на поверхность стола, потом подвести её к клещам, нащупать их, как если бы он делал это с закрытыми глазами, ухватить и только потом поднять. И сам Мордан, и, очевидно, каджиты узрели, как клещи, спокойно лежавшие на столе, вдруг взлетели и заплясали в воздухе.

— Я взял клещи в руку, — пояснил Мордан.

— Пусть человек спрячет их себе за пазуху, — попросил Отец.

Мордан так и сделал, и клещи тоже исчезли. Каджиты ахнули.

— Пресвятая Мать-Кошка... — прошептала ошеломлённая Красотка.

— Отец! Позволь Джи'алу попробовать так же! — взмолился Старший Сын.

Отец позволил, и, разумеется, зелье подействовало на каджита точно так же. Это привело всех в ещё больший восторг. Даже когда через несколько минут действие зелья закончилось, и Мордан со Старшим Сыном вновь стали видимыми, радость каджитов совсем не уменьшилась. Они восторгались этим весь оставшийся день, когда собрались и отправились в дальнейший путь, а вечером у Мордана произошёл важный разговор с Отцом. Тот в сотысячный раз восхитился способностью Мордана готовить такое удивительное зелье, похвалил его поразительные магические способности и поинтересовался: что Мордан собирается делать со своим даром?

— Я думаю дальше учить заклинания, которые есть в моей книге. Пользоваться ими всё лучше и лучше... — неуверенно ответил Мордан.

— А не думал ли человек о том, чтобы поступить в Коллегию магов, что на самом севере Скайрима?

— Это которая в Винтерхолде?

— Да. Ужасное место, ужасное! Дро'зарр-Дар был там один раз. Холодно — брррр! Людей там живёт мало, торговля отвратительная. Можно заработать, только если маги из Коллегии пожелают что-то приобрести.

— А какие они — маги Коллегии? — поинтересовался Мордан.

— Богатые. Очень богатые. Дро'зарр-Дар помнит, как у него купили на триста септимов полтора десятка эльсвейрских...

— Нет. Кто именно там занимается магией — в Коллегии? — перебил Отца Мордан, которому неинтересно было слушать про торговлю. — Норды? Альтмеры? Данмеры? Бретоны?

— Разные люди. Есть даже каджит — мастер Дж'зарго, один из почтеннейших магов Коллегии. Он тоже покупал товары у Дро'зарр-Дара: огненную соль, толчёный бивень мамонта...

— А кого берут учиться в Коллегию? — пряча тревогу, спросил Мордан.

— Всех, — ответил Отец, и сердце Мордана радостно подпрыгнуло. — Всех, кто заплатит вступительный взнос — одну тысячу септимов.

— Тысячу септимов?! — ахнул Мордан.

— Да. Тысячу.

— Значит, я никогда не поступлю туда, — с горечью сказал Мордан. — Я такую кучу денег отродясь не видал.

— Дро'зарр-Дар так не думает, — сказал Отец и покровительственно положил лапу ему на плечо. — У Морд'Ана вполне могут появиться такие деньги, и довольно быстро.

— Откуда? — удивился Мордан.

— Знает ли Морд'Ан, как относятся норды к бедным каджитам, которые привозят товары в их холодную страну?

— Как?

— Их даже не пускают за стены городов. Позволяют только расположиться рядом и там вести торговлю.

— А какое это имеет отношение к деньгам, которые я могу?...

— Самое прямое. Если Мордан согласится делать своё волшебное зелье, делающее каджитов невидимыми, то каджиты смогут попадать за городские стены, и их никто не заметит. И так же незаметно они смогут возвращаться обратно, и их карманы будут при этом не пустыми.

— Ты хочешь с помощью моего зелья воровать? — удивился Мордан.

— Тот не каджит, кто не возьмёт, что плохо лежит, — ответил Отец. — Один из величайших каджитов был Раджин Мурчащий Лжец, который прославился тем, что сумел украсть даже татуировку с шеи императрицы Кинтры. И теперь все каджитки рассказывают о нём сказки своим котяткам.

— Но ведь это не по закону, — неуверенно сказал Мордан.

— А! — махнул лапой Отец. — У каджитов свои законы, отличные от людских. И потом, разве сам Морд'Ан не говорил, что был разбойником с большой дороги?

— Да, был.

— Но на разбое, как видно Дро'зарр-Дару, не разбогател. А? Тут же — дело совершенно верное. Не надо рисковать, не надо ничего делать самому. Надо только варить зелье. Всё остальное сделают Джи'ал и К'Хай-ла. А Морд'Ан получит от добытого... ну, скажем.. пятую часть. Морд'Ан согласен?

Какие-то смутные сомнения и опасения шевелились в глубине души Мордана.

— Но у меня больше нет крыльев лунных мотыльков...

— О, вот это — точно не беда! Мои дети за пару ночей наловят тебе этих мотыльков целый мешок. Так что — Морд'Ан согласен?

— Мордан согласен!

Отец очень обрадовался и предложил немедленно отметить такую прекрасную сделку.

Уже через минуту у него в лапах оказались два крошечных стаканчика, всего раза в два больше напёрстка, с прозрачной жидкостью.

— Это жидкое счастье, — пояснил Отец. — Скума. Она тоже вне закона, но это не помешает нам её отведать.

Мордан, повторяя за Отцом, залпом выпил жидкость, которая обожгла язык и жидким огнём пролилась в желудок. Уже через минуту у него всё поплыло перед глазами, а на душе стало так хорошо и спокойно, как не было никогда в жизни. Он лёг навзничь и погрузился в мечты о том, как поступит в Коллегию, выучится на боевого мага, а потом — чем даэдра не шутят? — ещё и сам станет архимагом. Он не заметил, как из мечтаний плавно переместился в мир снов, и все они были лёгкими и прекрасными, как облачка, позолоченные лучами заходящего летнего солнца.

Мордан стал полноправным алхимиком каравана Дро'зарр-Дара. Котята были счастливы, когда вместо скучного сна их отправляли бегать по полянам при свете Массера и Секунды и охотиться на мотыльков. Очень скоро в распоряжении Мордана оказалось сколько угодно сырья. Однако он не только варил вечерами зелье и рассчитывал какой объём нужен на какое время невидимости. Мордан ещё взялся обучать Красотку и Старшего Сына полезным в воровском деле заклинаниям: открытию замков и притягиванию предметов. Он и сам отточил эти заклинания, и его ученики делали большие успехи. В благодарность Красотка научила Мордана кидать молнии, что было её самым любимым заклинанием. Отец был доволен. Пару раз Мордан робко спрашивал его, нельзя ли ещё отведать немного скумы, но каджит качал головой и объяснял, что это слишком коварная вещь, и если кто к ней пристрастится, то очень быстро потеряет разум и волю.

Через седмицу неспешного движения по дороге вдоль Белой реки вместо красивых, но изрядно поднадоевших видов величественных гор и таинственно-мрачных лесов открылся новый пейзаж. На горизонте возникли и стали расти по мере приближения суровые и мощные, как воины из древних нордских песен, стены Виндхельма. Именно к этому городу держал путь караван. Они разбили лагерь неподалёку от съезда с большого каменного моста, который соединял Виндхельм с правым берегом Белой реки. Из тех, кто шёл или ехал в город либо из него, некоторые заворачивали в каджитский табор, и тогда Отец принимал их, как долгожданных гостей, предлагал товары на любой вкус, нюх и кошелёк. В этот же людской поток незаметно ныряли Старший Сын с Красоткой, нагруженные склянками с зельем Мордана, а спустя некоторое время так же незаметно возвращались и тайком выгружали принесённую добычу. Отец довольно потирал лапы, разглядывая кошельки, кольца, браслеты, дорогие безделушки, утянутые прямо с прилавков на рынке, и разглагольствовал, как они дальше двинут в Рифтен и там, в вотчине Гильдии воров, они смогут легко и задорого продать всё рифтенским скупщикам. Потом вся добыча отправлялась в тайник, но какой и куда именно Мордана не посвящали, да он и не интересовался. Он лишь с нетерпением ждал, когда закончится их пребывание под стенами Виндхельма и они двинутся дальше на восток.

Но в один отнюдь не прекрасный день то ли пресветлые аэдра рассердились на каджитский караван, то ли даэдра, дети извечного Мрака, решили подшутить над ними. Едва лишь Красотка и Старший Сын вернулись из города и избавились от добычи, как вдруг отряд городской стражи внезапно окружил лагерь каджитов, и десятник в блестящей кирасе, с бородой, заплетённой в две седые косы, предстал перед Отцом, держа руку на рукояти меча.

— Чем скромный караван каджитов привлёк внимание такой важной персо?... — начал

было льстивую речь Отец, но десятник быстро его прервал.

— Нам поступило сообщение о краже ценной вещи! — пробасил он. — Свидетели говорят, что видели неизвестного каджита в городе.

— Это какое-то недоразумение! — очень правдоподобно возмутился Отец. — Стража у городских ворот не пропускает каджитов, и караван Дро'зарр-Дара ведёт свою скромную торговлю...

Вдруг над ухом Мордана, который просто стоял неподалёку и наблюдал за этим разговором, словно городской зевака за уличной перепалкой, раздался бесплотный шёпот Красотки:

— Они сейчас будут всё обыскивать. Могут забрать твою книгу.

Мордан вздрогнул и стал крутить головой, пытаясь обнаружить Красотку.

— Ты где, К'Хай-ла?

— Не верти башкой — заметят! — фыркнула каджитка. — Я невидима. Они могут изъять всё, что захотят, и мы ничего не докажем. Незаметноними с плеча сумку и отдай мне. Я спрячу её в тайник.

— Понял, понял... — прошептал Мордан и сделал всё, как просила Красотка.

Тем временем препирательства между Отцом и десятником закончились, и начальник стражи действительно пошёл по шатрам всё осматривать. Мордан чувствовал себя неудобно под взглядами стражников, оцепивших лагерь по периметру. Какое-то внутреннее беспокойство, смутное ощущение беды возникло в нём и стало нарастать с каждой минутой.

Вдруг десятник вместе с парой других стражников вышел из очередного шатра. Из-за его спины выглядывал Отец, а в руках он держал... Мордан не поверил своим глазам. В руках десятника была его сумка!

— Чья это сумка? — громко спросил десятник.

— Моя, — не успев подумать, ляпнул Мордан и даже сделал шаг вперёд.

Десятник хищно осклабился и достал из сумки какую-то подвеску с крупным тёмно-синим камнем на цепочке, судя по цвету — золотой.

— А это тоже твоё? — спросил десятник, надвигаясь на Мордана. Стражники выдвинулись вперёд и встали от него по бокам.

— Нет, не моё, — ответил Мордан, пока не понимая, что происходит, и сделал шаг назад.

— Правильно, не твоё! — обрадовался десятник. — Потому что это — клянусь Талосом! — фамильный амулет почтенного главы клана Расколотый Щит. А не скажешь ли ты, серый, почему цепочка от амулета торчала из твоей сумки?

— Не знаю. Я никогда его раньше не видел, — сказал Мордан, ощущая словно большой кусок льда у себя в животе.

— Не видел? Удивительно! Наверное, он туда с неба свалился, да?

— Каджит хотел бы скромно заметить, — подал голос из-за спины десятника Отец, — что вход в город закрыт только для каджитов. Все остальные могут свободно входить и выходить оттуда.

Яркой вспышкой взорвалась мысль в голове Мордана. Он всё понял!

— Дро'зарр-Дар! — воскликнул он возмущённым кошачьим вероломством. — Как ты? ... Почему?... Ты же сам говорил: каджит каджита не обманывает!

— Всё так, — спокойно ответил Дро'зарр-Дар. — Но Морд'Ан не каджит. Он — человек.

— Я не человек! — заорал вскипевший от гнева Мордан. — Я — тёмный...
Его прервал грубый толчок одного из стражников.
— Пошли уже, тёмный! А то тюрьма заждалась.

Глава 4. На самое дно и глубже

Тоска. Тоска, тощечка, тощица — самое главное чувство, которое ни на миг не отпускает человека в тюрьме. Это Мордан узнал довольно быстро, оказавшись в одиночной камере в тюрьме Виндхельма. Его бросили в каменный мешок пяти шагов в длину и четырёх в ширину. Охапка прелой соломы на полу да дыра для нечистот в дальнем углу — вот и всё, что в ней имелось. Заключённому оставалось или ходить от стены к стене, или валяться на соломе, крутить в пальцах фибулу Белки либо клык Рыжего — всё имущество, которое при нём оставили. Единственное, что не смогли у Мордана отнять и чем он с удовольствием пользовался — это воспоминания. Часами он перебирал их в памяти, начиная с самых приятных. Нарастающая тяжесть орехового удилища, которое сгибается под грузом попавшегося лосося. Замшелые надгробия фолкритского кладбища с полустёртыми надписями. Похвала старого Улрина перед всеми учениками за то, что самый первый решил задачку. Улыбка на лице Эйры при виде целой корзины корней Нирна, собранных им по берегам ручья в глухом распадке. Огненное заклинание, от которого впервые вспыхнул хворост под его рукой. Взгляд, быстрый, искоса брошенный, изумрудных глаз Белки, горячие поцелуи под грохочущий аккомпанемент грозы, сладкий вкус её слюны, отдававшей лесной земляникой. Настоящее Эльсвейрское Рагу и чувство удивительной лёгкости, вызванное махоньким глотком скумы.

Но незаметно приятные воспоминания сменялись тёмными, терзающими душу. Колено Болли на горле. Хруст птичьих костей под сапогом Тефара. Гулкий удар ноги Малога, выбивший из под него бочонок. Свист стрелы, выпущенной в него Белкой. Кривая распухшая нога, выглянувшая из задранной штанины. Вытягиваемый за золотую цепочку амулет с густо-синим самоцветом, заигравшим на солнце, как только седобородый десятник достал его из котомки Мордана.

Кулаки сжимались от бессильной ярости, перехватывало дыхание. И тогда память уступала место воображению. Он видел себя выпускником таинственной и манящей Коллегии магов Винтерхолда. Сладостные картины мести вставали перед глазами. Валяющийся на полу мёртвый Тефар с синим от отравы лицом. Болтающаяся в петле Белка. Красотка К'Хай-ла, испепеляемая теми самыми молниями, которым она же его и научила.

Раз в день этот водоворот воспоминаний и фантазий прерывался приходом тюремщика, который приносил краюху ржаного хлеба, миску грубой овсянки и кувшин ржавой воды. Он ставил это всё на пол перед решёткой, перекрывавшей вход в камеру, и уходил, чтобы через час вернуться и забрать пустую посуду. Первые две седмицы этим занимался пожилой бретон, громко шаркавший подошвами по каменному полу и кряхтевший всякий раз, когда наклонялся, чтобы поставить или забрать посуду. Сделав это для Мордана, он уходил, чтобы через минуту вернуться и так же поставить кувшин и миску перед решёткой в камере напротив. Поскольку маленькое зарешёченное окно под потолком очень скупое давало свет, в тюрьме царил вечный полумрак, и Мордан почти не видел другого заключённого. Он видел лишь, как за решёткой сгущался смутный силуэт, тощая рука, покрытая зелёно-серой чешуёй просовывалась между прутьями и забирала принесённое. Несколько раз Мордан окликал собрата по несчастью, пытался поговорить с ним, но не получал ответа.

Но потом пожилого бретона сменил молодой и рослый норд с постоянным румянцем на пухлых щеках. По неведомым Мордану причинам новый тюремщик сильно невзлюбил

узника из камеры напротив и стал всячески над ним измываться: осыпать отборной бранью, плевать в еду и питьё. Когда заключённый однажды не выдержал этого и ответил что-то резкое, но неразборчивое для Мордана, краснолицый тюремщик придумал новое истязание. Принеся питьё и пищу для своей жертвы, он демонстративно вылил воду из кувшина на пол и сказал: «Ой, какой я неуклюжий: всё разлил! Ну, ничего, завтра я принесу тебе ещё». Но на следующий день повторилось то же самое, и на третий. Мордан наблюдал за этим с прохладным любопытством, как за единственным развлечением, разбавляющим его тоскливый бессобытийный день. На третий день, едва тюремщик ушёл, Мордан услышал странный сипящий голос:

— Эй, сссерый!

Мордан оторвался от поглощения овсянки и взглянул туда, откуда шёл звук. Узник в камере напротив приблизился к решётке и, держась обеими руками за прутья, высунул голову насколько смог. Стало видно, что это — аргонианин, разумный ящер из тех, что обитают в далёкой-далёкой провинции Чернотопье на юго-востоке империи.

— Сссерый! — опять позвал аргонианин.

Мордану не очень нравилось это обращение, намекавшее на цвет его кожи, но, внутренне поморщившись, он ответил:

— Что надо?

— Дай воды, — просипел ящер.

— Как я тебе дам воды, если между нашими камерами шагов двадцать? — спросил Мордан.

— Есссли я не попью ссегодня, завтра я уже ссдохну...

Голос у аргонианина был глухой и слабый, выговор шипяще-свистящий, как у многих его соплеменников. Мордан повидал их среди различных путешественников, проезжавших через Фолкрит. В детстве они казались ему жутковатыми, потом наоборот — интересными, потому что были самыми непохожими на всех, как и он сам. Мордану стало жалко этого узника, которого уже третий день пытается жаждой красномордый. У Мордана был почти полный кувшин воды, он сделал лишь несколько глотков, планируя растянуть питьё на подольше. Но как передать его аргонианину? Если бы у него была какая-то длинная палка, то можно было бы аккуратно подвинуть кувшин по полу. Но где же её взять? Разве что наколдовать? Наколдовать...

— Эй, ящер! — позвал он аргонианина. — Я сейчас попробую пододвинуть к тебе свой кувшин. А ты постарайся его достать и не разлить.

Мордан пошевелил пальцами, как бы разминая их. Потом взял кувшин и, просунув его между прутьями решётки, поставил как можно дальше. Затем вызвал в памяти заклинание, позволявшее двигать предметы, не прикасаясь к ним, мысленно произнёс, вливая в него Разум, Чувство и Волю. Кувшин сначала слегка дёрнулся, и вода в нём колыхнулась, чуть не выплеснувшись через край, потом сдвинулся на вершок-другой, а потом плавно поехал, скользя по каменному полу, пока не добрался наконец до решётки противоположной камеры. Аргонианин напряжённо следил за манипуляциями Мордана. Он со смесью страха и восторга прошипел: «Волишшебник!», когда кувшин стронулся с места и поехал в его сторону, и схватил его, как только смог дотянуться и стал пить так жадно, что Мордан слышал булькающие звуки его глотков.

— Ссспасибо, сссерый! — сказал аргонианин, когда наконец напился.

— Меня зовут Мордан.

— А я — Ищщет-Правду. Когда выйдешшь, поищщи меня в доках Виндхельма.

Когда выйдешь... Если бы Мордан знал, когда он выйдет! Он не раз пытался спрашивать об этом тюремщиков. Но старый бретон лишь молча отмахивался от него, а молодой норд бросил походя: «Когда ярл захочет провести суд над вами, пришлое отребье». Дни тянулись за днями, но ничего не происходило, ничего не менялось, и Мордану начинало казаться, что он состарится и умрёт в этом ненавистном каменном мешке. После случая с кувшином Ищет-Правду стал разговаривать с Морданом, но собеседник он был немногословный, о себе рассказывал мало да и о Мордане не много спрашивал. Узнав о том, как его подставили каджиты, ящер лишь усмехнулся и сказал:

— А чего ты хотел? Это же каджиты! Лучше в гнилом болоте утонуть, чем с каджитом сдружиться!

Но однажды утром в тюремный коридор вошёл какой-то незнакомый норд с окладистой чёрной бородой, в красивом праздничном кафтане, достал какую-то грамоту с привешенной к ней печатью и торжественно пророкотал, так что эхо его голоса отразилось от каменных тюремных сводов:

— Его сиятельство ярл Виндхельма Брунвульф Зимний Простор по случай праздничного бракосочетания своей любимой внучки Валерики оказывает великую милость всем преступникам и отпускает их на свободу с условием, что они более не будут уличены в нарушении законов и обычаев. В противном же случае, если помилованный будет пойман с поличным повторно, то сразу будет приговорён к отсечению своей неблагодарной головы!

Мордан спросонья не разобрал эту торжественную тарабарщину, но когда решётка его камеры с лязгом отодвинулась и краснолицый тюремщик скомандовал: «Выметайся, серая сволочь!», он вскочил и рванулся, не веря в своё счастье и боясь, что всё это окажется сном, или что ярл отменит указ, или ещё что-то стрясётся, и он опять попадёт в свой каменный мешок, в котором — тысячекратно осмотренная — знакома каждая трещинка в кладке и каждая щербинка на каждом камне каждой стены.

Вырвавшись на свободу, Мордан сразу очумел от непривычного изобилия пространства, света, звуков и запахов вокруг. Глазам, отвыкшим от яркого света, было больно. Виндхельм давил на него высотой стен своих домов, узостью извилистых улочек, гомоном множества голосов горожан. Фолкрит по сравнению со столицей Истмарка был просто большой деревней, и все фолкритцы были, хоть и ненавистны, но знакомы Мордану в лицо и по имени. Здесь же среди множества людей, тут и там попадавшихся ему на пути, он не видел ни одного знакомого лица. Видел он лишь высоченные хмурые стены, угрюмые дубовые двери и лица жителей Виндхельма, смотревших на него с откровенным презрением и брезгливостью. Но он не был на них в обиде: он точно так же смотрел бы на грязного, оборванного, много дней не мывшегося человека, от которого, наверное, пахло, как от помойки, который медленно хромал вдоль узких улиц, толкая плечом спешивших навстречу прохожих и удивлённо вертя головой. Он шёл без смысла, без цели, просто куда несли ноги. Несколько раз ему попадались на глаза нищие оборванцы, и он полагал, что ему самому суждено пополнить их ряды. Вообще, Виндхельм Мордану не нравился: слишком холодно, слишком узкие улицы, слишком обветшалые стены, слишком суровые лица у прохожих. Нет, это точно не тот город, где он хотел бы жить.

Неожиданно в разговоре двух нордов, мимо которых Мордан прошёл, прихрамывая, он услышал фразу «... в доках вчера грузили...», и сразу же память услужливо достала слова, произнесённые с шипящим аргонианским акцентом: «... поищщи меня в доках

Виндхельма». Он остановился, развернулся, догнал тех двух прохожих и вежливо поинтересовался, как попасть в виндхельмские доки. Норды осмотрели его откровенно безразлично, но в общих чертах объяснили дорогу. Мордан поблагодарил и отправился искать те самые малопонятные доки. Разумеется, он заблудился в лабиринте змеившихся улиц, и пришлось ещё трижды спрашивать дорогу, прежде чем ноги вынесли его к огромным воротам высотой в четыре человеческих роста. За воротами обнаружилась древняя каменная лестница, по которой он спустился и оказался в оживлённо-многолюдном порту Виндхельма. К длинным пирсам было пришвартовано несколько кораблей, на широкой каменной площадке между ледяной на вид рекой и высоченной городской стеной громоздились кучи ящиков, бочек и мешков. На специальных растяжках сушились рыболовные сети, на других растяжках вялилась разнообразная рыба. В толпе обычных людей, сновавших туда-сюда по порту, иногда мелькали городские стражники — в кольчугах, шлемах, с мечами или секирами на поясе или за плечом.

— Простите, не подскажете ли вы, где я могу найти аргонианина Ищет-Правду? — обратился Мордан к первому попавшемуся, которым оказался серокожий данмер с густыми седыми волосами, стянутыми в хвост наподобие конского. Но соплеменник даже не взглянул в сторону Мордана. Ничего не ответил ему ни босмер в зелёной куртке со странной бахромой по бокам рукавов, ни норд с плоским лицом и курчавой светлой бородой до середины груди. Зато нищий оборванец, сидевший у стены с протянутой рукой в ожидании милостыни, услышал его вопрос и подсказал:

— Ящерицы все вон тама обитают.

И махнул рукой в сторону притаившегося в укромном уголке барака. Мордану было совершенно нечем отблагодарить сердобольного побирушку, и он лишь пробормотал: «Благослови тебя Кинарет!» и устремился в указанном направлении.

На пороге барака сидел скрестив ноги очень тощий аргонианин, одетый в такие лохмотья, что даже Мордан в своей давным-давно не стираной одежде рядом с ним смотрелся щёголем. Аргонианин имел чешую грязно-серого цвета, на голове у него красовалась маленькая корона из четырёх острых рогов. Глаза его были затянуты мутной плёнкой.

— Я ищу аргонианина Ищет-Правду, — сказал ему Мордан.

Плётка с глаз исчезла, открывая узкие вертикальные зрачки в жёлтых глазах без радужки.

— Ты ищещещещещ его, он ищщщщщщщщ правду, и неизвестно, кто кого найдёт раньшшшше, — пробормотал ящер и издал какие-то странные клекочущие звуки. Мордан не сразу понял, что это смех.

— Он там? — спросил Мордан, указывая на дверь.

— Может быть, — пожал плечами аргонианин.

— Я могу войти?

— Можешшшшь, но учти, что в этом болоте водятся очень зубасстые крокодилы, — равнодушно ответил ящер, но потом вдруг схватил Мордана за руку холодными липкими пальцами. — Не одолжишшшшь мне немного денег? Совсем немношшшшко?

— Извини, у меня самого нет ни гроша, — сказал Мордан.

Аргонианин сразу утратил к нему всякий интерес, его глаза снова подёрнулись мутной плёнкой. Мордан открыл дверь и шагнул внутрь.

В бараке пахло болотом, трухлявым деревом, пылью, несколько тусклых светильников

освещали довольно просторное помещение, сильно захламлённое разными мешками, ящиками, катушками канатов, какими-то инструментами. Вдоль трёх стен стояли двухэтажные нары, возле четвёртой стоял большой стол, за которым сидело несколько аргониан. Мордан стал присматриваться, пытаясь найти того, кого искал, но почти сразу услышал резкий вопрос:

— Что тебе тут нужно, чужак?

Вопрос задал крупный маслянисто-чёрный аргонианин с массивными закрученными назад рогами. Он сидел во главе стола.

— Доброго дня! — ответил Мордан. — Я ищу...

— Э, да это же мой ссспаситель! — внезапно услышал он знакомый голос. Из-за стола поднялся другой аргонианин, тот самый, который был единственным собеседником Мордана в тюрьме. У Ищет-Правду чешуя была болотного цвета с затейливым узором из более тёмных, почти коричневых чешуек. Вдоль нижней челюсти у него торчали шипы. Голова была увенчана двумя крупными прямыми рогами, на макушке красовался пучок костяных пластинок, напоминавших перья.

— Я пришёл к тебе, — смущённо сказал Мордан, — потому что просто больше никого не знаю в этом городе.

— И ты правильно ссделал! — сказал Ищет-Правду, подходя и дружески похлопывая его по плечу. — Я не дам тебе пропасссть.

Аргонианин церемонно представил Мордана своим сородичам, в первую очередь обращаясь к тому самому чёрному здоровяку по имени Склизкий-Хвост, который оказался предводителем аргонианской артели. Отдельно он познакомил Мордана со своей невестой, щупленькой аргонианкой с симпатичными жёлтыми пятнами на щеках и маленькими рожками, украшенными множеством золотых и серебряных подвесок, которая носила довольно странное для человеческого уха имя — Прекрасный-Крокодил. Ищет-Правду

попросил у Склизкого-Хвоста ссуду из общей кассы докерской артели, и, получив её, повел Мордана в город. На выходе они остановились возле того самого странного серого ящера, и Ищет-Правду ткнул в него пальцем и сказал Мордану:

— Это Ныряет-Глубоко. Ни в коем ссслучае никогда не одалживай ему деньги.

— Почему? — удивился Мордан.

— Он променял свой разум на ссскуму.

Ныряет-Глубоко приоткрыл один глаз и прошипел в ответ:

— Я сссамый разумный из здешшшних аргониан. Вы меняете сссвой труд на грошшши, а я ныряю ссс головой в сссамое счастье.

— Вот видишшшь, — сказал Ищет-Правду. — У него сссовсем мозги набекрень.

В городе они пришли в приличную таверну, и Ищет-Правду оплатил для Мордана ужин и ночлег, да ещё и дал денег на покупку свежей одежды. На протесты Мордана, который говорил, что понятия не имеет, когда и как сможет вернуть долг, Ищет-Правду отвечал, что это всё они решат завтра. В эту ночь Мордан, объевшийся вкусной — особенно после тюрьмы — еды, впервые за много дней спал на настоящей кровати, а не на земле, не на соломе, не на мху, и спал под крышей, а не в лесу, не в пещере и не в каких-нибудь руинах.

Утром Мордан, одетый в чуть поношенную, но приличную одежду, стоял на пирсе рядом с Ищет-Правду, который вёл переговоры со Склизким-Хвостом. Так уж сложилось, что в большинстве скайримских портов именно аргониане были главной рабочей силой. Ищет-Правду хотел пристроить Мордана в артель, хотя он и был чужаком. Склизкий-Хвост был не в восторге от этой идеи, но готов был дать данмеру шанс. Мордан почти не участвовал в переговорах, лишь изредка немногословно отвечая на вопросы о своём прошлом. Ему было всё равно: доки так доки. Он не видел для себя никакого будущего: мечта о магии, о Коллегии, которой он так грезил много дней, лежала в руинах. Что ж, можно и потаскать мешки да ящики, если это единственная возможность не умереть с голоду. В конце концов, Ищет-Правду уломал Склизкого-Хвоста, и Мордан влился в дружные ряды докеров Виндхельма. Ему даже отвели место на нарах и за общим столом в аргонианском бараке, поскольку заработка грузчика не хватило бы на то, чтобы оплачивать стол и кров в городе.

Первые дни у Мордана к вечеру ломило спину и ныла покалеченная нога. Он ел, даже не понимая что именно, падал на соломенный тюфяк и засыпал мёртвым сном, чтобы утром с трудом продрать глаза, быстро позавтракать и идти вновь таскать бесконечные мешки, сундуки и ящики. Впрочем, изредка выпадали дни, когда в порту не оказывалось кораблей, стоящих под погрузку-разгрузку, и тогда можно было выспаться и сходить погулять в город, поглазеть на прохожих, послушать сплетни, о которых судачат на рынке.

Однажды во время разгрузки, когда они вдвоём с Ищет-Правду раскачивали тяжелейший сундук, чтобы оторвать его от палубы, Мордан предложил:

— А может, я его заклинанием передвину? Как кувшин тогда, в тюрьме. А?

— Не ссстоит, — сказал Ищет-Правду. — Никто не любит колдунов: магия всех пугает. К тебе и так, знаешшшь...

Мордан знал. Он был достаточно умён, чтобы заметить настороженное отношение к себе со стороны всех аргониан, кроме Ищет-Правду и его невесты с жутким именем. Хуже, чем к Мордану, относились только к Ныряет-Глубоко, который то работал со всеми, то валялся где-нибудь в блаженном забытии, и Склизкий-Хвост при каждом расчёте грозился, что больше не заплатит ему ни септима. Сначала Мордан не обращал внимания на

отношение к себе, но постепенно эта невидимая глухая стена начала его беспокоить. Стали возникать трения, особенно с двумя ближайшими сподручными начальника артели. Это были Джа-Шебек, приземистый, широкоплечий, почти квадратный, и Нивам-Ба — долговязый и очень тупой. Они ужасно напоминали Мордану парочку двух других прихлебателей — Фира и Камерата, крутившихся вокруг главного фолкритского заводилы Болли. Сначала он решил никак не отвечать на их подначки, надеясь, что им наскучит и они прекратят его задевать. Но это не сработало. Тогда он решил посоветоваться с единственным приятелем — Ищет-Правду. Тот поскрёб когтями чешуйчатый затылок и сказал:

— Тебе надо выссоставиться.

— Что-что надо?

— Выссоставиться. Выссоставить угощщение для артели.

Идея показалась Мордану очень удачной. В первый же выходной день он приволок с рынка две тяжеленные корзины — одну с мёдом и элем, а другую — с овощами и разнообразной рыбой, которую аргониане особенно любили. Скромница Прекрасный-Крокодил, служившая в артели стряпухой, приготовила отличный обед, и в бараке случилась отличная пирушка. Ящеры были рады дармовому угощению, все ели, пили, дружески хлопали Мордана по плечу, и ему показалось, что лёд в общении удалось сломать. В числе сидевших за столом был и Ныряет-Глубоко. Ел он мало, к кружке с элем прикладывался редко.

— Не любишь эль? — спросил его Мордан.

— Не очень. Не мой напиток. А вот сскажи, сссерый, пробовал ли ты когда-нибудь ссскому? — спросил аргонианин.

— Пробовал, — честно признался Мордан.

— И как тебе?

— Понравилось.

— А сссколько раз ты её пробовал?

— Один.

Ныряет-Глубоко засмеялся своим клекочущим смехом.

— Один! Значит, ссчитай, что ни разу не пробовал!

— Это почему же? — удивился и даже как-то обиделся Мордан, слегка захмелевший от эля.

— Потому что сс одного раза нельзя понять вссю ссладость и вессь ужасс ссскому, — сказал Ныряет-Глубоко.

— Ужас? Какой же в ней ужас? От неё наоборот — все страхи уходят, на душе становится так легко, так светло.

— Я же говорю: щщитай не пробовал! Вот попробуй хотя бы разок ещё, тогда и поговорим.

— Да где же я её попробую? Она же под запретом в Скайриме. Меня однажды каджиты угостили, но тех каджитов теперь — ищи-свищи!

Ныряет-Глубоко наклонился к уху Мордана и тихо прошептал:

— Я помогу досстать. Пойдём ссо мной.

— Да куда же я пойду? — Мордан обвёл рукой стол, осматриваясь. Но Ищет-Правду и Прекрасный-Крокодил удалились в уголок и ворковали друг с другом, Нивам-Ба что-то горячо доказывал Джа-Шебеку, а тот лишь отмахивался и язвительно отвергал его слова, и оба обращались за поддержкой к Склизкому-Хвосту, который слушал их вполуха, а всё своё

внимание сосредоточил на большом фаршированном карпе.

— Пошшшли, пока они все погрузились в ссебя и не вынырнули обратно! — Ныряет-Глубоко потянул его за рукав.

И Мордан потихоньку удрал со своей собственной вечеринки, усмехаясь внутри от нелепости этого поступка. Ныряет-Глубоко отвёл его в город, в район, который назывался Квартал серых, потому что населяли его преимущественно данмеры, перебравшиеся сюда из Морровинда. В одной неприметной лавчонке он представил Мордана купцу по имени Сибор — коротконогому плешивому тёмному эльфу с одутловатым лицом и бегающими глазками. Он был похож на жабу, проглотившую золотую монетку.

— Мы пришшли за тем же, зачем всегда, — сказал ящер, понижая голос и подмигивая. Сибор покивал и достал откуда-то из под прилавка два небольших сосуда, формой напоминавшие маленькие амфоры, но лишь с одной ручкой. Мордан заплатил, удивившись немалой цене скумы, и Ныряет-Глубоко потащил его обратно в порт, в самый конец самого дальнего пирса, где уселся, свесив босые ноги над тёмной водой Белой реки.

— Здессь я большше всего люблю вкушшать, — сказал он, прикладываясь к сосуду со скумой.

— Здесь, на пирсе? — удивился Мордан. — Почему?

— Потому что пирс это несбывшийся мост, — загадочно ответил Ныряет-Глубоко. — Ссадись рядом.

Мордан сел рядом и тоже «вкусил». Скума подействовала не так быстро, как в первый раз. Но подействовала подобным же образом, и вновь его душа улетела бродить куда-то в бесконечные пределы Этериуса, плана бессмертных, который, как уверяют жрецы, служит источником магии и тайных искусств для бренного мира...

На следующий день, когда про скуму узнал Ищет-Правду, он накинулся с кулаками на своего серокожего сородича и жестоко поколотил Ныряет-Глубоко, а потом долго орал на Мордана, обзывая его слабоумным дуралеем, безмозглым пнём и ещё множеством всяких обидных слов, половину из которых Мордан даже и не слышал никогда. Ищет-Правду уверял, что Мордан собственными руками сгубил свою жизнь, и не желал слушать никакие возражения. Они крепко поругались в то утро, а уже вечером Мордан, усталый, расстроенный, обозлённый, опять сидел рядом с Ныряет-Глубоко и «вкушал» на несбывшемся мосту.

Всего за несколько дней Мордан осознал, о чём говорил Ныряет-Глубоко, рассказывая про всю сладость и весь ужас скумы. Его дни очень быстро превратились в одноцветную утомительную круговерть, наполненную лишь одним — ожиданием вечера и жаждой вновь испытать то самое, пьянительное и необъяснимое отделение души от телесной оболочки и полёт в неведомый невидимый мир. Довольно скоро заработка стало не хватать на то, чтобы ежедневно покупать скуму. И какими же мучительными и тягостными были дни невольных пропусков, как болела по утрам каждая мышца в его теле, как тяжело и мучительно рвало его от любой пищи и даже питья.

Поначалу он стеснялся своей слабости и употреблял скуму тайком, в тёмных уголках порта вместе с Ныряет-Глубоко, и потом, сам не помня как, приползал в барак и падал на нары, чтобы до утра витать в прекрасных запредельных мирах. Но скоро похолодало, на улице всё время шёл снег, и тогда Мордан стал глушить скуму прямо в бараке под презрительными взглядами аргониан. Ему было всё равно. Чтобы скума подействовала, её требовалось всё больше и больше. Блаженные времена, когда его уносило в Этериус с

одного-двух глотков, давно канули в прошлое. Однако денег он получал меньше и меньше, потому что тело его чахло, и таскать громоздкие грузы ему было всё тяжелее, больше требовалось перерывов, чтобы отдышаться и собраться с силами. Но и это его не заботило. Мордана злило лишь, когда не хватало монет на очередной визит в лавку к Сибору.

Вечера разделились на те, когда было, и — когда не было. Если ничего не было, он лежал лицом к стене, скрутившись в позу зародыша, и скрипел зубами от тоски и ломоты во всех суставах. А когда было, Мордан лежал, погружаясь в блаженство, и мир казался ему изящным и хрупким, словно статуэтка, вырезанная из клыка хоркера. В минуты отрезвления он пытался говорить с товарищем по несчастью:

— Мы же тонем, Ныряет-Глубоко! — говорил он в тихом отчаянии. — Мы же падаем всё ниже и ниже, и скоро разобьёмся вдребезги.

— Ты не понимаешшь, — отвечал ему Ныряет-Глубоко. — Вы, сссухопутные, ничего не сссоображаете: мы не тонем, мы — ныряем, на самое дно и глубже!

— Как можно нырнуть глубже дна?

— Ты не понимаешшь... Доссстаточно перевернуться, чтобы дном ссстала поверхность.

Мордан не понимал заумных рассуждений Ныряет-Глубоко, но, впрочем, его не понимал никто, возможно, даже он сам. Через какое-то время непонимание стало постоянным ощущением Мордана: порой он вдруг находил себя на палубе какого-нибудь корабля с мешком на спине и совершенно не понимал, нужно ли нести его в трюм или наоборот — на пристань. Часто он не понимал, чего от него хотят, когда обращаются с каким-то вопросом. Так же он не понял, что произошло одним вечером в бараке между Ищет-Правду и другими ящерами.

В тот вечер Мордан и Ныряет-Глубоко смогли с трудом наскрести всего на один сосуд скумы, поделили его пополам, но этого было недостаточно, чтобы полноценно забыться. Мордан лежал в каком-то полусознанном состоянии и безучастно наблюдал за тем, что происходит в бараке.

— Сссоро приплывёт Тёмный, — заговорил Джа-Шебек, обращаясь к Склизкому-Хвосту. — Кого-то нужно будет ему отдать.

— Да, — кивнул Склизкий-Хвост, отхлёбывая из кружки с элем.

— Кого мы отдадим из этих?

— Обоих, — ответил Склизкий-Хвост.

— Вы не отдадите данмера! — вмешался в их разговор Ищет-Правду.

— Тебя забыли сспросить, — презрительно бросил ему Склизкий-Хвост.

— Я сссерьёзно! — заговорил Ищет-Правду, агрессивно повышая голос.

Мордану стало неинтересно, и он отвернулся к стене. А когда повернулся обратно, то увидел, что Склизкий-Хвост вместе со своими подпевалами пинают ногами лежащего на полу Ищет-Правду. На мгновение Мордан оторвал голову от нар: в этой картине, когда трое топчут одного лежащего, было что-то знакомое. Но что именно, он не смог вспомнить. Это было неприятно, и он опять отвернулся к стене.

Несколько дней Мордан промучился без капли скумы. Для Ныряет-Глубоко они дались ещё тяжелее. Но когда, накопив нужную сумму, оба явились к Сибору, торгаш заявил им, что цена временно выросла вдвое.

— С какой стати?! — возмутился Мордан.

— Нет поставок из Морровинда, корабли не ходят из-за осенних штормов. У меня

осталось совсем немного.

Как ни возмущались данмер и аргонианин, но купец не уступил ни септима, и они вновь купили один сосуд на двоих. Всю дорогу до порта Ныряет-Глубоко стенал и ныл, умолял отдать скуму ему, твердил, что ему намного хуже, чем Мордану, а значит, ему нужнее. Мордан, конечно, на это никак не соглашался, и уже в порту между ними началась настоящая драка. Мордану удалось завладеть заветным сосудом, но ящер пытался вернуть его себе. Поначалу они обменивались толчками и тычками, а потом Ныряет-Глубоко как-то умудрился вырвать скуму из рук Мордана и попытался убежать. Мордан кинулся за ним, догнал, повалил и вцепился ящеру в горло. Аргонианин сначала пытался сорвать руки Мордана со своего горла, а потом впился когтями противнику в лицо. Мордан взревел от боли, чувствуя, как острый коготь ящера насквозь протыкает ему щёку и упирается в стиснутые зубы. Он выпустил горло Ныряет-Глубоко, дёрнулся, ещё больше раздирая щёку, а потом с размаху ударил аргонианина кулаком в висок. Ящер дёрнулся и обмяк. Тогда Мордан быстро обшарил его и нащупал заветный сосуд. Кровь хлестала из разорванной насквозь щеки, заливая самого Мордана, Ныряет-Глубоко, заснеженные камни портовой мостовой. Но Мордан не чувствовал боли. Он боялся лишь, что через дырку в щеке скума может пролиться, поэтому плотно зажал её ладонью, прежде чем зубами сорвать пробку и вылить в рот всё содержимое сосуда. Скума привычно обожгла горло и пищевод, в ушах зашумело. Мордан поднялся, минуту постоял, покачиваясь из стороны в сторону, попытался пойти в барак, но споткнулся об лежащего на спине Ныряет-Глубоко и упал, больно ударившись лицом о камни. Кажется, на минуту-другую он даже потерял сознание, а когда пришёл в себя, то увидел рядом с собой кого-то высокого и худого, закутанного в чёрный плащ. Рядом с ним был Склизкий-Хвост, чуть позади них — Джа-Шебек и Нивам-Ба.

— Эти что ли? — хриплым голосом спросил незнакомец и брезгливо ткнул носком сапога руку Мордана.

— Да, эти, — ответил Склизкий-Хвост.

— Совсем какая-то дрянь, — проворчал высокий. — Впрочем, это неважно. Ладно, грузите их в баркас.

Потом он заметил, что Мордан на него смотрит, наклонился, что-то пробормотал, и разум Мордана погрузился в беспросветную тьму, на самое дно и глубже.

Глава 5. Крик Стамонта

Боль. Холод. Плеск воды. Запах мокрого дерева. Эти первые ощущения пришли к Мордану, когда он обрёл сознание. С трудом он разлепил глаза, и огромный пугающий незнакомый мир ринулся на него. От яркого света резало глаза, всё вокруг плясало и шаталось, и было непонятно, что это за «всё» и где это «вокруг». Он лежал на чём-то деревянном и неровном, вокруг были деревянные стены неопределённой высоты, крыши над ним не было, и высоко над головой простиралось высокое грязно-серое небо, в котором кружили редкие птицы. Было зябко, его всего трясло, задеревеневшие руки и ноги плохо слушались. Напрягая все силы, удалось приподняться и оглядеться. За стенами обнаружилась вода — тёмная, с виду глубокая и холодная, судя по плавающим в ней там и сям льдинам. Кроме воды и льдин больше не было ничего: ровная сизая гладь до самого окоёма, где она смыкалась с чуть более светлым небом.

— Очнулся? — послышалось откуда-то сзади.

Мордан повернулся, с трудом ворочая онемевшей шеей, и это движение отдалось болью в правой щеке. Он увидел сидящего незнакомому мужчину, укутанного в чёрный плащ, и его вид как-то соединил вместе и дощатые стены, и небо с птицами, и льдины в воде. Мордан понял, что он куда-то плывёт в большой лодке вместе с этим незнакомцем, сидящем на поперечной доске между бортами.

— Ты кто? Где я? — с трудом выговорил Мордан. Язык во рту плохо ему подчинялся и еле ворочался.

— Меня зовут Баркаан. И ты — на моём баркасе. Ты, кажется, Мордан?

Незнакомец в чёрном плаще имел длинные седые волосы, зачёсанные за уши и спускавшиеся с двух сторон на плечи. Узкое костистое лицо, особый разрез глаз и форма ушей выдавали в нём альтмера, высокого эльфа. Левый глаз Баркаана был затянут бельмом.

— Да. Я Мордан. У тебя есть скума? — задал Мордан единственный важный для него вопрос.

— Скумы у меня нет, — ответил альтмер, и Мордан разочарованно хныкнул.

— Но сейчас она перестанет быть тебе нужна, — сказал Баркаан, встал, шагнул к Мордану и присел рядом. — И твоему другу тоже.

Мордан поглядел в другую сторону и увидел Ныряет-Глубоко, валяющегося, словно куча тряпья, на дне баркаса. Альтмер положил левую руку на него, а правую на макушку Мордану и сказал:

— Нужно немножко потерпеть.

Мордан хотел переспросить, что именно терпеть, но не успел. Он закричал. Он кричал страшно, безумно, неистово, срывая горло, выдавливая весь воздух из лёгких, задыхаясь и кашляя, захлёбываясь собственным криком. Ему никогда в жизни не было так больно: как хозяйка нарезает головку сыра тонкой металлической струной, так же сейчас тысячи невидимых нитей разрезали его на тысячи кусков заживо. В теле не было ни одного места, в котором не ощущалась бы эта жуткая, запредельная боль. Он кричал, а кто-то внутри него, смотрящий на всё словно бы со стороны, удивлялся, как это он остаётся жив, испытывая такую боль. И вдруг боль оборвалась в один момент, разом, и Мордан рухнул на дно баркаса. Рядом с ним несколько мгновений вопил Ныряет-Глубоко, но и его крик внезапно оборвался.

Мордан лежал, прислушиваясь к себе, и с удивлением обнаружил, что от боли, которая только что так терзала его, не осталось ни следа. Точнее боль оставалась, но в отдельных местах: болела грудь от надсады, с какой он выдавливал крик, болело сорванное горло и болела правая щека. Он осторожно прикоснулся к ней и ощутил под пальцами толстую корку запёкшейся крови.

— Давай-ка я тебе затяну, — сказал Баркаан и протянул к нему руку, но Мордан в ужасе шарахнулся от него.

— Да ты не бойся. Это не больно.

— Ага! Как и только что? — не поверил Мордан.

— Только что я тебя от пристрастия к скуме избавил, дурачок. Ты меня благодарить должен по гроб жизни. Да. А рану на лице я тебе залечу немного.

И действительно, Баркаан беззвучно пошевелил губами, и от его пальцев к лицу Мордана протянулись сияющие золотые нити, щека ощутила щекочущее тепло исцеляющего заклинания.

— Рана заживёт быстро, — сказал альтмер, закончив лечение. — Но, шрам, конечно, останется.

Потом он шагнул к неподвижно лежавшему аргонианину, наклонился, осторожно потрогал шею.

— А вот приятель твой не сдюжил, — грустно сказал Баркаан.

— Он... умер? — со страхом спросил Мордан.

— Боюсь, что да.

— Зачем ты его убил?

Баркаан вздохнул.

— Я не хотел его убивать. Я хотел исцелить его от скумной зависимости, как и тебя. И исцелил бы, если бы он не отравил своё тело этой дрянью до такой степени. Видно, сердце не выдержало. Да.

— Откуда я знаю, что ты меня исцелил? — спросил недоверчиво Мордан.

— А ты представь, что берёшь в руку пузырёк со скумой, — ответил Баркаан, жестами изображая действия, о которых говорил, — открываешь крышку, нюхаешь, делаешь глоток...

Мордан послушно повторял всё это в своём воображении, но как только он представил запах и вкус скумы, его жутко затошнило, он кинулся к борту, наклонился над водой, и его вырвало слюной и желчью.

— Вот видишь, — сказал Баркаан. — А ты не верил. Ты даже не представляешь, что с тобой будет, если ты попробуешь её выпить на самом деле.

От этих слов Мордана опять замутило. Альтмер же встал над телом несчастного Ныряет-Глубоко и произнёс какое-то заклинание. Вдруг чешуйчатая рука согнулась, дёрнулась нога, тело зашевелилось...

— Ты... — выдохнул изумлённый Мордан, — ты его... воскресил?

— Нет, — грустно ответил Баркаан. — Я его *подъял*.

Аргонианин встал и поднялся во весь рост. По деревянным дёрганым движениям и по тусклым глазам, глядевшим в никуда, было понятно, что это оживлённый мертвец. Мордану сделалось жутко.

— Кто ты? — строгим голосом обратился к мертвяку альтмер.

— Я Ныряет-Глубоко, — ответил тот серым равнодушным голосом.

— А кто я?

— Хозяин.

— Что ты будешь делать?

— Что прикажет хозяин.

— Видал? — обратился высокий эльф к Мордану, довольно ухмыляясь, и даже подмигнул бельмастым глазом. — Думаешь, умники из Коллегии Винтерхолда такое могут? А мне раз плюнуть!

Мордан лишь сглотнул, пытаясь изгнать холодный ком в горле.

— Бери вёсла и гребки! — приказал Баркаан ящери, и оживлённый мертвец послушно взял лежавшие вдоль бортов вёсла, вставил их в уключины и принялся грести, ровно и мощно, с неживой равномерностью. Баркаан чуть подправил плотно надутый парус, прошёл на корму и там что-то поколдовал с рулём.

— А где мы вообще? — спохватился Мордан, понятия не имевший, куда держит путь баркас высокого эльфа.

— Мы в Море Призраков.

Мордан с интересом огляделся вокруг. Он никогда раньше не видел моря.

— А куда мы плывём?

— На Крик Стамонта.

— Что ещё за Крик Стамонта?

— Мой остров, — просто пояснил эльф.

Мордан очень удивился такому ответу.

— У тебя есть свой остров?

— Ну, не то чтобы король пожаловал мне его в удел и даровал титул ярла, — сказал Баркаан, — но, кроме меня, там никто не живёт. Так что, думаю, я имею право назвать этот остров своим. Да.

— И что ты там делаешь? И главное — почему я с тобой туда плыву? — спросил Мордан.

— Я занимаюсь там магическими изысканиями, — спокойно ответил Баркаан, и у Мордана подпрыгнуло сердце. — Мне нужно провести один ритуал. Но, к сожалению, это нельзя сделать в одиночку. Да. Мне нужен помощник. Я приплыл за ним в Виндхельм, и аргониане продали мне тебя.

— Аргониане? Продали? Как это?

— Очень просто. Да. Точнее сказать не продали, а обменяли на мои амулеты и обереги. Амулеты — это то, чем я зарабатываю на жизнь.

— Но как... как можно продать человека?

— Запросто. Нельзя доверять никаким зверолодям — ни аргонианам, ни каджитам. Да и людям тоже я бы не доверял. Мы, меры, должны держаться друг друга.

Мордан испытал странное чувство, будто уже слышал последнюю фразу. Но где и когда? Воспоминание ускользнуло, как рыба из пальцев, когда пытаешься поймать её голыми руками.

— А что будет со мной, когда ты проведёшь свой ритуал? — осторожно поинтересовался Мордан.

— С тобой? Ничего, — Баркаан пожал плечами. — Я тебе заплачу, и ты будешь свободен. Да. Отправляйся куда хочешь. Могу отвезти тебя потом, куда пожелаешь. Хочешь — обратно в Виндхельм, хочешь — в Данстар, в Солитьюд. Куда угодно. Да.

— А в Винтерхолд?

Баркаан скривился, словно глотнул скисшего эля.

— Зачем тебе туда? — спросил он. — Неужели ты хочешь поступить в эту их дурацкую Коллегию?

— Я? Нет, — Мордан помотал головой. — Я вообще неграмотный.

Зачем он соврал альтмеру, он и сам не смог бы объяснить. Но какое-то наитие, какое-то внутреннее чутьё заставило его это сделать. Баркаан выглядел мирным и спокойным, говорил негромко и гладко, но что-то в его интонациях, в повадках, в глазе, скрытом бельмом, настораживало Мордана и подсказывало быть осторожным с этим высоким эльфом.

К цели плаванья они прибыли уже в сумерках. Нос баркаса ткнулся в песок, Баркаан соскочил на заснеженный берег и торжественно произнёс:

— Добро пожаловать на Крик Стамонта!

Мордан, одетый лишь в шерстяные штаны, рубаху и сильно поношенную льняную куртку, довольно сильно замёрз и был рад, что скоро окажется не в продуваемом всеми ветрами море, а хоть в каком-нибудь укрытии, где можно развести огонь. Вслед за двумя эльфами на берег сошёл и мёртвый ящер, и, пока Мордан шёл по извилистой тропе между обледенелых скал вслед за Баркааном, у себя за спиной он слышал звук шагов подъятого мертвеца, и это было крайне неприятно. По дороге им встречались какие-то очень древние с виду камни, носившие следы обработки.

— Мы пришли, — сказал Баркаан, когда они оказались перед величественным каменным сооружением на вершине большого холма. Массивные каменные ворота закрывали вход.

— Что это? — вырвался удивлённый вопрос у Мордана вместе с облачком пара изо рта.

— Это руины древнего нордского храма, — пояснил Баркаан. — Он был построен в незапамятные времена. Да. И тысячу лет как заброшен.

Баркаан произнёс заклинание, и ворота с каким-то горным грохотом распахнулись.

— Добро пожаловать в мой дом, — сказал высокий эльф.

Внутри было очень странно. Даже когда Мордан жил с разбойниками в руинах Хелгена, он не видел такого странного помещения. Обиталище Баркаана удивительно сочетало допотопные циклопические стены и уютное, с любовью и вкусом обустроенное жильё. На грубо обтёсанных стенах висели какие-то симпатично-добродушные гобелены. Пол из огромных гранитных плит укрывали пушистые шкуры и даже плетёные коврики. Вдоль стен стояли аккуратные шкафчики с полками, заставленными книгами. На нескольких крепких дубовых столах лежали свитки, книги, перья и калямы, чернильницы, куски сургуча, множество склянок разных размеров и форм, которые обрадовали бы любого алхимика. Отдельный стол с вырезанными магическими знаками, как догадался Мордан, был предназначен для высокого искусства зачарования. Всё это чем-то напоминало ему дом Улрина, в котором так хорошо ему было в детстве и откуда так не хотелось уходить каждый вечер.

Воздух в жилище был холодный, но Баркаан подошёл к большому камину, сложенному из камней размером с медвежью голову, щёлкнул пальцами, и тут же вспыхнули уложенные аккуратным конусом дрова. Волны тепла стали быстро расходиться во все стороны. Что-то пророкотало и гулко стукнуло. Мордан резко обернулся и увидел, что каменные ворота закрылись. При этом мёртвый Ныряет-Глубоко оказался внутри, вместе с ними.

— А он, — спросил Мордан, показывая на ходячий труп, — тоже будет с нами? Здесь?

— Да, — небрежно отмахнулся Баркаан. — Такие всегда полезны. Будет на подхвате.

Мордан поёжился.

— Ну, что, брат эльф? Поужинаем?

— Хорошо бы.

Очень скоро над огнём закипел котелок, и спустя короткое время Мордан с удовольствием хлебал горячую похлёбку из мяса хоркера и моллюсков, грыз сухари и слушал историю Баркаана. Высокий эльф, как оказалось, всю жизнь стремился постигать тайны Этериуса, запредельного плана бытия, который служит источником магии для мира земного. Он поступил в Коллегию магов Винтерхолда, но проучился всего пару лет и ушёл оттуда, из-за разногласий с тамошними «тупоумными ретроградами», как он обозвал преподавателей Коллегии. Дальше он принялся изучать магические искусства сам, гонясь за разными книгами и древними свитками. В конце концов, судьба привела его на остров Крик Стамонта, где он и обустроил себе жилище.

— Стамонт — это тот, кто всё тут построил? — поинтересовался Мордан.

— Нет, — покачал головой Баркаан. — Храм был построен задолго до него.

— А почему тогда остров называли в честь этого Стамонта? И кем он вообще был? И отчего кричал?

Баркаан улыбнулся мягкой улыбкой.

— Слышал ли ты когда-нибудь, друг мой, Мордан, о Маннимарко? — спросил он.

— Неа, не слышал, — ответил Мордан.

— Ну да, ну да, — покивал Баркаан. — Ты же неграмотный. Ничему не учился. Да.

— Неа, не учился, — подтвердил Мордан, которому что-то подсказывало, пусть лучше Баркаан считает его наивным дурачком. — Мои родители простые люди. Папаша на лесопилке работал.

— Понятно-понятно. Так вот, друг мой, Маннимарко, он же Король Червей, — это один из величайший магов в истории. Он в совершенстве постиг древнюю и могучую магию плоти, именуемую также некромантией. Но у него были не менее сильные враги, с которыми он боролся, но, в конце концов, проиграл. После этого распался его Орден Чёрного Червя, ученики Маннимарко разбрелись по разным уголкам мира, растащили по кускам его великое наследие. Одним из его учеников был Стамонт. Он пришёл сюда на самый север Скайрима и занялся изучением тёмных искусств. Никто точно не знает, каких глубин он в этом достиг. Но, думаю, немалых.

— А когда это было? — спросил Мордан.

— Давно. Больше тысячи лет назад.

— Ха! Так от него тогда ничего и не осталось небось, кроме имени.

— А вот тут ты ошибаешься. Пойдём со мной.

Баркаан поднялся из-за стола и повёл Мордана куда-то вглубь своего жилища. Они вошли в широкий тёмный коридор, который изгибался спиралью, уходящей вниз. Но прошли они, вопреки ожиданиям Мордана, немного и остановились на небольшой площадке перед гладкой отвесной стеной из странного льда, обладавшего необычным серо-стальным блеском. Эту стену Мордан смог разглядеть при свете магического огонька, зажжённого Баркааном на ладони.

— Это сталгрим, — пояснил альтмер. — Священный заколдованный лёд древних нордов. Его ничем нельзя ни пробить, ни растопить. По легенде своим магическим криком эту стену сотворил Стамонт, чтобы навсегда закрыть доступ к тем тайнам, которые он

открыл.

— Поэтому так и остров называется? — спросил Мордан.

— Поэтому, друг мой. Поэтому. Да.

— А ежели ход перекрыт, то зачем ты здесь живёшь? Почему не поближе к обитаемым местам?

— А потому, — понизив голос, сказал Баркаан, — что я многие годы искал способ преодолеть эту стену. И я — нашёл!

В его голосе зазвенела гордая бронза. Он поднёс ладонь с огоньком поближе к стене.

— Видишь? Видишь эти трещины?

Мордан присмотрелся и увидел сеть тонких, как паутина, трещин, разбегавшихся из центра стены.

— Ага.

— Я проводил ритуалы, которые помогли их создать. И осталось провести ещё всего лишь один, чтобы стена окончательно рассыпалась. Его нужно проводить в особый день — в день выравнивания двух лун, Массера и Секунды, когда на небосклоне появляется третья, Тёмная луна.

— Существует третья луна? — удивился Мордан.

— Да, друг мой. Но об этом знают лишь немногие избранные. До заветного момента осталось всего несколько дней. Да. Так что не переживай: я не задержу тебя здесь надолго.

Мордану нравилось на Крике Стамонта. Ему ничего не нужно было делать. Он лишь ел, спал, грелся у очага и слушал различные истории Баркаана, которых у него было множество, и все интересные. Видно, пожилой эльф соскучился по общению на своём одиноком острове, и, сидя за столом, вытаскивал какую-нибудь изящную вещицу из клыка хоркера и говорил, говорил. Из нескольких имевшихся столов он почему-то предпочитал самый куций и неказистый, с кривыми ножками, одна из которых была короче остальных, и под неё была подложена какая-то затрёпанная маленькая книжонка. Мордан однажды поинтересовался, почему Баркаан выбирает именно этот стол?

— Это самый первый стол, — сказал альтмер. — Я сделал его собственными руками. Из досок, которые прибило к берегу. Да. Это были остатки какого-то разбитого бурей корабля. Случилось это в мою первую зимовку здесь на острове. Было очень трудно. Море замёрзло, и я никуда не мог уплыть. И пешком я бы никуда не дошёл, сгинул бы по дороге. Морозы стояли страшные, метели дули постоянно. Когда ненадолго прояснялось, я шёл на охоту. Питался почти одними хоркерами, которых добывал. Дважды меня самого чуть не съели. Да. Один раз — белый медведь, другой — снежный саблезуб, прыгнул на меня со спины, стервец. Куртка была на мне плотная, и когти у него увязли, поранили неглубоко. Да. Самая трудная зима была в моей жизни. Тогда-то я этот стол соорудил. И с тех самых пор его полюбил, прикипел душой. Да.

Альтмер улыбнулся и с нежностью погладил серые доски стола.

— Эй, ящер! — окликнул он Ныряет-Глубоко. — Подкинь-ка ещё дров!

Аргонианин, стоявший серым истуканом в дальнем тёмном углу, стронулся с места и выполнил, что ему было приказано: набрал охапку дров, лежавших большой поленицей у входа, подошёл к очагу и швырнул в него всё разом. Половина дров попадала мимо, половина свалилась в очаг так, что из него высыпалось несколько углей.

— Да не так, балда! — прикрикнул Баркаан. — Не все сразу! Клади дрова в огонь по одному! И угли убери в очаг.

И аргонианин послушно брал мёртвой рукой оранжево-серые от жара угли и спокойно клал их обратно в огонь, брал полено и тоже клал в очаг, так что языки пламени лизали его серые чешуйчатые пальцы, но он этого словно бы не замечал.

— Этот сообразительный, — комментировал действия мертвеца Баркаан. — Обычно подъятые мало что могут. Лучше всего, конечно, умеют убивать. А этот — вон, всё понял. Наверное, при жизни умный был?

— Странный, — пояснил Мордан. — Очень много непонятого говорил.

— Не удивительно. Умные всегда кажутся странными для обычных людей, и чем умнее — тем страннее. Да. А этот твой бывший друг понимает даже мысленные приказы.

— Как это — мысленный приказ? — не понял Мордан.

— А вот смотри.

Баркаан пристально взглянул на Ныряет-Глубоко, прищулив здоровый глаз, и тот развернулся, ушёл в свой тёмный угол и повернулся лицом к стене.

— Вот видишь: я мысленно приказал ему встать на его место и отвернуться лицом к стене. И он выполнил мой приказ, — сказал альтмер.

— Мёртвые могут слышать наши мысли? — удивился Мордан.

— Не совсем, — принялся объяснять Баркаан. — Просто между подъятым и магом, который его подъял, образуется определённая связь. Да. Я как бы часть той силы, которая вдыхает в него некое подобие жизни. Проводник, своего рода. Посредник. Да. И поэтому я могу диктовать ему свою волю. Для этого достаточно просто ему повелеть. Не обязательно использовать для этого слова. Да.

Он обвёл рукой стопки книг, лежавшие на самом большом столе.

— У меня здесь много фолиантов, посвящённых великому и древнему искусству магии плоти. Это тебе не показушные фокусы с огнём и светом. Это нечто гораздо более глубокое...

Мордан обвёл все эти многочисленные тома жадным взглядом. Довольно скоро ему предоставилась возможность заглянуть в них. Как-то утром после плотного завтрака Баркаан приказал воротам раскрыться и собрался наружу.

— Ты куда? — поинтересовался Мордан.

— На охоту, друг мой. На охоту. Ты же видел, как много заготовок для амулетов я вырезал. Теперь их нужно наполнить магической силой. А наделить неживой предмет волшебными свойствами может лишь живая душа. Я иду на охоту за душами.

— Ты пойдёшь изымать души у людей? — со страхом спросил Мордан.

— Ну, конечно, нет! Души есть и у животных — у хоркеров, песцов, волков, медведей. Кто попадётся. Да.

— Могу я пойти с тобой?

— Лучше не стоит. Я слишком привык к одиночеству, — сказал Баркаан и закрыл ворота.

Мордан совсем не расстроился, что старый альтмер не взял его на охоту. Почти сразу он кинулся к книгам, раскрыл первую попавшуюся и погрузился в сладостный мир постижения новых знаний. Вивлиофика Баркаана содержала и теоретические трактаты, рассуждавшие о заумных вопросах, и практические пособия, и сборники конкретных заклинаний. Огромная часть книг была посвящена некромантии. Мордан читал их и погружался в эти зловещие дебри. Он узнавал, и как подъять недавно умершего, и как пробудить к жизни древние кости, на которых не осталось ни крупицы плоти, как вызвать из иного плана бытия бесплотный

призрак и подчинить своей воле, как упокоить любую нежить. В память, словно на лист пергамента, ложилось заклинание за заклинанием.

Когда Баркаан вернулся со своей охоты за душами, он заметил, что книги лежат не так, как до его ухода.

— Ты их не трогал, друг мой? — спросил он Мордана.

— Неа. На что они мне?

— Ну да, ну да... — покивал головой Баркаан.

Однако на следующий день, когда Баркаан опять ушёл охотиться, а Мордан направился к столу, неожиданно ему преградил дорогу Ныряет-Глубоко. Мордан попробовал обойти мертвеца сбоку, но тот развернулся к нему и предостерегающе зашипел. Это было неожиданно и неприятно. Но Мордан быстро придумал выход: сотворил заклинание, которое притянуло нужную книгу прямо ему в руку.

— Что, съел? — издевательски сказал он мертвяку. Но неожиданно аргонианин, не издав ни звука, просто кинулся на него, и холодные чешуйчатые пальцы сомкнулись на горле Мордана. Он попытался оторвать их от своего горла, но пальцы мертвеца казались сделанными из стали. В панике Мордан мысленно сотворил заклятье, которое разрывало связь между подъятым и его хозяином. Пальцы моментально обмякли, Ныряет-Глубоко рухнул к его ногам, как набитое соломой чучело. Мордан, кашляя и потирая горло, посмотрел на то, что натворил, и запаниковал ещё больше. Что будет, когда Баркаан узнает, что неграмотный данмер, оказывается, умеет колдовать и способен упокоить подъятого им мертвеца? Что делать? Спрятать труп и сказать, что он сбежал? Бежать самому? Ответ возник сам собой в его голове. Мордан подобрал книгу, которую выронил, когда на него кинулся мертвец, раскрыл и стал лихорадочно листать. Да, вот оно! Заклинание подъятия мёртвых. Ему вдруг вспомнилось, как давно — кажется, в позапозапрошлой жизни — он уже применял заклинание подъятия на несчастном зарубленном редгарде. Но то заклинание отличалось от нынешнего примерно так же, как перочинный ножик отличается от стальной двуручной клейморы. Мордан засомневался: хватит ли у него магической силы на такое мощное заклятье? И опять сам собой пришёл ответ. Перед глазами встало воспоминание, как Баркаан открывает ларец на столе для зачарования, достаёт амулет на кожаном шнурке и говорит: «Вот такие особенно хорошо покупают. С таким любой колдун-недоучка сможет скалы ворочать, костры до неба разжигать». Мордан кинулся к ларцу, нашёл нужный амулет, нацепил и, внимательно сверяясь с книгой, сотворил нужное заклятье. И через несколько мгновений перед ним стоял Ныряет-Глубоко, точно такой же, каким он был до ухода Баркаана. У Мордана отлегло от сердца. Его способности останутся втайне. На всякий случай, он проверил, слушается ли мертвяк его приказов. Ящер выполнял всё беспрекословно, и даже, после некоторой тренировки, Мордан наловчился управлять мертвецом, не произнося ни звука. Когда Баркаан вернулся и увидел Ныряет-Глубоко, стерегущего стол с книгами, он ничего не заподозрил.

— Знаешь ли, друг мой, — обратился он в тот же вечер за ужином к Мордану, — какая сегодня ночь?

— Во внаю, — ответил Мордан с полным ртом жаркого из хоркера.

— Сегодня ночь величайшего триумфа моей жизни! Сегодня взойдёт над Скайримом Тёмная луна, сегодня я проведу ритуал, сегодня я стану наследником великих тайн Стамонта и Маннимарко!

— Уже сегодня? — удивился Мордан.

— Да. И по этому случаю я приготовил для ужина кое-что особенное. Да.

Баркаан поднялся из-за стола подошёл к одному из сундуков, поднял скрипнувшую крышку и достал большую бутылку зелёного стекла.

— Это, друг мой, аргонианское кровавое вино. Редкий изысканный напиток. Да. Он достоин того, чтобы мы отметили мой грядущий триумф этим вином.

Альтмер торжественно водрузил бутылку в центр стола, следом за вином из сундука были извлечены два изящных кубка, похоже серебряных. Он сам наполнил кубки и протянул один Мордану.

— Друг мой, давай отпразднуем мой неизбежный успех!

Мордан взял кубок и сделал большой глоток. Вино оказалось сладко-кислым на вкус, бархатисто-ароматным, густым. Мордан посмотрел на Баркаана и увидел, что альтмер улыбается широкой хищной улыбкой. Веки вдруг налились каменной тяжестью, Мордан моргнул, и когда открыл глаза, то улыбка по-прежнему оставалась на лице Баркаана, только лицо это сместилось и оказалось прямо над Морданом, а сам Мордан почему-то оказался не сидящим за столом, а лежащим на твёрдом и холодном полу, и оба они находились не в комнате возле камина, а на площадке перед той самой стеной из сталгрима. Мордан хотел было спросить, что происходит, но вдруг обнаружил, что его рот чем-то заткнут. Он попытался пошевелиться, но не смог этого сделать ни руками, ни ногами, ни, кажется, даже пальцами.

— Ты очнулся, друг мой? — спросил Баркаан. — Это хорошо. Время приближается. Да. И ты должен быть в сознании, чтобы ритуал прошёл успешно.

Мордан попытался крикнуть, но вышло лишь какое-то невнятное мычание через нос.

— Ты, полагаю, хочешь спросить, в чём состоит ритуал, почему ты обездвижен и лишён возможности говорить? Изволь, я скажу. Да. Я долго думал: что может одолеть могучую древнюю магию плоти? И я понял. Это может сделать лишь ещё более могучая и не менее древняя магия крови!

Баркаан ходил туда-сюда, разглагольствуя где-то в головах у Мордана, распростёртого на каменном полу, и затылок ощущал слабую дрожь от шагов альтмера.

— В тот момент, когда живая горячая кровь покидает тело, она является сильнейшей магической субстанцией. Мне понадобились годы исследований, десятки подопытных, реки крови, чтобы в кромешной тьме, словно слепому, найти, нащупать этот тонкий извилистый путь, учесть все факторы. Понять, что жертва должна быть жива и в сознании, что из тела должна быть извлечена вся кровь, до последней капли. Какой сложный узор надрезов и проколов следует нанести на тело, чтобы этого добиться! Да. И теперь остаётся шаг. Всего один шаг до цели. Да. Один. Ты даже не можешь представить, как это волнительно!

Но Мордан вполне мог представить, потому что и сам в этот момент не мог бы назвать себя спокойным. Его разум лихорадочно искал путь к спасению и — не находил. Ужас мешал думать, картина того, как вся кровь до последней капли покидает его тело, заслоняла собой всё, вытесняла все другие мысли. Не на что опереться! Не к кому воззвать! Никак не выкрутиться!

— Впрочем, я заболтался, — сам себя одёрнул Баркаан. — Да. Друг мой, пора. Пора начинать.

Он склонился над Морданом, в занесённой руке сверкнул пугающе тонкий стилет.

— Не бойся. Будет почти не больно...

Глухой стук прервал речь некроманта. Это был звук, с которым Нырять-Глубоко с размаху опустил полено на голову Баркаана. За считанные мгновения до этого Мордан мысленно воззвал к мертвецу, приказывая придти и остановить того, кто желает лишить жизни Хозяина. И мертвец успел и выполнил полученный приказ.

«Освободи меня! Освободи!» — внушал Мордан мысленно ящерицу. Аргонианин наклонился и разорвал ремни, которыми Мордан был связан по рукам и ногам. Сразу же Мордан вскочил, вытащил изо рта кляп и отшвырнул в сторону. Затем он кинулся на лежавшего ничком Баркаана, схватил его и буквально зарычал:

— Я тебя убью, альтмер! Я спалю тебя, как кучу соломы!

Но вдруг в голове у Мордана зазвучал чей-то ледяной странный голос: «Не надо. Не

сжигай его. Сделай с ним то, что он хотел сделать с тобой». Мордан точно знал, что это не его мысль, что это кто-то другой, чуждый и могущественный, влез в его разум. Первым порывом Мордана было бросить всё и бежать. Но потом что-то ядовитое, что-то ночное, таившееся на самом дне души, остановило его и предложило хотя бы задуматься, рассмотреть возможность — самому провести ритуал Баркаана. Дневная часть разума говорила, что он не знает, как проводить такое колдовство, что он не ведаёт, к каким последствиям всё это может привести. Но ночная заставила его обшарить Баркаана, найти свиток, развернуть и прочесть все тошнотворные подробности ритуала. Ночь торжествовала, ночь затопила разум и душу Мордана. Ночь нашла второй набор ремней, припасённых запасливым алытмером, ночь заставила связать его, заткнуть кляпом рот и расположить в центре многолучевой звезды, нарисованной на полу, с различными рунами на конце каждого луча. Небольшое лечебное заклинание вернуло Баркаану сознание, но его единственный зрячий глаз готов был вылезти из орбиты от ужаса. Острый стилет ни разу не дрогнул в пальцах, когда наносил надрезы и проколы, следуя подробно и тщательно прописанной схеме. Слова заклинания выползали изо рта, как холодные змеи, и струи крови вытягивались по линиям звезды, дымясь и шипя. Когда прозвучало последнее слово заклятья, глухая тишина обрушилась на Мордана. Слепая тьма залила всё вокруг. А потом с разрывающим разум звоном ледяная стена брызнула миллионом осколков и разлетелась за одно мгновение. На месте стены клубился зеленоватый туман, пугающий и притягивающий одновременно. Ночь заставила Мордана сделать шаг в этот туман, и, сделав его, он почувствовал, что падает в бесконечную пропасть. Пространство и время оказались смяты и отброшены, как ненужная рваная тряпка.

Мордан словно бы тысячу раз умер и тысячу раз воскрес, пока — не упал, не рухнул, не приземлился, а просто обнаружил себя стоящим в месте, которое прежде он мог бы видеть лишь в своих самых жутких кошмарах. Он стоял на чём-то каменно-твёрдом, но вокруг простиралось море с густой чёрной водой, от которой так и веяло смертью. Небо, окрашенное в ядовито-зелёный цвет, было словно исполосовано странными светящимися облаками. Но света было мало, и вокруг царили вечные сумерки. Воздух пах чем-то чуждым, нечеловеческим, потусторонним. Местами между зелёным небом и маслянисто-чёрной гладью клубились мрачные тучи, и из них высывались отвратительные чёрные щупальца, похожие на гигантских пиявок. Иногда такие же щупальца выныривали из воды, хищно шарили вокруг и скрывались обратно в беспросветной глубине. Там и сям из чёрной воды высились причудливые строения — башни, арки, ажурные решётчатые мосты, колонны. Мордан стоял на террасе в самом низу огромной лестницы, заваленной немислимыми грудями книг в чёрных переплётках без надписей. Вдруг за спиной у себя он услышал странный хлюпающий звук и, даже не оборачиваясь, он кинулась вверх по ступенькам и, поднявшись на несколько, оглянулся и увидел, как склизкое щупальце шарит там, где он только что стоял. Мордан сделал несколько шагов спиной вперёд, но споткнулся и едва удержался на ногах. Чтобы видеть, куда идёт, он засветил магический огонёк на ладони и стал подниматься по лестнице. Свободную руку он сунул за пазуху, нащупал амулет Баркаана и сжал его как свою единственную надежду в этом странном месте. Он поднимался по ступеням, обходя завалы из книг, пока вдруг на десяток ступеней выше не появилось причудливое существо. Ничего подобного Мордан не только не видел раньше, но даже и не знал, что такое бывает: на огромном зелёно-буром туловище с короткой шеей сидела маленькая приплюснутая голова без носа и с пучком щупалец вместо рта. Две пары

рук были расположены сверху и снизу от центра живота, на месте которого находилась огромная пасть с несколькими рядами зубов. Вместо ног у существа тоже были многочисленные щупальца. Оно было укутано в какие-то лохмотья, но — самое поразительное — существо не стояло, а парило над ступеньками на небольшой высоте. Как только оно заметило Мордана, щупальца хищно зашевелились, и мгновенно последовал сильный магический удар, чуть не сбивший его с ног. Мордан, почти не задумываясь, сотворил заклинание оберега, и следующий удар от существа он уже сумел отразить. Сами собой всплыли в памяти уроки волшебницы-каджитки, и он принялся швырять молнии, одну за одной, в летающее чудовище. Существу это явно не понравилось, молнии отбрасывали его, словно удары. Но вдруг на месте одного чудовища возникло два совершенно таких же, и Мордан, который уже успел обрадоваться, что берёт верх, испугался, что двоих он не одолеет. Но отступать было некуда, и Мордан продолжил творить молнии, напрягая последние силы, и, в конце концов, оба монстра исчезли, оставив лишь кучку дымящегося пепла. Уставший Мордан присел на ступени, чтобы хоть чуть-чуть отдышаться. Его всего трясло от волнения и азарта боя.

Передохнув, он продолжил подъём по неведомой лестнице, ибо выбора у него просто не было. Он не смог бы сказать, сколько времени занял подъём — несколько минут или несколько часов. Может быть, в этом странном и опасном месте вообще не существовало времени. Но рано или поздно лестница закончилась, и Мордан оказался на какой-то террасе, в центре которой находился идеально круглый бассейн, наполненный всё той же чёрной водой. По ту сторону бассейна клубился зеленоватый туман. Стоило Мордану шагнуть на террасу, как вода в бассейне запузырилась, и из неё выбралось нечто ещё более жуткое, чем то, что напало на Мордана на лестнице. Однажды, когда он путешествовал с каджитами, ему довелось видеть, правда, издали, великанов, которые пасли мамонтов в лесотундре Вайтрана. Так вот это страшилище походило на смесь великана, фалмера (этих подземных слепых полулюдей Мордан видел на картинке в одной книжке) и рыбы-убийцы. Чудище разинуло пасть, полную кинжально-острых зубов, и изрыгнуло на Мордана омерзительную и, вероятно, очень едкую слизь. Но у него уже было наготове заклинание-оберег, и ни капли мерзкой жижи не попало на его кожу. Мордан попробовал ответить молнией, но его противник словно бы и не заметил её, а взмахнул длиннющей рукой с когтями-саблями, и Мордан едва уклонился от удара, который мог бы выпустить ему кишки. Он попробовал огненное заклинание, но и огонь не повредил чешуйчатую шкуру монстра. «Сюда бы ныряет-Глубоко да ещё пяток таких же мертвяков. Они бы и это чудо-юдо затоптали», — с тоской подумал Мордан, не знающий, как ещё достать своего противника. Но кандидатов на подыятие под рукой не было. Разве что... Мордан припомнил и сразу прочитал заклинание, призывавшее призрака, который готов был служить призывателю. Тотчас же рядом возникла полупрозрачная сизая фигура воина в древних нордских доспехах, и, как только чудище из бассейна вновь попыталось атаковать Мордана, воин ринулся на него с призрачной секирой в руке. Хотя секира и была призрачная, но раны она оставляла совершенно реальные, и монстр взревел, истекая чёрной кровью. Несколько минут он отчаянно бился с призраком, пока тот не растаял бесследно, но Мордан тут же сотворил нового, а потом ещё, и ещё, пока в конце концов, чешуйчатая громадина не рухнула замертво обратно в свой смоляной бассейн.

Мордан осторожно обошёл его и направился к туману. По мере приближения туман рассеивался, пока совсем не истаял, и тогда Мордану открылось нечто удивительное. Перед

ним была огромная, размером с дворец ярла в Виндхельме, бесформенная масса, из которой хаотично высывались тысячи щупалец и на которой открывались сотни глаз разного размера, а в самом центре её светился зеленоватым светом огромный глаз со странным горизонтально вытянутым зрачком. И этот глаз смотрел Мордану прямо в душу.

«Это мне уже точно не победить», — мелькнула испуганная мысль.

И вдруг в голове Мордана зазвучал голос, тот самый голос, который он слышал возле сталгримовой стены, когда хотел испепелить Баркаана:

— Приветствую тебя, смертный, в Апокрифе, моём царстве! Я Хермеус Мора известный в вашем мире как Владыка тайн, Хранитель запретного знания и Садовод Людей.

Мордан опустился перед бессмертным Принцем Даэдра на одно колено, словно перед королём.

— Зачем ты пожаловал сюда, смертный?

— Я... меня... меня привела судьба.

— Позволишь ли ты, — зазвучал голос, не знающий ни страстей, ни страхов, — заглянуть в твой разум, чтобы понять твою судьбу?

— Да, Великий.

Словно бы ледяное щупальце проникло в череп Мордана, и за секунду промелькнула вся жизнь. Корзина с плачущим свёртком у дверей Тэфара и Стеморы. Дети, дразнящие его перед домом Улрина. Мёртвый ворон. Краденая книга заклинаний. Стрела, оборвавшая удавку на шее. Поцелуи под грохот и сверкания грозы. Лунные мотыльки, кружащиеся над краем оврага. Пир с каджитами. Постылые камни стен тюремной камеры. Аргонианский барак. Сладость и ужас скумы. Заснеженный Крик Стамонта. Разлетевшаяся на осколки стена из сталгрима.

— Зачем ты шагнул в туман, смертный, когда разрушилась стена?

— Я надеялся... заполучить наследие Стамонта. Обрести могущество.

— Тогда ты пришёл совсем не туда.

— Почему, Великий?

— Стена, которую разрушил твой ритуал, действительно защищала наследие Стамонта. Но защищала от желающих заполучить его не с твоей, а с моей стороны стены.

— Я не понимаю тебя, Великий.

Щупальца зашевелились чуть активнее, видимо, выражая раздражение от бестолковости смертного.

— Я всегда жаждал и жажду новых знаний. А Стамонт ушёл на самый край земли, чтобы спрятать свои открытия и от смертных, и от бессмертных. Для этого же он сотворил стену, которую ты разрушил.

— Значит, его наследие...

— ... осталось в вашем мире, смертный. И я очень жажду заполучить его и готов щедро заплатить тебе за дневник Стамонта. Я готов обменять его на книгу, которую я продиктовал когда-то Зарксу. Она называется «Огма Инфиниум», и она сделает тебя столь могучим волшебником, что все архимаги Тамриэля будут бояться перейти тебе дорогу.

— Но я не знаю, где искать дневник Стамонта, Великий. И цел ли он ещё?

— Такие рукописи не могут погибнуть, смертный. Он цел и находится там, откуда ты пришёл, в древнем храме. Найди его, отдай мне — и будешь награждён.

Мордан немало читал о Принцах Даэдра и знал, как коварны они могут быть, как опасны сделки, которые заключают с ними смертные. Но о Повелителе Знаний, Владыке

тайн, кажется, нигде не говорилось, что он обманывает тех, кто вершит для него службу.

— Прости за вопрос, Великий, но что будет, если я сам прочту дневник Стамонта? Будешь ли ты гневаться на меня за это.

— Вовсе нет, смертный. Я всегда утверждал: таить знания хуже, чем таить золото. Ты можешь прочитать дневник прежде, чем отдать его мне. Но знай, что это может увести тебя на темнейший путь.

— Я всю жизнь иду этим путём, — с горечью сказал Мордан.

— Каждый выбирает свой путь сам. Иди и найди мне книгу!

Невидимые руки подхватили Мордана, всё закружилось в безумной круговерти, похожей на ту, которая случилась, когда он шагнул в туман за разрушенной стеной, и вдруг он очутился опять там же — в древнем нордском храме на острове Крик Стамонта. Не теряя времени даром, он принялся за поиски. Он перебрал все книги на столах и полках, хранившиеся в жилище Баркаана. Но там не было ничего похожего. Тогда Мордан стал шарить по сундукам, в которых обнаружилось немало золота и самых разных ценных вещей, но книги Стамонта там тоже не было. В одном из сундуков он нашёл круглое зеркало из полированной бронзы с ручкой и заглянул в него. Из зеркала на него глядело смутно знакомое лицо, одна щека которого была обезображена страшным шрамом. Мордан уронил зеркало и схватился за щёку. Он догадывался, что след от аргонианского когтя остался, но не представлял, насколько он изуродовал лицо. Тяжёлый подсердечный гнев вспыхнул у него в груди, захотелось рассчитаться за всё, но пока было неясно — с кем и как именно.

Немного остыв, Мордан продолжил поиски. Он осмотрел каждый предмет, каждый закуток в обжитой части храма, но не нашёл то, что искал. Тогда, запалив свет на руке, он отправился в коридоры и закоулки, про которые Баркаан сказал когда-то, что туда лучше не заглядывать. Но и там не нашлось ничего, кроме мусора и следов многовекового запустения. Правда, ему попала одна дверь, запертая на замок. Заклятье, отточенное ещё в каджитском караване, помогло её открыть. За дверью Мордана ждала страшная находка: останки многих и многих — людей, орков, эльфов, каджитов, аргониан. Очевидно это были жертвы Баркаана. Зажав нос, Мордан обыскал и это помещение, но даже следа книги в ней не обнаружил.

Обессиленный, он вернулся в жилую часть храма. Там он встретил смиренно ожидавшего его Ныряет-Глубоко. Мордан посмотрел на ящера и сказал:

— Хозяину нужна книга. Ныряет-Глубоко, принеси мне дневник Стамонта.

Аргонианин даже не пошевелился в ответ на этот приказ.

— Эх, ты! А ещё умник! Не можешь принести книгу, тогда таскай дрова. Принеси дров для очага!

Этот приказ мертвец понял и скоро притащил охапку дров и швырнул её в остывший камин. Ворча что-то под нос про безрукого аргонианина, Мордан присел на корточки перед камином, сложил дрова аккуратным конусом и разжёг огонь простеньким заклинанием. Потом он, сам не зная почему, повернул голову вбок, его взгляд упал на любимый корявый стол Баркаана с неровными ножками. Под одну из них была положена затрёпанная маленькая книжонка.

— Не может быть! — сказал Мордан вслух.

Он кинулся к столу, вытащил её и раскрыл. На пожелтевших страницах были записаны полувывцветшими чернилами какие-то скучные бухгалтерские записи: перечень купленного, стоимость каждого товара, общая сумма. Мордан не смог сдержать стон разочарования. Но в

ту же секунду в его голове зазвучал уже знакомый голос Принца Даэдра: «Ты нашёл её, смертный. Просто её истинное содержание замаскировано». Откуда-то само собой в его уме распустилось нужное заклинание, которое он произнёс, и скучные торговые списки вылиняли и исчезли, и проступили истинные строки, дышавшие тьмой и смертью.

Он захлопнул книгу. Сердце Мордана взволнованно билось, а в уме пульсировал мучительный вопрос: «Читать или не читать?». Так легко было бы сейчас подняться с пола, спуститься к зелёному туману там, внизу, и отдать всё, даже не заглядывая. Но... простит ли он себе в будущем такой поступок?

Мордан открыл первую страницу и принялся читать с самого начала. Он читал, не отрываясь, постигая и впитывая тайны, о существовании которых даже не догадывался, и ему страшно было представить, какой ценой было заплачено за их открытие. Только дочитав до последней страницы, он спустился к зелёному туману.

«Просто протяни руку с книгой, смертный», — сказал голос в голове. Мордан погрузил руку с книгой в туман. Ничего не происходило. Он вынул руку и увидел, что она держит уже совсем иную книгу, и переплёт её, к ужасу Мордана, казался сшитым из неровных кусков кожи представителей разумных рас Тамриэля.

На постижение всех знаний, таившихся в этой книге, ушло немало времени. Целую зиму провёл Мордан на острове Крик Стамонта, постигая тёмные глубины магии. А когда весной замёрзшее море вскрылось, и баркас отчалил от берега, на борту его был уже совсем не тот Мордан, который приплыл сюда несколько месяцев назад.

Глава 6. Тестаментарий

Уже на закате тёмный баркас причалил к виндхельмскому пирсу, и с него сошёл человек в бурой рясе с накинутым на голову капюшоном. В сундуках Баркаана обнаружилось и это одеяние жреца, в которое Мордан облачился. Таможенник направился было к нему, но маленького движения пальцами оказалось достаточно, чтобы он остановился и удивлённо захлопал глазами, напрочь забыв, куда и зачем шёл. Мимо прохромал какой-то жрец, но таможенник его даже не заметил.

Мордан уверенно шёл к аргонианскому барaku. Когда он заглянул внутрь, то увидел, что там совершенно ничего не изменилось, лишь пустовали на нарах места Ищет-Правду, Ныряет-Глубоко и его собственное, к которому ноги чуть не понесли его по привычке. Ящеры уже легли спать, поэтому вторжение незнакомца встретили без восторга.

— Что надо, чужак? — проскрипел, вставая и выпрямляясь, долговязый Нивам-Ба, лежавший ближе всех ко входу.

— Да пребудет с вами свет Аркея! — торжественно провозгласил Мордан и сам удивился, как естественно у него это получилось. Старик Улрин был бы рад сейчас такому виду своего ученика.

— Мы не поклоняемся вашим богам, чужак. Уходи прочь! — сказал Нивам-Ба.

— Прошу прощения, что потревожил вашу обитель, — елеиным голосом заговорил Мордан, — но не здесь ли проживают достопочтенные аргониане...

Он сделал небольшой пасс, но аргонианин увидел, будто жрец полез за пазуху, достал оттуда листок бумаги, развернул и продолжил:

— ... Ищет-Правду, Прекрасный-Крокодил, Склизкий-Хвост, Нивам-Ба и Джа-Шебек?

— Я Нивам-Ба. Что надо?

— Благословит тебя Аркей! Ты — один из наследников данмера, тестаментарием коего являюсь я, скромный слуга Бога Рождения и Смерти.

— Кого? Чего? Тесто... чего ты там являешься?

— Что там такое, Нивам-Ба? — послышался недовольный голос Склизкого-Хвоста. — Чего ссспать мешааете?

— Тут какой-то жрец припёрся, сссстаршой. Что-то непонятное болбочет про каких-то насссследников, какое-то тесссто... Тебя тоже поминал.

— Меня? — удивился Склизкий-Хвост, резво соскочил с постели и подошёл к Мордану, внимательно глядявываясь. Но Мордан ничего не опасался: заклинание *чужого лица* надёжно защищало его от узнавания.

— Кто такой? Что надо? — надменно спросил Склизкий-Хвост.

— Да пребудет с тобой благословение Аркея! Я скромный слуга божий и я — тестаментарий данмера по имени Мордан.

— Что такое «тестаментарий»? — спросил Склизкий-Хвост.

— Душеприказчик. Исполнитель последней воли умирающего.

— Мордан умер?

— Увы, да. Он больше не принадлежит к миру живых.

— А при чём здесь мы?

— Умирая, он завещал своё имущество... — Мордан опять провернул трюк с чтением несуществующей бумаги и перечислил имена аргониан.

— Что он мог завещать? У него было пристрастие к ссукме и ни грошша за душой.

— А с кем, собственно, я имею честь беседовать? — поинтересовался для правдоподобия Мордан.

— Я Склизкий-Хвост. И я тут главный. А кто ты?

— Слава Аркею! Значит, я говорю с одним из наследников. Меня зовут Драмон. Я обязался выполнить последнюю волю Мордана. Ты спрашивал, что он завещал вам пятерым? Так смотри же.

На этот раз он уже по-настоящему полез за пазуху и вытащил маленькую чёрную шкатулку. Мордан открыл крышку и показал аргонианину лежавший внутри рубин размером с куриное яйцо, тёмно-алый, похожий на сгусток крови. С камнем он обращался очень аккуратно, стараясь ни в коем случае не прикоснуться к нему голыми пальцами. Склизкий-Хвост издал восхищённый свист.

— Проходи, почтенный жрец, проходи! — сразу поменял он тон с надменного на любезный. — Присаживайся за наш стол. Может быть, ты голоден? Может, мы могли бы утолить твой голод или жажду?

Мордан закрыл шкатулку, прошёл и сел за стол. Склизкий-Хвост сел напротив, по бокам от него уселись Нивам-Ба и Джа-Шебек.

— Благодарю тебя, Склизкий-Хвост, — сказал Мордан, — но я не голоден и не хочу пить. Я хотел бы обсудить с тобой и другими наследниками последнюю волю Мордана.

— Что случилось с нашшим товарищем? Как он умер? — спросил Склизкий-Хвост, и Мордан поразился, какую искреннюю грусть и заботу он сумел придать своему голосу.

— Из Скайрима судьба занесла его в Блэклайт, столицу Морровинда, — принялся излагать заранее придуманный рассказ Мордан. — Там я и встретил его, уже тяжело больного. Он лежал в горячке, много бредил. Но перед кончиной наступило просветление, и он попросил меня поклясться, что я исполню его предсмертную просьбу.

Аргониане слушали очень внимательно. Склизкий-Хвост смотрел ему прямо в глаза, а вот сподручные пожирали взглядами шкатулку, остававшуюся у Мордана в руках.

— Однако, — сам себя перебил Мордан, — я бы хотел говорить со всеми наследниками. Где они?

Склизкий-Хвост переглянулся сначала с одним своим прихвостнем, потом с другим.

— Я — Склизкий-Хвост, как ты уже знаешь уважаемый... эээ...

— Драмон.

— ... Драмон. Ссправа от меня — Нивам-Ба, слева — Джа-Шебек. Вон там, — Склизкий-Хвост указал когтистым пальцем в дальний угол барака, — сспит Прекрасный-Крокодил.

— Очень хорошо, — сказал Мордан. — Разбудите её и пригласите ещё Ищет-Правду. Тогда все будут в сборе.

— К сссожалению, это невозможно, — печальным голосом сказал Склизкий-Хвост.

— Почему же?

— Прекрасный-Крокодил пребывает в глубоком сссне, вызванном скумой. Увы, она пристрастилась к этому зелью. И до самого утра никто не ссможет привести её в сознание.

— Печально, — покачал головой Мордан, ему в самом деле было жаль аргонианку. — А где же Ищет-Правду?

— К нессчастью, его больше нет в живых.

— Что же с ним случилось?

— Ему отрубили голову.

— Что? Как? — на мгновение Мордан потерял самообладание, но быстро взял себя в руки. — Как же произошло это прискорбное событие?

Склизкий-Хвост опустил голову, задумчиво побарабанил когтями по столу.

— Прекрасный-Крокодил была невесстой Ищет-Правду, — стал он рассказывать, и было заметно, что он тщательно подбирает слова. — И когда она начала употреблять сскуму, Ищет-Правду очень расстроился и разозлился, когда узнал об этом. Он решил покарать за это одного месстного данмера, Сибора, который торгует этой отравой. Он пришшшёл к нему в лавку с ножом и напал на него. Но...

Голос Склизкого-Хвоста дрогнул, он так тяжело вздохнул, что любой бы поверил: ему очень больно об этом рассказывать.

— ... но, вероятно, кто-то донёсс на нашего общего друга Ищет-Правду. И его уже поджидали затаившиеся стражники. Поэтому, как только он досстал нож, его сскрутили и поволокли в тюрьму. А поскольку он уже напал на Сибора, уже был за это поссажен, но потом освобождён милостью ярла... Сссловом, за повторное пресступление ему отрубили голову.

Мордан сочувственно покивал в ответ на этот печальный рассказ. Гнев и ненависть кипели в нём, как зелье в котле, но он никак этого не проявил. Напротив, он заговорил печальным, но ровным голосом:

— Что ж... Прискорбно это слышать. Но на всё воля богов.

— На всё воля богов! — горячо поддержал его Склизкий-Хвост, и даже Нивам-Ба и

Джа-Шебек синхронно кивнули.

— Значит, осталось лишь четверо наследников Мордана, — сказал Мордан, надёжно прикрытый колдовской личиной. — Тогда я осмелюсь предложить следующее: завтра мы все пойдём к какому-нибудь всеми уважаемому горожанину, который подтвердит ваши личности. В его присутствии я передам вам рубин несчастного Мордана, и он засвидетельствует перед людьми и богами, что я выполнил свою миссию. Потом вы уже сами продадите рубин за подходящую цену и разделите деньги между вами тремя и несчастной Прекрасной-Крокодил. Устроит ли это вас, почтенный Склизкий-Хвост?

Аргонианин энергично закивал и уверил, что это его совершенно устроит, что завтра они могут пойти в контору уважаемого клана Расколотый Щит и там провести сделку в присутствии уважаемого свидетеля. А потом скромно, но вполне настойчиво попросил ещё раз показать им рубин. Фальшивый жрец охотно выполнил его просьбу и открыл шкатулку. Кровавый камень вновь выглянул на свет.

— Джа-Шебек, принеси светильник! — приказал Склизкий-Хвост, и его просьба была немедленно выполнена. Огонь светильника заставил грани рубина заиграть зловеще-красными отблесками.

— Могу ли я взять его в руки? — спросил Склизкий-Хвост.

— Разумеется! — последовал ответ.

Чешуйчатые чёрные пальцы осторожно извлекли камень из шкатулки, покрутили так и эдак. Ящер рассматривал рубин с разных сторон и убеждался, что камень подлинный и дорогой. Так оно и было, Мордан привёз истинную драгоценность. Правда, на камне лежало проклятье, переходившее на всякого прикоснувшегося к нему, но аргонианам этого знать не следовало. Подручные попросили Склизкого-Хвоста дать им подержать камень, и он выполнил их просьбу, а потом с явной неохотой вернул камень в шкатулку. Мордан спрятал её за пазуху и сказал:

— Час уже поздний. Я хотел бы оставить вас всех в покое до завтрашнего дня. Какую таверну ты посоветуешь в городе для ночлега, ради Аркея?

Склизкий-Хвост добродушно развёл руками.

— Зачем же тебе таверна? Пока дойдёшь, пока тебе найдут комнату... Осставайся у нас! Места здесь много.

Мордан сделал вид, что задумался на миг-другой.

— Точно ли моё присутствие не смутит вашу почтенную общину?

— Ни в коем случае!

И ещё немного помедлив, Мордан согласился. Склизкий-Хвост сам проводил его и помог улечься. По странному совпадению его уложили на его собственное старое место на нарах. Мордан пожелал всем покоя и отдыха — во имя Аркея, конечно, — отвернулся к стене и сделал вид, что быстро заснул. Аргониане же ложиться не спешили. Они собрались за столом и стали о чём-то тихо перешёптываться. Заклинание *острого слуха* легко позволило Мордану подслушать их разговор.

— Зачем нам делиться с этой убогой? Она променяет все деньги на ссскому! — шипел Склизкий-Хвост. — Зачем нам привлекать к этому Рассколотый Щит? Он потребует плату за своё посссредничество!

— Шшто ты предлагаешшь, старшшой? — спросил Нивам-Ба.

— Надо украссть камень, пока он сспит! — сунулся с предложением Джа-Шебек. — А утром, когда хватиться, сскажем: знать не знаем, где твой рубин.

— Ага! — скептически отвечал Склизкий-Хвост. — Он сразу кинется к ссстражникам, они явятся и перевернут тут каждую досску. И нас из шшшжуры вытряхнут заодно.

— А мы в реке ссспрячем камень! — предложил Джа-Шебек. — Людишшшки не умеют плавать под водой, как мы.

— Нет. Не ссстоит поднимать шшшум вокруг камня, — возражал Склизкий-Хвост. — Его же потом всё равно нужно будет продавать. Если принесём торговцу тайком, он может наябедничать на насс властям. Кража — не годится.

— А что тогда?

— Что-что... Нож в сердце, а труп в воду, — решительно заявил Склизкий-Хвост. — Если вдруг кто-то его видел, кто-то о нём знает и будет исскать, скажем: видеть не видели, слыхом не ссслышали. А камень отвезём в Солитьюд. Там, в ссстолице, дороже продать можно.

Подручные притихли, вероятно, обдумывая предложение своего главаря.

— Шшшто молчите? — прошипел Склизкий-Хвост. — Бойтесь руки запачкать? Ну так я сссам всссё сделаю.

Мордан услышал приближающиеся к нему шаги и сотворил заклинание *отвода глаз*. Аргонианин, приблизившийся к нему, видел и ощущал, как нож с размаху входит под лопатку лежащего жреца. Но на самом деле лезвие проткнуло пустоту, поскольку Мордан заранее отодвинулся. Ящеру казалось, что он достаёт нож, вытирает лезвие о рясу и переворачивает труп на спину. На деле все его манипуляции так же происходили с пустотой. Чешуйчатая лапа шарила за пазухой у убитого и доставала шкатулку. В действительности Мордан сам аккуратно вложил шкатулку в руку Склизкого-Хвоста.

— Дело ссделано! — провозгласил аргонианин. — Камень у меня. А вы — трусссливые тритоны! Эй, Джа-Шебек, сходи на улицу, проверь: нет ли кого поблизости? Нам нужно незаметно вынессти тело и выкинуть его в реку.

Джа-Шебек вышел из барака. Склизкий-Хвост сразу быстро и напористо заговорил с Нивам-Ба:

— Нивам-Ба! Ты вссегда был единственным, кому я доверяю. Джа-Шебек — ненадёжен и труслив. Он может насс выдать, чтобы самому заграбастать рубин. Есссли мы от него избавимся, то поделим деньги пополам. Это ведь лучше, чем на троих? Сссогласен?

Недалёкий Нивам-Ба поскрёб когтями свой гребень на голове.

— Не знаю, Склизкий-Хвоссст... Как-то это... того... — промямлил он.

— Ты зря его жалеешшшь. Знаешшшь, что он про тебя за спиной говорил? Он говорил, что ты длинный, как бамбук, и голова у тебя пустая, как бамбук. Он предлагал мне, чтобы мы в следующий раз напоили скумой и продали Тёмному тебя! И ты будешшшь его жалеть после этого?

— Он правда так говорил? — набычился Нивам-Ба.

— Клянусссь хистом! — сразу же ответил Склизкий-Хвост, не побоявшись солгать, принося самую священную клятву аргониан.

— Тогда этому червю не жить!

Нивам-Ба взял поданный ему Скользящим-Хвостом нож и встал возле двери. Мордан спокойно наблюдал за всем, что происходит, надёжно укрытый отводящим глаза заклинанием. Через некоторое время дверь отворилась, в барак шагнул Джа-Шебек и заговорил:

— Всссё спокойно. Можно выносить те...

Он не успел закончить слово, потому что Нивам-Ба резким ударом вогнал ему нож в живот. Изумлённый аргонианин уставился на торчащую из него рукоятку, потом перевёл взгляд на Нивам-Ба, захрипел и рухнул на пол. Убийца наклонился над ним и выдернул нож.

— Молодец! — сказал ему Склизкий-Хвост, приближаясь. Но вдруг остановился, внимательно всматриваясь в Нивам-Ба.

— Ты что? Ты что, Нивам-Ба?

— Ты правда решил, что я тупой, как бамбук? — заговорил Нивам-Ба, надвигаясь на главаря. — Что я ничего не понимаю? Я знаю, что ты прирежешь меня, как того жреца. Вот только нож-то у меня. А?

— Ты что задумал?

— Давай-ка я и тебе нож в пузо вссажу, — ответил Нивам-Ба. — Тогда вообще ни с кем делиться не надо будет. Не ожидал такого от тупого Нивам-Ба?

Он надвигался на Склизкого-Хвоста, а тот отступал, стараясь двигаться так, чтобы между ними был какой-то предмет — ящик, бочка, — который не дал бы Нивам-Ба броситься на него одним решительным прыжком.

— Ты точно тупой, Нивам-Ба. Знаешь, почему?

— Ну?

— Потому что ты решил, — сказал Склизкий-Хвост, приседая и опуская правую руку за голенище сапога, — что у меня только один нож.

С этими словами он резко выпрямился и метнул тонкий стилет прямо в грудь Нивам-Ба. Оружие воткнулось и вошло почти по рукоятку. Нивам-Ба пошатнулся, неловко взмахнул руками, но не выронил нож. Наоборот, он каким-то ныряющим движением рванулся вперёд и взмахом руки рассёк живот не успевшему уклониться Склизкому-Хвосту. Оба упали рядом. Нивам-Ба хрипел в агонии, Склизкий-Хвост шипел от боли и руками пытался запихнуть обратно в себя вывалившиеся окровавленные кишки.

Мордан встал со своего места и медленно приблизился к нему. Глаза ящера среагировали на движение. Он повернулся и изумлённо прохрипел:

— Жрец? Ты... живой?

Мордан присел рядом с ним и провёл ладонью сверху вниз по своему лицу, снимая заклинание.

— Я не жрец, ящер. И никогда не был жрецом. Но ты меня знаешь.

— Мордан... — в ужасе прохрипел Склизкий-Хвост. — Ты... ты...

— Я, — сказал Мордан. — Я пришёл, чтобы восстановить справедливость. Но мне даже рук не пришлось марать: вы сами всё сделали. Жалко только, я не успел спасти Ищет-Правду.

— Мордан... Прости! Я не хотел... Помоги!..

Мордан наклонился совсем близко к чёрному чешуйчатому лицу и тихим ласковым голосом спросил:

— Это же ты донёс на Ищет-Правду? И ты ведь знал, что его казнят, если поймают повторно...

Склизкий-Хвост заскулил от ужаса. Мордан положил руку ему на один из загнутых рогов и прошептал заклятье. В ту же секунду кровь в теле ящера вскипела, глаза лопнули, язык высунулся из зубастой пасти. Земной путь Склизкого-Хвоста закончился. Мордан сунул руку в карман мертвеца, пошарил и забрал чёрную шкатулку с рубином. Оставалось ещё одно, последнее дело здесь.

Он подошёл к тому углу, в котором спала Прекрасный-Крокодил. Аргонианка выглядела откровенно плохо: чешуя её потускнела и стала какой-то пыльной, одежда на ней была грязна и порвана в нескольких местах. Дыхание спящей было хрипкое и дёрганое. Ни одного украшения не осталось на её маленьких рожках.

Мордан положил руку ей на плечо и прошептал:

— Прости меня...

А потом он произнёс заклинание, то самое, которым Баркаан избавил его от одержимости скумой. И Прекрасный-Крокодил распахнула глаза и закричала. Она вопила дико, оглушительно, на разрыв, и Мордан знал почему. Эти ощущения не забыть никогда: каждый нерв, каждая жила в теле превращаются в раскалённую добела нить, которую медленно и неумолимо тянет из тебя невидимая титаническая рука. Зато пережив все эти муки, любой, на кого наложено заклятье, навсегда избавлялся от тяги к скуме. Один запах зелья сразу вызывал в нём рвотные позывы.

Внезапно дверь в барак открылась, и в проём просунулась голова стражника в шлеме, похожем на заострённое яйцо.

— Энто кто у вас тута голосит? — строго спросил стражник, но, увидев трупы в лужах крови на полу, икнул и мгновенно исчез за дверью.

«Тревога! Тревога! Сюда-а-а!», — послышались вопли на улице. Мордан вскочил, забыв о Прекрасный-Крокодил, которая недоумённо крутила головой и моргала, пытаясь понять, что происходит. Что делать? Через минуту тут будет десяток стражников с факелами, и всем сразу глаза не отвести. Всех убить? Но за что? И хватит ли сил справиться со всеми, если они кинутся на него разом? Думать! Думать! Думать! Мордан зашарил глазами по бараку, ища хоть какую-то возможность для спасения. Взгляд его упал на мёртвых аргониан...

Когда стражник вернулся с подкреплением и ввалился в барак с обнажённым мечом в руке, он прошёл всего пару шагов и резко остановился, а потом даже попятился. За спиной у него кто-то испуганно охнул, кто-то пробормотал «Храни нас Кинарет!». На стражников надвигались три явно неживых ящера. То, что они мертвы, говорили не только их странная раскачивающаяся походка, но и зияющая рана на животе у одного, в груди — у другого, а третий был ужаснее всех: вместо глаз у него были пустые бурые глазницы с запёкшейся кровью, из вспоротого брюха свисали кишки, волочившиеся за ним кровавым шлейфом. Десятник, с седой бородой, заплетённой в две косы, не желая проявлять трусость перед подчинёнными, шагнул вперёд и со словами «Не бойсь, бойцы! Во имя Талоса!» рубанул наотмашь ближайшего ящера, самого высокого. Мертвец неожиданно быстрым движением руки отбил меч и с жутким шипением кинулся на десятника. Тут уже стражнику пришлось проявлять чудеса ловкости и уворачиваться от когтистых чешуйчатых лап. Вслед за первым с шипением кинулись на храбреца и два других ящера. «Отступаем!» — крикнул десятник и, яростно отмахиваясь мечом от жутких противников, попятился к выходу. Стражники охотно выполнили его приказ, он выскочил последним. Но мёртвые ящеры не остались внутри барака, а последовали за стражниками наружу. На открытом пространстве десятник почувствовал себя увереннее, принялся отдавать резкие отрывистые команды, и воины стали брать врага в полукольцо, время от времени тревожа их выпадами, но и не давая слишком приблизиться к себе. Десятник изловчился и молодецким ударом меча отрубил одному из ящеров руку, что вызвало одобрительный гул среди остальных стражников, но мертвеца отнюдь не остановило.

Мордан, накинув на себя заклинание отвода глаз, спокойно прошёл мимо сражающихся

и направился к выходу в город. Досматривать, чем окончится схватка ярловых дружинников с подьятыми им аргонианами он не стал, поскольку не сомневался: воины не зря свой хлеб едят, и, хотя подьятого не так легко одолеть, рано или поздно они покрошат аргониан в капусту.

В городе Мордан отправился в Квартал серых, нашёл неприметную таверну, снял комнату на одну ночь и прекрасно выспался. А утром в лавку почтенного торговца Сибора явился жрец Аркея в поношенной бурой рясе и продал прекрасный крупный рубин. Жрец был так глуп, что совершенно не стал торговаться и сразу согласился на первую цену — смехотворно низкую, — которую предложил торговец. Сибор остался чрезвычайно доволен такой выгодной сделкой.

Глава 7. Расплата по счетам

Покидая Виндхельм, Мордан купил себя коня — вороного, быстроногого, заплатив барышнику изрядную сумму. Свежий весенний ветер, словно торопя и подгоняя, дул ему в спину. Звонкой рысью он проехал по дороге около часа, потом свернул в ещё полуодетый лес. Там он сошёл с коня, довёл в поводу до ближайшей поляны и привязал к ясеню. Затем он вышел на середину облитой солнцем поляны и произнёс заклинание. Из под его сапог стал расползаться круг, в котором молоденькая травка мгновенно жухла, становилась бурой и мёртвой. Мордан достал чёрный эбонитовый кинжал с рукоятью, отделанной золотом, и стал им чертить в тёмном круге сложную симметричную фигуру с тринадцатью углами. В центр её он положил две вещицы: медную фибулу в виде орла, льва и дракона, кусающих друг друга, и белый клык, привязанный к кожаному шнурку. Потом он произнёс заклятье, от которого конь заржал и забился в испуге, и если бы не привязь, наверняка сорвался бы с места и убежал. Мордан простёр руки и прочитал ещё одно заклинание. На плечи к нему спустились два ворона. Он осторожно, почти нежно погладил пальцами их умные головы и прошептал несколько слов. С громким карканьем вороны сорвались с его плеч и взмыли в небо. Теперь стоило ему прочесть нужное заклинание и закрыть глаза, как в его разуме вспыхивало видение того, что наблюдал то один, то другой ворон. Они летели туда, куда он их направил, и неизбежно должны были найти тех, кого он искал. Мордан забрал вещи из своей колдовской фигуры, успокоил коня, отвязал, сел на него и поехал на запад. Именно туда направились оба ворона.

Через несколько дней дорога привела его к нордской деревушке под названием Айварстед, которая притулилась в кармане предгорий, у подножия Глотки Мира, величайшей горы Скайрима. Подъезжая, Мордан обратил внимание на большой холм слишком правильной формы. Он взглянул на холм *особенным* зрением, которому научился на острове Крик Стамонта, и увидел, что это древний курган. Только очень наивным или очень бесстрашным людям могла придти в голову мысль селиться рядом с такими соседями.

Единственная таверна в Айварстеде была самая заурядная: громоздкое здание из тёсаных брёвен с выцветшей вывеской над высоким крыльцом, с глубокой чёрной лужей перед самыми ступеньками. Внутри — грубые, но крепкие столы и стулья, закопчённый очаг

с вертелом, запах дыма, горелого мяса да кислого эля, и дородная хозяйка с заметными усиками над верхней губой, дремлющая, облокотившись на стойку. Пара пьянчуг-завсегдатаев тихо дули пиво в углу, рыжебородый здоровяк в старой железной кирасе с несколькими вмятинами уплетал что-то жареное прямо из сковороды. Не самая парадная обстановка, но для Мордана, уставшего несколько дней подряд ночевать у костра под открытым небом, она показалась довольно уютной, а горячая говяжья похлёбка — вполне съедобной.

За столом ему прислуживала молоденькая белокурая бретонка с кукольным личиком и короткими ногами. Весь вечер она строила глазки, и даже, когда Мордан повернулся к ней изуродованной щекой, на лице девушки не отразился ни испуг, ни отвращение, а только лёгкая тень жалости. Когда Мордан щедро расплатился за ужин, он поманил бретонку пальцем. Она наклонилась к нему, щедро демонстрируя через широкий вырез кофты богатое содержимое.

— Заглянешь ко мне сегодня ночью? — тихо спросил он и сразу добавил. — Я хорошо заплачу.

Девушка игриво улыбнулась и шепнула:

— Может быть...

Мордан теперь совсем по-иному видел людей, и поэтому не сомневался в её решении. Для него совсем не стало сюрпризом, когда поздно вечером в дверь снятой им комнаты сначала тихо поскреблись, а потом девичья фигурка проскользнула внутрь, подошла на цыпочках к его кровати и задула свечу, стоящую на столе рядом. Комната погрузилась в темноту, но нынешний Мордан видел во тьме лучше любого каджита. Он с удовольствием наблюдал, как служанка полностью освободилась от одежды и, сверкнув сливочно-аппетитными формами, юркнула к нему под одеяло. С нею было не так, как с Белкой. Дебелое пухлое тело оказалось податливым и мягким, она почти ничего не говорила, лишь хихикала и охала. Мордан ничего не чувствовал в душе, а лишь внимательно прислушивался к ощущениям собственного тела и в итоге счёл их приятными. Бретонка полностью заслужила свою награду.

Однако когда утром обнаружилась пропажа кошелька со всем золотом, прихваченным из сундуков Баркаана, Мордан был слегка удивлён такой проворностью и наглостью. Он не спеша собрал свои вещи, вышел из комнаты и направился к хозяйке таверны. На его претензии и обвинения хозяйка отвечала крайне грубо и дерзко, из чего Мордан сделал вывод, что она, конечно же, в доле со своей блудливой служанкой. С такими людьми бесполезно пытаться говорить по-хорошему, и Мордан пригрозил, что если ему не вернут кошелёк, он спалит этот клоповник дотла. Хозяйка лишь нагло усмехнулась ему в лицо, и Мордан уже собрался показать, что совсем не шутит, как вдруг ощутил прикосновение холодной стали к своему горлу.

— Не галди, серокожий! — прогудел ему в ухо грубый мужской голос, обдав запахом пивного перегара и чеснока. — Хоть пальцем пошевелишь без моего дозволения, башку снесу!

Рыжебородый норд в кирасе, сидевший у очага, умудрился незаметно подкрасться к Мордану со спины и приставить кинжал к горлу. Мордан признал, что нож у горла — это довольно сильный аргумент. Ни одно заклинание не действует мгновенно, поэтому разумнее было подчиниться норду. Тот довёл его, не убирая ножа, до входной двери, распахнул её ударом ноги, а потом мощным пинком вытолкнул Мордана наружу, так что он просто

перелетел через крыльцо и приземлился на четвереньки прямо в лужу. Двое детей, крутившихся неподалёку, весело захихикали, толстая тётка, снимавшая одежду с верёвки возле дома напротив, приснула в ладонь. Мордан встал, вытер ладони о собственный чёрный кафтан.

— И шоб я тебя здесь больше не видал! Ещё раз появисси — уши отрежу! — проорал ему в спину рыжебородый. Но Мордан даже не обернулся. Он спокойно отвязал коня, и повёл его в поводу. Он шёл, сильно хромя на правую ногу, по единственной улице деревни, грязный и публично униженный. Шёл, не глядя ни на кого. Но слух, обострённый с помощью простого заклинания, прекрасно разбирал реплики зевак, пялившихся на него:

— Гляди, какой урод!

— Мало что урод, ещё и колченогий.

— Мурло-то какое располосованное. Разбойник поди.

На лице Мордана не отражалось ничего, но внутри... Он всё придумал ещё до того, как руки коснулись жирной грязи. Зря, ох, зря эти недоумки построили свои убогие лачуги рядом с древним курганом. Пробудившиеся от векового сна мертвецы-драугры ненавидят всё живое и не боятся человеческого оружия.

Вдруг на самом краю деревни ему попало на глаза небольшое кладбище. Это было ещё удобнее: не нужно брести к кургану, не нужно искать и пробуждать драугров, потом вести их сюда. Всё будет ещё проще.

Первое поднятое кладбище далось Мордану намного легче, чем первое заклинание, которым он когда-то развёл костёр, хотя и заклинание было в сотню раз сложнее, и магической силы требовалось несопоставимо больше. Но наследие Стамонта и дар Владыки Тайн сделали его возможности совсем иными. Он сам теперь смутно представлял себе их границы.

Вставшие из своих могил мертвецы выглядели по-разному: отличались пол и возраст, степень разложения. Но всех их объединяло одно — лютая ненависть к живым, горевшая гнилостно-зелёным светом в глубине глазниц. Им даже не нужно было указывать цели. Они сами изнывали от жажды найти живого, наброситься на него и — рвать, рвать, рвать, руками и зубами. Мордан развернулся и пошёл обратно в Айварстед. Его жуткий отряд следовал за ним. Первыми почуяли недоброе и завыли собаки. Заголосили младенцы. Истошно закричала какая-то старуха, жившая на краю деревни и увидавшая, что надвигается. Следом за ней раздались другие вопли, женские, детские, мужские. Послышалось хлопанье дверей, визги ужаса, топот множества убегающих ног.

Мордан неторопливо шагал к таверне и, не дойдя пару десятков шагов, остановился и крикнул:

— Эй, ты, Ржавая Борода! Вот я вернулся: выходи, попробуй отрезать мне уши!

Но из таверны с распахнутой настежь дверью ему никто не ответил. Мордан посмотрел на неё особым зрением и увидел, что таверна пуста. Такими же покинутыми были все ближайшие дома. Щелчок пальцев, и языки пламени охватили таверну со всех сторон, взвившись до самой крыши. Он решил дойти до конца деревни, чтобы никто не вздумал отсидеться за запертыми дверями. Но неожиданно, пройдя мимо нескольких домов, Мордан увидел, что несколько крепких мужчин пытаются перегородить улицу с помощью кольев и рогатин, повыдернутых откуда-то. Среди храбрецов он разглядел и рыжебородого. Мордан сделал один указующий жест, и две дюжины поднятых мертвецов кинулись на тех, кто решил попробовать их остановить. Защитники Айварстеда попытались рубить поднятых

топорами, отпихивать рогадинами, но это было не то оружие, которым можно легко одолеть нежить. Уже через минуту они всё побросали и кинулись удирать от Мордана и его слуг. Вдруг до его слуха донеслись два одновременных неприятных звука: детский плач и женский визг. Мордан огляделся и увидел, что возле одного из домов посреди огорода сидел и истошно ревел примерно годовалый малыш, а к нему от края деревни бежала, истошно вопя, какая-то женщина, скорее всего, мать. Их крики привлекли и внимание мертвецов, трое из которых повернули и двинулись к тому самому дому. Мать, уже почти добежавшая до оставленного в панике и спешке ребёнка, заметила их и в страхе остановилась. Мордан придержал мертвяков, словно дёрнув за невидимые поводки.

— Что встала, дура?! — гаркнул он на женщину. — Хватай сына и беги!

Она вздрогнула от его окрика, кинулась к ребёнку, подхватила на руки и побежала прочь, не оглядываясь, пока не скрылась в густой роще, примыкавшей к краю деревни.

Покинув перепуганную деревню, Мордан двигался дальше в сопровождении своей жуткой свиты. Она служила надёжной защитой от встречи с людьми, подобными гостеприимным обитателям Айварстеда. Да и с любыми другими людьми тоже. Но он совершенно не жалел об этом. И хотя он был надёжно защищён от человеческих взглядов, Мордан всё же стал прятать нижнюю часть лица под чёрным тонким платком. Голову его прикрывал чёрный капюшон.

Вороны нашли караван Дро'зарр-Дара в трёх дневных переходах от Айварстеда. Уже через два дня Мордан, оторвавшись на коне от своего отряда, догнал караван и в вечерних сумерках, спешившись, приблизился к стоянке каджитов. Они уже расположились на отдых, как всегда, поставив шатры, оставив неподалёку кибитки и отпустив лошадей пастись на ближний луг. От костра пахло чем-то сказочно вкусным.

Мордан шёл не скрываясь.

— Кто идёт сюда и чего желает? — услышал он голос Бажар-до. Ничего не отвечая, Мордан продолжал идти прямо на охранника каравана. Каджит сначала положил лапу на рукоять меча, но, когда это не остановило идущего, Бажар-до извлёк меч из ножен. В то же мгновение Мордан кинул в него парализующее заклятье, и воин упал на землю срубленным деревом. Мордан успел пройти ещё всего два шага, когда на него бросилась К'Хай-ла. Он был готов к этой атаке, он знал, что сделает в ответ, он заранее всё решил. Она метнула в него сразу две молнии, но обе врезались в невидимый защитный купол, окружавший Мордана, и бессильно стекли и рассеялись. После этого он убил К'Хай-лу: просто, без всяких внешних эффектов, заклинанием, которое исторгает душу из тела. Она упала, словно сломанная кукла, и по неестественно вывернутой шее было видно, что она мертва. К Мордану уже бежал сам Дро'зарр-Дар вместе со старшим сыном. Некромант вскинул одну руку в предупреждающем жесте и крикнул:

— Стойте!

Каджиты остановились, насторожённо выставив перед собой оружие. Мордан скинул капюшон, стянул с лица платок.

— Узнаёшь?

— Морд... Ан... — прошептал поражённый Дро'зарр-Дар.

Мордан краем глаза заметил, что Бажар-до начинает шевелиться, преодолевая паралич. Тогда он подъял К'Хай-лу и сказал ей, указывая на воина:

— Если он попытается на меня напасть, убей его, — потом указал на Дро'зарр-Дара и Джи'ала и добавил. — Если они попытаются напасть на меня, убей их. Ты поняла?

— Да, хозяин, — равнодушным, как у всех мертвецов, голосом ответила К'Хай-ла. В её лапах заискрились молнии, готовые в любой момент ударить в цель.

— Что хочет тёмный эльф? — настороженно спросил Дро'зарр-Дар.

— О, каджит научился разбираться в человечесьих породах! — язвительно заметил Мордан. — С чего ты решил, что я чего-то хочу от вас?

— Морд'Ан до сих пор не убил каджитов. Значит, он чего-то хочет от них. Чего же?

— Справедливости! Морд'Ан желает справедливости.

— Какой? — спокойным голосом спросил Дро'зарр-Дар, но подёргивающийся кончик хвоста выдавал его страх. Дро'зарр-Дар глядел не отрываясь и не мигая в глаза Мордану, тогда как его сын с ужасом смотрел на поднятую К'Хай-лу.

— Будто бы ты не знаешь — какой, — усмехнулся Мордан. — Ты оболгал меня, ты отправил меня в тюрьму, ты украл моё имущество, лишил всего, что у меня было. А кстати, моя книга заклинаний ещё цела?

Мордану действительно захотелось опять подержать в руках книгу, с которой началось его знакомство с магическим искусством.

— Да. Джи'ал, принеси книгу! — сказал Дро'зарр-Дар, и сын исчез в одном из шатров и через минуту вернулся с книгой. Мордан сделал движение пальцами, книга выпорхнула из лап каджита и, перелетев по воздуху, приземлилась в его руки. Он раскрыл её наугад, перелистнул несколько страниц. Эти записи казались теперь такими детскими, такими наивными. Он бросил книгу под ноги, она вспыхнула зелёным огнём и очень быстро сторела, оставив лишь кучку хрупкого пепла.

— Что я говорил? — сам себя спросил Мордан. — Ах, да! Ты лишил меня всего, что я имел. Думаю, будет справедливо, если я лишу тебя всего, что имеешь ты.

Он хлопнул в ладоши, и одновременно вспыхнули яростным пламенем все шатры и кибитки. Лошади, пасущиеся неподалёку, заржали в испуге, из самого большого шатра выскочила До'Райя вместе с котятами. Мордан пошёл к ним, но Дро'зарр-Дар шагнул, перекрывая ему дорогу, и выставил вперёд правую руку с кинжалом.

— Ты не сможешь меня убить, каджит, — тихо, почти ласково сказал Мордан. — Не бойся, я больше никого не трону.

Дро'зарр-Дар не стронулся с места, но Мордан просто обошёл его и подошёл к матери с котятами. До'Райя смотрела на него с отчаянной решимостью.

— Здравствуй, До'Райя, — сказал Мордан. — До сих пор вспоминаю твою стряпню, особенно настоящее эльсвейрское фондю.

Каджитка ничего не ответила, но он заметил, как сузились зрачки её жёлтых глаз. Мордан присел и оказался на одном уровне с рыжим котёнком.

— Привет, Рыжий. Помнишь меня?

Котёнок молча кивнул. Мордан сунул руку за пазуху, и услышал, как мать-кошка нервно втянула воздух. Он медленно, плавно достал из-за пазухи маленький клык и дёрнул, разрывая кожаный шнурок, на котором клык держался.

— Ты мне подарил когда-то. Возьми обратно, малыш. Удача мне больше не нужна.

Он отдал талисман Рыжему, встал, развернулся и пошёл прочь. За спиной у него пылали остатки каджитского каравана, громко ржали лошади, свет от пожара освещал пространство на большое расстояние. Мордан уже отошёл на пару десятков шагов, как вдруг остановился и развернулся.

— Да, чуть не забыл.

Он щёлкнул пальцами, и К'Хай-ла рассыпалась в прах.

Мордан шёл, чувствуя спиной испуганные взгляды каджитов, и размышлял. Справедливо ли он поступил? Вполне. Что будет с каджитами, оказавшимися в голом поле без всего? Даэдра их знает — что будет. Поголодают пару дней, пока добредут до ближайшего села. Выменяют еду на какие-нибудь цацки До'Райи. Кони у них ещё остались. Через год опять прекрасно будут торговать по всему Скайриму. Зачем о них вообще думать? Впереди его ждал Вайтран и встреча с другими старыми знакомыми.

Земли Вайтрана встретили Мордана недружелюбно. Все поселения, через которые он проходил со своим никогда не устающим и ни на что не жалующимся отрядом, были оставлены жителями. Ни одной живой души не попадалось ему на глаза. Как-то раз из любопытства он выехал на коне далеко вперёд, и тогда ему удалось встретить человека. Им оказался норд весьма преклонных лет, который тащил за собой тележку, нагруженную всяким скарбом. Мордан догнал его, поравнялся и поприветствовал.

— И тебе не хворать, добрый человек! Храни тебя Стендарт! — отвечал ему старик, продолжая идти не сбавляя шага.

— Куда путь держишь, уважаемый? — поинтересовался Мордан.

— Знамо куда — в Вайтран, в город, подальше отседова.

— Зачем в Вайтран-то? Да ещё и со всем добром?

— Так от Нехромансера спасаюсь.

— От кого? — удивился Мордан.

— От колдуна злодейского, — пояснил старик. — Нехромансером его звать. Он на наши земли пришёл с цельной армией мертвяков. Неужто не слышал?

— Нет. Я сам из Рифта еду.

— Ха! Так он же у вас в Рифте-то тоже был. Айварстед вот совсем разорил. Сказывают ни одной живой души не оставил, ни баб, ни детей не пощадил.

— А может, бухвостят?

— Да не, про такое брехать не станут.

Мордан молча развернулся и поскакал в обратную сторону. К вечеру, на закате он увидел, что навстречу его «армии мертвяков» ярл Вайтрана выслал свою дружину. Лучи закатного солнца блестели зловеще-красным на шлемах, на наконечниках копий. Войско было довольно значительное. Оно грамотно расположилось в узком дефиле между крутым горным склоном и неглубокой, но стремительной речкой. Мечи и топоры воинов готовы были покрошить отряд мертвецов за считанные минуты, поскольку обладали, самое меньшее, пятикратным преимуществом в числе. Но у Мордана было другое преимущество.

Когда его отряд двинулся на войско ярла, Мордан сотворил заклинание, которое оказалось сокрушительнее любого оружия. Вместо двух дюжин безоружных мертвецов глаза воинов увидели сотни и сотни драугров в броне и с оружием, бегущих на них с жутким рёвом. А как только первая шеренга соприкоснулась с врагом, то каждый воин увидел, что его товарищи слева и справа пали, пронзённые, разрубленные, проткнутые ржавым, но грозным оружием, и что до его собственной гибели остаются считанные мгновения. Несколько секунд дружинники колебались, но всё же страх победил, и все разом побежали назад, даже боясь обернуться. Мордан выиграл свою первую битву, не пролив ни капли крови.

Он шёл на Вайтран. Именно туда вело его заклятие поиска.

В ту ночь весь город не спал, стражники каждую четверть часа тревожно перекликались

на крепостных стенах, а простые горожане дрожали, запершись в своих домах. Все ожидали, что страшный «Нехромансер» нападёт на город, швырнув своё жуткое войско на штурм. В этот самый момент некромант спокойно шёл, прихрамывая, по пустым ночным улицам, стараясь не попасться на глаза патрулям с факелами. Но патрулей было мало, почти вся дружина во главе с ярлом была на стенах.

Мордан попал в город через тот самый тайный ход, через который они с Белкой передавали краденное торговцу. Мертвецы за несколько минут распатали и выдернули решётку, и никем не замеченный, он прошёл сначала сточной канавой, а потом, выбравшись, пошёл по тёмному лабиринту улиц туда, куда влекло его заклинание. Оно привело его в самый глухой и грязный угол Вайтрана, где прямо на голой земле, закутавшись в какие-то вонючие лохмотья спали городские нищие.

Сначала он не мог понять, зачем его занесло на эту человеческую помойку, но потом, посмотрев своим особым зрением, он увидел, что путеводная зелёная нить уходит точно в одну из бесформенных куч, которая, в действительности, была человеческим существом. Мордан подошёл к ней и ткнул в мягкое острым носком сапога. Куча никак не отреагировала. Он ткнул посильнее, и тогда из грязных тряпок высунулось нечто похожее на голову.

— А? — прохрипела голова. — Что надо?

— Белка? — спросил Мордан, не узнавая свою знакомицу. Она приподнялась, села.

— Что надо? Ты кто?

Мордан присел рядом, приспустил платок на лице. В нос ему шибануло кислой вонью давно не мытого тела. Он поднёс руку к своему лицу и засветил огонёк на ладони, освещая себя.

— Висельник... — изумлённо прошептала Белка. — Эх тебя...

— Тебя не лучше, — резко сказал он.

Если бы не заклинание, он ни за что не признал бы в этом существе Белку. Грязное лицо было прорезано глубокими морщинами, шелковисто-рыжая коса превратилась в сплошной бурый колтун. На лбу россыпью бордовых точек высыпали гнойные язвы. Под левым глазом зеленел фингал. Губы сильно обветрились, мёртвая кожа болталась на них мелкими белёсыми лохмотьями.

— Хуже, — с кривой улыбкой сказала она, выпрастывая из груды тряпья правую руку. Она сунула её Мордану под нос, и он увидел, что из рукава торчит тупая багровая культя.

— Кто это сделал? — удивился он.

— Ярловы слуги, — сказала Белка тусклым голосом. — Аккурат на следующий день, как... как мы с тобой расстались.

— Ты меня бросила подыхать, — напомнил ей Мордан.

— Бросила, — покорно покивала Белка.

— А с остальными что случилось?

— С остальными ещё хуже. Мы в засаду попались. Ярл Нелкир взялся искоренить разбойников в своём владении, и нам не повезло. Малога в драке зарубили, Болога с Калдаем повесили, а мне их сиятельство изволили сохранить жизнь. Девоч он не вешает. Только велел руку отрубить, чтобы из лука стрелять не могла. С тех пор вот милостыней живу.

Мордан сжал кулак, и огонёк погас. Лицо Белки исчезло во тьме. Он встал и выпрямился.

— Как же это вы попались?

— Да уж понятно как, — равнодушно ответила Белка, — торгош навёл.

— А...

Он развернулся и медленно пошёл прочь.

— Висельник! — хрипло окликнула его Белка.

Он остановился и повернулся.

— Ты зачем приходил? — спросила она.

— Хотел тебя убить, — спокойно ответил Мордан.

— Так убей.

— Нет. Тебе так — хуже.

И он зашагал прочь от лежбища нищих Вайтрана. Но, пройдя шагов десять, остановился, постоял в задумчивости и решительно направился обратно. Белка, услышав его шаги, опять приподнялась.

— Забыл чего? — спросила Белка.

Мордан ничего не ответил. Просто протянул в её сторону руки с поднятыми ладонями, и жизненная сила потянулась двумя светящимися нитями из Белки в него. Нити светились тускло, но этого света было достаточно, чтобы увидеть, как морщины на её лице углубляются, появляются новые, втягиваются щёки, глубоко в глазницы уходят глаза. Она всё поняла и успела шепнуть: «Спаси... бо», прежде чем иссохший труп глубокой старухи с глухим стуком упал на землю. Мордан нашарил в кармане и бросил на землю больше не нужную медную фибулу в виде кусающих друг друга орла, льва и дракона.

Возвращаясь обратно к тайному ходу, Мордан вдруг остановился возле одного из домов, не зная почему, и сам удивился этому. Он посмотрел сквозь стену своим особым зрением и увидел, что в этом доме живёт тот самый кривоносый скупщик, который прямо сейчас залезал в ночном колпаке и сорочке под одеяло к своей полнотелой супруге. Мордан положил руку на стену и прошептал несколько слов. На камнях стены мертвенно-зелёным светом вспыхнул замысловатый знак, но быстро стал бледнеть и совсем истаял. Неотменимое смертное проклятье легло на скупщика и на всех, живущих с ним под одной крышей.

В глубокой задумчивости он вернулся к покорно ожидавшим его мертвецам. Предстояло решить, что делать дальше, куда и зачем двигаться. Он повёл своих подъятых прочь от города, без особой цели и смысла. Через небольшое время он наткнулся на оставленный лагерь какого-то другого каджитского каравана. Кибитки, шатры — всё было очень похоже на караван Дро'зарр-Дара, только всё ценное каджиты унесли. Но Мордан обрадовался и тому, что осталось. Он разобрал один из шатров, сложил его в кибитку и поехал на ней, используя в качестве тягловой силы двух мертвецов, тянувших её за оглобли. Вороного он привязал сзади. Когда из-за горизонта встало солнце, пришло и решение. Мордан решил посетить город своего детства — Фолкрит.

Путь занял несколько седмиц. Караван некроманта полз по дорогам, на которых не было ни одной живой души. Селения встречали его пустыми домами. Но дома не интересовали Мордана: ему нужны были кладбища. Каждый погост пополнял его отряд несколькими десятками новых мертвецов. В родной город Мордан хотел придти не с иллюзорной, а с настоящей армией. Вороны по-прежнему служили Мордану дополнительными всевидящими глазами, и иногда он любовался, как на переход-другой впереди его войска по дорогам тянулись вереницы перепуганных беженцев, стремившихся укрыться за стенами крепостей и городов.

Когда до цели оставалось уже совсем немного, Мордан разбил шатёр на подходящем холме, привычно окружил свой лагерь сторожевыми заклинаниями, которые ещё на дальних подступах заметили бы любого, кто попытается приблизиться. Завтра на рассвете он войдёт в Фолкрит, и его не остановят никакие стены и решётки. Обычно он всегда хорошо и крепко спал, но в эту ночь почему-то ему не спалось. А в полночь пропело тревогу одно из сторожевых заклятий. Когда Мордан отправил на разведку ворона, то с удивлением увидел, что к лагерю приближается одинокая женская фигура. И ещё больше изумился, когда узнал в ней Эйру.

Мордан вышел ей навстречу.

— Здравствуй, Эйра, — поприветствовал он её ещё до того, как она приблизилась к месту, где стояли в молчаливом ожидании поднятые им мертвецы.

— Мордан! — воскликнула она прижимая руки к груди. — Я так и знала, что это ты! Сама не знаю почему, но — знала...

— Зачем ты пришла, Эйра?

— Я хотела... поговорить.

— Тогда пойдём поговорим в моём шатре.

Мордан провёл её к своему походному дому, с удовлетворением наблюдая, как лицо Эйры бледнеет всё больше и больше, пока они проходят через ряды его жуткого войска. Войдя в шатёр, Мордан всмотрелся в девушку. Она сильно изменилась: раздобрела в бёдрах, грудь налилась, волосы потускнели и стали похожи цветом на спелый ячмень. Мордан молчал, сложив руки на груди, ждал, когда она заговорит первой. Эйра долго напряжённо смотрела ему в глаза, потом судорожно вздохнула и сказала:

— Ты... идёшь на Фолкрит?

— Да.

— Зачем?

— А ты сама как думаешь?

Она молчала наверное целую минуту.

— Ты хочешь с ним сделать то же самое, что и с Айварстедом? Всех убить и всё сжечь?

Молва бежит быстрее лесного пожара и раздувает из блохи мамонта. Но Мордан не стал ничего опровергать.

— Да, — лишь сказал он. — Ты помнишь кладбище Фолкрита? Я подниму всех героев, кто там похоронен. С такой армией я завоюю весь Скайрим. Весь Тамриэль. А от Фолкрита я не оставлю ничего. Да.

— Но... за что?

— За что? Ты спрашиваешь меня: за что? Меня? Серую сволочь, красноглазого недоноска, остроухого ублюдка, грязную Морду... Как ещё меня называли твои земляки? В этом городе нет ни одного человека, который не оскорбил бы меня, не унизил. И ты спрашиваешь: за что?!

— Я никогда не обижала тебя.

— Да, ты. Единственное исключение.

— Улрин тоже не обижал тебя.

— Ну да. Ещё старик Улрин. Вас двоих я пощажу. А вот Болли, Фир, Камерат и все остальные получают по заслугам.

— Улрин умер этой зимой, — тихо сказала Эйра. — А Болли теперь мой муж. У нас с ним ребёнок. Девочка.

— Ты меня не разжалобишь, — сказал Мордан. — Я убью их всех так же, как убил Тефара, Стемору и всю мою семью. Это ведь я подсыпал им в котелок ядовитых трав, я отравил их всех, прежде, чем сбежать. Ты знала это?

— Тефар жив. И Стемора тоже. И все остальные. Их выходил Улрин, отпоил своими отварами.

— Живы? Все? — не поверил своим ушам Мордан.

— Да. Ты никого не убил в Фолкрите. Пока.

Мордан зашагал по шатру из стороны в сторону, нервно потирая щеку.

— Живы... Я всё это время думал... считал себя убийцей... а они...

— Живы-живёхоньки. Лемме этой осенью женился. На рябой Берде. Представляешь? Конечно, только ради приданого. А люди говорят, что она спит не только с ним, но и с Гемме. Наверное, не научилась различать в темноте.

Эйра хихикнула и прикрыла рот ладонью. Мордан тоже усмехнулся. Потом подошёл к ней вплотную, взял за плечи и, неотрывно глядя в глаза, спросил:

— Помнишь, эта тройца была меня тогда, возле лавки? А ты за меня заступилась. Помнишь?

— Помню.

— Почему ты это сделала? Из жалости? Да?

— Нет, — спокойно сказала Эйра.

— А почему тогда?

— Потому что ты... мне нравился.

Мордан стоял словно поражённый громом.

— Я? Тебе нравился?

— Да.

— Но ты же понимаешь... Понимала... что мы не могли бы... Если бы я посватался к твоему отцу, он бы меня просто убил на месте.

— Конечно.

Мордан опять нервно зашагал по шатру.

— Ты знаешь, что я его обокрал? Это я тогда, перед тем как сбежать, пробрался в ваш магазин и украл книгу. Знаешь?

— Я догадалась, ещё когда встретила тебя тогда, утром.

— А почему не задержала? Не позвала никого?

Эйра лишь улыбнулась и пожала плечами.

— А если я тебе нравился, как ты говоришь, то почему тогда ты не сбежала вместе со мной? Помнишь, я предлагал тебе? А?

— Побоялась. Я нигде никогда не была, кроме Фолкрита.

Холодный расчет шептал Мордану, что она просто врёт, играет с ним, заманивает в капкан. Но где-то глубоко внутри, что-то полузабытое и полузадушенное трепыхалось, билось, как птичка в кулаке птицелова... Мордан медленно и демонстративно снял с лица платок и шагнул ближе к светильнику, чтобы Эйра лучше рассмотрела его лицо. Потом так же медленно повернулся к ней спиной и застыл в тревожном ожидании. Что она таит? Простой ножик за голенищем сапога? Тонкую удавку в рукаве? Коварное заклинание на кончиках пальцев? Или просто отодвинет полог шатра, и из ночной темноты прилетит острая стрела, чтобы впиться ему между лопаток? Он готов ко всему. Нож разобьётся, как сосулька о камень, об наложенное на одежду защитное заклятие. Удавка превратится в

гадюку и ужалит руку, держащую её. Заклинание вспыхнет и стечёт бессильным огнём по укывшему его невидимому куполу. Стрела сгорит ещё в полёте и осыпется бессильным пеплом. Давай. Бей! Ну же! Почему она медлит?

Мордан резко повернулся и взглянул на Эйру. Она стояла очень бледная, и по щекам у неё текли слёзы.

— Уходи, — яростно выдохнул он. — Уходи сейчас же. Вон! ВОН!

Он схватил её за плечи, развернул и буквально вытолкнул из своего шатра.

Лучи восходящего солнца пробивались сквозь кроны редких сосен, покрывавших пологий склон. На усыпанной сухими мёртвыми иголками земле вычурное кружево теней шевелилось в такт с движениями ветвей, колеблемых лёгким ветерком. По упругому хвойному ковру шёл, прихрамывая, человек, его лицо то оказывалось на свету, то скрывалось в тени. В смоляных волосах серебрились редкие нити седины.

Мордан шёл, сам не зная куда. Просто вперёд. Позади остался Скайрим, по которому, словно болезненный рубец по телу, протянулся след того пути, которым прошёл некромант. Позади остался потрясённый, не верящий в своё счастье Фолкрит. Позади осталась упокоенная армия мертвецов.

Скоро склон кончился, и лес уступил широкому дикому лугу. Июньское солнце светило нежарко и ласково. Жаворонок взхлёб заливался своей звонкой песней, паря высоко в ясном небе. Густо гудели жуки, шмели и пчёлы. Бабочки причудливо порхали над луговым разнотравьем. Мордан шёл через высокую, по пояс ему траву и ни о чём не думал. Он сдёрнул платок и, отшвырнув его в сторону, поднял лицо навстречу ласковым лучам. Зажмурился и долгое время брёл, как слепой, видя лишь танец зелёных и фиолетовых пятен на оранжевом фоне просвечиваемых солнцем век. Вдруг больная нога оступилась, и он, взмахнув руками, чуть не упал, но сумел удержать равновесие. Мордан открыл глаза, огляделся и уже зряче пошёл в выбранном направлении. Его целью был небольшой домик на опушке.

— Доброго здоровьичка! — приветствовала его маленькая уютная старушка, когда он приблизился к незакрытой калитке. — Издалёка путь держишь?

В её речи чувствовался шероховатый хаммерфелдский акцент.

— Издалека, — просипел Мордан, откашлявшись, прочистил горло и повторил. — Издалека. Из Скайрима.

— Ишь ты! Устал небось?

— Устал. Мне бы попить.

— Может, узвару травяного бодрящего? Самое то с дороги.

— Лучше просто воды.

— Это чем лучше-то? Вода не насытит живота. А у меня узвар свежий, токмо сварила.

И не слушая никаких возражений, старушка ушла в дом и скоро вернулась с простой глиняной кружкой в руках. Мордан взял её в руки, понюхал и посмотрел на неё особым взглядом. В питье не было ни капли магии, а пахло оно свежим мёдом и полевыми цветами. Он сделал жадный глоток, и показалось, что ничего вкуснее он не пил за всю свою жизнь. В несколько глотков Мордан опустошил кружку, протянул её старушке и робко спросил:

— Можно ещё?

— А чего ж нельзя-то? Конечно, можно.

Старушка сходила в дом и вынесла уже не только кружку, но и целый пузатый кувшин,

до краёв наполненный узваром. Мордан поблагодарил, взял кружку двумя руками и стал медленно, с расстановкой, небольшими глотками пить, наслаждаясь вкусом, солнечным днём и компанией старушки.

— Пей, сынок, пей, — сказала она, поглаживая его по плечу. — Вижу, потрепала тебя судьба.

На неизвестное время Мордан словно бы застыл. И вдруг увидел, что ровность узваровой глади в кружке нарушила какая-то упавшая в неё капля. Он не сразу сообразил, что это была его собственная слеза.